

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:

<https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-84812. Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1)

of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт
филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р филол. наук, проф., БПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет Эксетера
(Эксетер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный гуманитарный
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского Университета
(Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки
и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Yurii Pelekh

Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Iliya V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

В статьях данного номера затрагиваются разные аспекты изучения языка – от традиционных когнитивных до междисциплинарных.

Дискурсу языка посвящены публикации А. В. Дегальцевой и М. А. Кормилицыной; И. П. Фаломкиной. Материалом исследований выступают медиатексты, интернет-отзывы, имеющие свои специфические жанровые черты. Исследования обладают несомненной новизной, поскольку в одном случае происходит акцентуация функционирования публицистических текстов в аспекте их метажанровости (А. В. Дегальцева и М. А. Кормилицына), в другом – актуализируется вопрос о жанровой специфике интернет-отзыва в контексте дифференциации новых жанров (сетевая рецензия и т. д.). При этом оценочность является одним из жанрообразующих признаков интернет-отзыва (И. П. Фаломкина).

Раздел по **когнитивным исследованиям** представлен статьями, в которых осуществляется попытка тематической категоризации метафорических терминов (В. А. Катышева, Е. Ю. Куницына), рассматривается эвфемизация концептуальной области *смерть* на материале древнеанглийских текстов (С. А. Лунина); в рамках когнитивного направления анализируется антиутопическая картина мира на материале романа современного американского писателя Дэйва Эггерса "The Every" (Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая); моделируется ассоциативно-вербальное поле *мигрант* (М. А. Самкова). Авторы объединяет единый когнитивный подход при описании языкового материала, изучении объекта исследования.

Междисциплинарный раздел посвящен изучению проблематики, находящейся на стыке разных дисциплин. Так, Я. А. Дударева рассматривает копионию текстов, которая предстает особо важным понятием как для современной лингвистики, так и для юрислингвистики в аспекте решения спорных ситуаций. М. А. Кравченко исследует понятие метаязыковой рефлексии. Деятельность сознания по осмыслению разных фактов речи, взаимодействие языка и мышления имеет давнюю традицию, не потерявшую своей актуальности среди разных дисциплин.

Раздел **Политическая лингвистика** включает статьи коллективов авторов А. В. Алексева и А. В. Беляева; Е. А. Вдовиченко и В. А. Каменевой. В публикациях представлены: опыт создания и описания корпуса протестных движений с помощью теории лексико-семантических полей; способы введения политических терминов, ориентированных на аудиторию детского и подросткового возраста, в новостные тексты. Исследования являются перспективными, поскольку отражают современный научный взгляд на функционирование лексики в политическом дискурсе.

Два последних тематических раздела посвящены **анализу художественного произведения, теории литературы** (И. В. Кузнецов, С. В. Рудакова, А. И. Лебедева). Анализ литературного произведения, трансформация поэтического кода А. С. Пушкина в контексте экранизации известного романа автора, прояснение некоторых теоретических вопросов литературы по-прежнему остаются актуальными в аспекте современных научных тенденций.

Редакция журнала благодарит авторов за отправленные публикации. Приглашаем к сотрудничеству исследователей, научные интересы которых связаны с актуальными проблемами науки в области филологии.

Dear readers and authors!

This issue of SibScript touches upon various aspects of language studies, from cognitive linguistics to interdisciplinary research projects.

A. V. Degaltseva, M. A. Kormilitsyna, and I. P. Falomkina studied the discourse of media texts and online reviews. A. V. Degaltseva and M. A. Kormilitsyna focused on the function of media texts as a metagenre while I. P. Falomkina described the Internet review as a new online genre with evaluativeness as its genre-forming feature.

In the Cognitive Section, V. A. Katysheva and E. Yu. Kunitsyna introduce a thematic classification of metaphorical terms, S. A. Lunina examines the euphemisms of death in Old English, G. I. Lushnikova and T. Iu. Osadchaia analyze the dystopian worldview in modern American prose, and M. A. Samkova reconstructs the associative-verbal field of the verbal stimulus *migrant*. All the authors introduce their linguistic material from cognitive perspective.

The Interdisciplinary Section contains various issues that occur at the intersection of different disciplines. Ya. A. Dudareva

examines textual copyonymy as an important concept of law and legal linguistics. M. A. Kravchenko studied the ever-relevant correlation of language and thinking, i.e., metalinguistic reflection as the activity of consciousness in comprehending various speech facts.

The section of Political Linguistics is represented by A. V. Alekseev and A. V. Belyaev, who applied the theory of lexical-semantic fields to corpus research of protest movements. E. A. Vdovichenko and V. A. Kameneva described political terminology in news texts aimed at children and teenagers. Both studies reflect a modern scientific view of political language in different types of discourse.

The last two sections feature Fiction Analysis and Literary Theory. I. V. Kuznetsov, S. V. Rudakova, and A. I. Lebedeva analyzed famous works of fiction to clarify some major theoretical issues, e.g., how Alexander Pushkin's poetic code was interpreted in different film adaptations.

We thank our authors and invite philologists to publish their research results in our Journal.

Дискурсивная лингвистика

Жанрово-стилистическое своеобразие выражения гражданской позиции журналиста в современной прессе

Дегальцева А. В., Кормилицына М. А. 1

Средства выражения отрицательной оценки в интернет-отзывах посетителей ресторанов

Фаломкина И. П. 12

Когнитивная лингвистика

Термины-метафоры в составе строительной терминологии (на материале английского и русского языков)

Катышева В. А., Куницына Е. Ю. 21

Эвфемизация концептуализированной области *смерть* в древнеанглийском языке

Лунина С. А. 34

Антиутопическая картина мира в романе Дэйва Эггерса "The Every"

Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. 49

Моделирование ассоциативно-вербального поля *мигрант* в языковом сознании носителей русского языка

Самкова М. А. 59

Междисциплинарные исследования языка

Синонимия и копионимия текстов в аспекте категорий *тождество – сходство – различие*

Дударева Я. А. 73

Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: от объекта рефлексии к типологии рефлексивов

Кравченко М. А. 85

Политическая лингвистика

Опыт создания лингвистического корпуса цифровых лексических единиц (на примере социально-политических протестных движений)

Алексеев А. В., Беляев А. В. 97

Введение политической терминологии в новостные франкоязычные тексты, предназначенные для читателей детского и подросткового возраста

Вдовиченко Е. А., Каменева В. А. 110

Анализ художественного текста: литературоведческие аспекты

«Гордый человек» и мирные туземцы: поэма «Цыганы» – пушкинский анонс XIX века

Кузнецов И. В. 119

Экранизации «Евгения Онегина»: утрата или трансформация поэтического кода А. С. Пушкина?

Рудакова С. В. 128

Теория литературы

Функция ретардации в чиновнической драматургии XIX века

Лебедева А. И. 138

Discursive Linguistics

- Civic Position in Op-Eds: Genre and Stylistic Expression in Modern Media
Degaltseva A. V., Kormilitsyna M. A. 1
- Verbal Means of Negative Assessment in Online Restaurant Reviews
Falomkina I. P. 12

Cognitive Linguistics

- Metaphorical Terms as Part of Construction Terminology in English and Russian
Katysheva V. A., Kunitsyna E. Yu. 21
- Euphemization of *Death* Conceptual Domain in Old English
Lunina S. A. 34
- Anti-Utopian Outlook in *The Every* by Dave Eggers
Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu. 49
- Associative-Verbal Field *Migrant* in the Russian Linguistic Consciousness
Samkova M. A. 59

Interdisciplinary Linguistics

- Textual Synonymy and Copyonymy from the Perspective of *Identity – Similarity – Difference*
Dudareva Ya. A. 73
- Metalanguage Reflection in Fiction: From the Object of Reflection to the Typology of Reflexives
Kravchenko M. A. 85

Political linguistics

- Linguistic Corpus of Digital Lexical Units Related to Socio-Political Protest Movements
Alekseev A. V., Belyaev A. V. 97
- Political Terminology in French-Language News Texts for Children and Teenagers
Vdovichenko E. A., Kameneva V. A. 110

Literary Aspects of Text Analysis

- "Proud Man" vs. "Peaceful Natives": Pushkin's *The Gypsies* as Anticipation of the XIX Century
Kuznetsov I. V. 119
- Eugene Onegin Film Adaptations: The Loss or Transformation of Alexander Pushkin's Poetic Code?
Rudakova S. V. 128

Literary Theory

- Retardation in Nineteenth-Century Plays about Bureaucracy
Lebedeva A. I. 138

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vqajsv>

Жанрово-стилистическое своеобразие выражения гражданской позиции журналиста в современной прессе

Дегальцева Анна Владимировна

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, Саратов

eLibrary Author SPIN: 2679-7386

<https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Scopus Author ID: 57210287428

deganna@mail.ru

Кормилицына Маргарита Анатольевна

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, Саратов

eLibrary Author SPIN: 2529-6173

<https://orcid.org/0000-0003-3841-3647>

Scopus Author ID: 57219698371

Аннотация: Задача СМИ состоит не только в информировании читателя о важнейших социальных, культурных, политических процессах, но и в их оценке, которая способствует формированию общественного мнения. Цель – показать жанрово и стилистическое своеобразие выражения гражданской позиции журналиста в авторской колонке. Актуальность работы объясняется антропоцентризмом современной медиалингвистики, а новизна обусловлена привлечением к анализу нового материала и недостаточной изученностью предмета исследования: языковых и речевых средств, используемых колумнистами для репрезентации собственной гражданской позиции. Исследование проводится на материале 90 выпусков авторской колонки «Неделька с Дмитрием Поповым» в газете «Московский комсомолец» за 2021–2024 гг. В работе показано, что Д. Попов размышляет над сложными вопросами, тем самым стимулируя ответную реакцию аудитории и формируя систему ценностей, необходимую современному российскому гражданину, со всей ответственностью подходящему к участию в жизни своей страны. Читатель для Д. Попова – это не только патриот-единомышленник, но и, прежде всего, вдумчивая, склонная к анализу личность. Именно поэтому свое отношение к освещаемым событиям журналист часто выражает косвенно: с помощью цитирования, метакомментария, вопросно-ответной формы изложения, риторических вопросов, иронии и др. В ходе исследования установлено, что колонку «Неделька с Дмитрием Поповым» можно считать жанроидом, в котором органично сочетаются черты таких жанров речи, как новости, аналитический обзор, очерк, фельетон, совет, прогноз. Выявлено, что доминирующим способом оценки актуальных политических событий, происходящих в России и за рубежом, для Д. Попова является ирония. Она пронизывает практически весь текст авторской колонки и обнаруживается даже в ее названии (журналист выбирает эмоционально-оценочный диминутив *неделька* вместо нейтральной лексики *неделя*). Ирония реализуется в тексте газетной колонки с помощью речевых, стилистических и графических средств: тропов, эвфемизмов, стилистической контаминации, кавычек. Иногда она граничит с сарказмом и издевкой, особенно если применяется по отношению к политическим оппонентам и врагам России. Саркастически-издевательскую тональность публикациям Д. Попова придают хлесткие метафоры, окказионализмы, оценочные ярлыки.

Ключевые слова: медиатекст, СМИ, жанры речи, колонка, газета «Московский комсомолец», гражданская позиция журналиста

Цитирование: Дегальцева А. В., Кормилицына М. А. Жанрово-стилистическое своеобразие выражения гражданской позиции журналиста в современной прессе. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 1–11. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-1-11>

Поступила в редакцию 01.09.2024. Принята после рецензирования 02.10.2024. Принята в печать 07.10.2024.

full article

Civic Position in Op-Eds: Genre and Stylistic Expression in Modern Media

Anna V. Degaltseva

Saratov State University, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 2679-7386

<https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Scopus Author ID: 57210287428

deganna@mail.ru

Margarita A. Kormilitsyna

Saratov State University, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 2529-6173

<https://orcid.org/0000-0003-3841-3647>

Scopus Author ID: 57219698371

Abstract: Mass media inform people about the most important social, cultural, and political processes. However, news coverage is seldom objective and unbiased. The way mass media assess social events influences public opinions and attitudes. The article describes op-eds, namely the genre-dependent and stylistic devices that journalists use to express their civic position. Based on the anthropocentrism of modern media linguistics, the research involved previously understudied materials and subjects, i.e., linguistic tools used by opinion writers to bring their political views to the reader. The sample consisted of 90 op-eds in the series of *Dmitry Popov Weekly* published in *Moskovskiy Komsomolets* in 2021–2024. The op-eds touched upon complex issues, encouraging the readers to think and develop values that make a responsible citizen. The journalist sees the reader as a like-minded patriot and a reflecting personality. Dmitry Popov expresses his attitude to the events indirectly, via allusions, meta-commentaries, hypophoras, rhetorical questions, irony, etc. *Dmitry Popov Weekly* is a *genroid* that combines a news report, an analytical review, an essay, a feuilleton, a set of tips, and a forecast. Irony proved to be the most popular device used to cover domestic and foreign political events. Strating with the headline down, irony is realized in the text through speech, stylistic, and graphic means, i.e., tropes, euphemisms, stylistic contamination, quotation marks, etc. When applied to political opponents and politicians with anti-Russian views, it borders on sarcasm and mockery. The sarcastic and mocking tone is supported by blunt metaphors, occasionalisms, and evaluative labelling.

Keywords: media text, mass media, genres of speech, column, newspaper *Moskovskiy Komsomolets*, civic position of a journalist

Citation: Degaltseva A. V., Kormilitsyna M. A. Civic Position in Op-Eds: Genre and Stylistic Expression in Modern Media. *SibScript*, 2025, 27(1): 1–11. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-1-11>

Received 1 Sep 2024. Accepted after peer review 2 Oct 2024. Accepted for publication 7 Oct 2024.

Введение

СМИ, наряду с другими общественными институтами, образуют единую структуру гражданского общества, реализуя, помимо информативной и оценочной, еще и социально-регулятивную функцию [Солодовник 2012]. К вызовам, на которые приходится отвечать современным СМИ, Г. Саймонс и Д. Стровский относят глобализацию, цифровизацию, коммерческую направленность важнейших сфер жизни общества, а также сильное влияние рекламы и PR-технологий на культуру [Simons, Strovsky 2022]. Современные «журналисты ощущают двойственность профессиональной идентификации: с одной стороны, они являются частью рыночного механизма производства и продажи информации; с другой, они – активные участники гражданских процессов» [Шиняева, Каманина 2021: 69].

Сегодня наблюдается медиатизация политической сферы жизни [Beriker 2018; Fairclough 1995], которая осуществляется путем регулярного создания и распространения журналистских проектов, посвященных анализу важнейших внутри- и внешнеполитических событий. Главная интенция авторов аналитических публикаций – информирующее воздействие [Дускаева 2019]. К лингвистическим характеристикам современного аналитического медиатекста исследователи относят его диалогичность [Там же], стилистическую и жанровую контаминацию [Бычков 2013; Вартанова 1999], лингвокреативность [Гридина 1996; Киосе 2020], поликодовость, выражающуюся в совмещении вербальных, визуальных и аудиальных каналов передачи информации [Ращибуурская, Бусарева 2021].

Аналитический медиатекст создается с опорой на систему «нравственных координат, которые, хотя и основываются на общекультурной базе, у каждого автора личностные» [Урунова 2019: 146]. Сотрудникам СМИ важно не просто передать социально и политически значимую информацию, но выразить свою точку зрения на освещаемые события, убедить аудиторию в собственной правоте. Именно поэтому публицистический текст в той или иной мере отражает приметы личности автора, систему его взглядов и гражданскую позицию [Солганик 2001]. Исследованию языковой личности современного журналиста посвящен ряд научных работ [Кормилицына, Сиротина 2014; 2015; Крижановская 2011; Лекова 2018; Малышева 2017; Перфильева 2011].

В прессе наибольшие возможности для самовыражения журналисту предоставляет собственная колонка. Именно эта форма позволяет ему устанавливать и поддерживать контакт с аудиторией, формировать ее взгляды на важнейшие внутри- и внешнеполитические события. Колумнист «воссоздает объективную, верифицируемую, не зависящую от его точки зрения картину реальности, и показывает свое личное к ней отношение, ...общественный смысл и ценность фактов реальности, их этическую меру, отношение к добру и злу» [Тепляшина 2006: 195].

Современная колонка рассматривается учеными или как особый жанр [Гюббенет, Черезова 2018; Ярцева 2011], или как авторская рубрика, которой исследователи отказывают в статусе самостоятельного жанра речи, поскольку она, по их мнению, не обладает единством формы, предмета и метода отображения действительности [Гордеев 2015]. Некоторые исследователи относят аналитические материалы колумнистов к жанру комментария (см., например, работы [Колесниченко 2008; Тертычный 2014]). Формальными признаками колонки являются периодичность публикации, постоянное место на газетной полосе, визуальное указание на автора (его фотография и / или подпись). С. С. Ярцева, изучая колонку как особый жанр речи, выделяет ее конституирующие признаки: предмет – субъективное переживание по поводу актуальной и социально значимой проблемы, целеустановка – демонстрация журналистом собственной оценки этой проблемы, метод подачи материала – образный анализ, форма – свободное повествование, которое вбирает в себя элементы других жанров речи (от эссе до заметки) [Ярцева 2011].

Итак, основными целями колонки являются обзор, интерпретация и оценка социально значимых событий, а также трансляция аудитории традиционных онтологически значимых ценностей [Цветова 2012].

Цель данной работы – показать жанровое и стилистическое своеобразие выражения гражданской позиции журналиста в его авторской колонке.

Методы и материалы

Рассмотрена авторская колонка «Неделька с Дмитрием Поповым», которая публикуется по понедельникам в газете «Московский комсомолец»¹ (далее – МК). МК – это общественно-политическое издание с более чем столетней историей, которое зарекомендовало себя как представитель так называемой качественной прессы. Главным редактором МК с 1983 г. является Павел Гусев, член Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека. Деятельность издания отражает концепцию государственной информационной политики России в области СМИ.

Одним из авторитетных политических обозревателей МК считается Дмитрий Попов. В издании он работает с 1992 г., при этом начинал свою деятельность в качестве криминального репортера, освещал события, связанные с чеченской войной (на которой сам побывал), а также работой Генеральной прокуратуры и силовых структур. Журналист имеет множество ведомственных благодарностей и грамот; награжден медалями МЧС и МВД, кортикотом от министра обороны РФ. Д. Попов – лауреат премии Правительства г. Москвы в области СМИ. В 2019 г. он был признан лучшим журналистом МК. Сегодня Д. Попов освещает острые социально-политические проблемы, пишет обзоры в газете МК, ведет авторскую колонку «Неделька с Дмитрием Поповым».

Материалом послужили 90 выпусков «Недельки с Дмитрием Поповым» за 2021–2024 гг. Исследование базируется на применении описательного и интерпретативного методов, стилистического и дискурсивного анализа. Актуальность обусловлена антропоцентризмом современной медиалингвистики, а новизна – не только привлечением к анализу нового материала, но и недостаточной изученностью самого предмета исследования: языковых и речевых средств, которые используют колумнисты для выражения собственного отношения к наиболее резонансным общественно-политическим событиям.

¹ Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/> (дата обращения: 30.08.2024).

Результаты

Своеобразие «Недельки с Дмитрием Поповым» состоит в том, что данную колонку можно считать жанридом, т. е. переходной жанровой формой, располагающейся в межжанровом пространстве [Седов 2009]. В зависимости от проблематики и коммуникативной цели в колонке могут присутствовать черты таких жанров, как:

- Новостная заметка: *Стороны конфликта, которых пытались усадить за стол переговоров, остались на своих позициях и в очередной раз обменялись взаимными претензиями. Зеленский свозил делегатов в Бучу, Путин – в Петергоф. И сошлись они только в одном: миротворческие усилия африканских посредников заслуживают высокой оценки, и работу с ними надо продолжать* (МК. 19.07.2023).
- Аналитический обзор: *Главное событие недели – это, конечно, запуск «Луны-25». Потому что это не слова, не обещания – это действие, реальность. Это непобежденная страна, которая возвращается. <...> А потому нужно закладывать фундамент под будущее. Здесь, кстати, тоже делаются шаги. Правильные* (МК. 14.08.2023).
- Научно-популярный очерк: *Нынешняя Россия – наследница и Российской империи, царской, и красной империи, СССР. Взять и вымарать что-то из нашей истории, закрасить исключительно черной краской или, наоборот, превратить в зефирные облачка нельзя. <...> Империи, как известно, есть двух типов: подавляющие народы, колонизаторские, и собирающие народы, развивающие. Россия исторически империя второго типа* (МК. 19.07.2023).
- Фельетон: *Со скрипом, роняя осыпающуюся тридцатилетнюю ржавчину, недоуменно оглядываясь в поисках квалифицированных рабочих рук, но разворачивается промышленность. Лозунг «на Западе все купим» сорван с заводских ворот и выброшен вон. Фабричный художник старательно выводит новый – забытые слова «Слава труду!»* (МК. 04.09.2023).
- Прогноз: *Не будет у нас спокойного будущего в ближайшие годы, попали мы в Историю* (МК. 16.10.2023); *в целом приоритетом на XXI век для России будет «опережающее развитие дальневосточных регионов», а еще один наш стратегический приоритет – Арктика* (МК. 18.10.2023); *В одном сомневаться не приходится: наступающая неделя будет жаркой вовсе не потому, что лето* (МК. 03.07.2023). Заметим, что прогностическая функция очень важна для современных СМИ по двум причинам. Во-первых, она позволяет читателю

обрести ориентир в динамично меняющемся мире, во-вторых, отражает устремленность в будущее как одну из примет темпоральной картины мира российского человека [Шевцова 2016].

- Совет, рекомендация: *«Я планов наших люблю громадь!» И название поэмы подходит: «Хорошо!». Стоит, кстати, перечитать – в ней многое о дне сегодняшнем* (МК. 18.09.2023); *А чтобы не перегреваться, рекомендую слушать Лукашенко, который тоже объяснил и что происходило, и, главное, что будет: «Не волнуйтесь, все будет нормально, иногда даже хорошо»* (МК 03.07.2023).

«Неделька с Дмитрием Поповым» представляет собой обзор резонансных событий прошедшей недели. Д. Попов интерпретирует и оценивает эти события с позиции патриота, ответственного за судьбу своей страны, стараясь убедить адресата в справедливости высказанного мнения, т. е. создать медиатекст, который будет эффективно воздействовать на систему ценностей и взглядов аудитории. Выражая свою позицию по поводу актуальных политических событий, Д. Попов обычно использует тактику аргументированного рассуждения, которая реализуется посредством разъяснения ситуации, сопоставления фактов и приведения примеров. Логическую стройность размышлениям журналиста придают дискурсивные средства, отражающие ход мысли автора (*потому что, ведь, во-первых, во-вторых и под.*), облегчить восприятие текста позволяет парцелляция:

- *И бить вглубь России они будут по городам, утверждая, что бьют по военным объектам. По городам – потому что эффект от этого будет куда больше, чем военный эффект от ударов по военным объектам. А ведь ровно то же самое и с Курской областью. Чисто военного смысла во вторжении – около нуля. Вот и вся картина. <...> Зеленский, во-первых, «держит марку» в интересах заокеанских хозяев, которым нужна победа на выборах, во-вторых, получает два козыря на будущих переговорах о мире* (МК. 26.08.2024).

Дмитрий Попов может обращаться к читателю-единомышленнику напрямую, солидаризируясь с ним, для чего чаще всего использует инклюзивное местоимение *мы* и «мыслительно-активизирующие маркеры адресации» [Баженова 2012], выраженные императивами, репрезентирующими ментальную деятельность:

- *Этому есть несколько второстепенных причин – и одна главная. Важнейшая для нас, если мы хотим Победы с большой буквы* (МК. 08.11.2023);
- *Вот угадайте, кто сказал: «Нельзя русским угрожать убийством»?* (МК. 19.07.2023);
- *А теперь, представьте, как все рванет вперед, если все чиновники и депутаты будут прикреплены к районным поликлиникам* (МК. 14.08.2023).

Для выражения своей позиции как человека и гражданина журналист активно пользуется метатекстовыми средствами, которые Л. Р. Дускаева метафорически называет *следами* процесса создания дискурса. Они отражают «онтологически многослойную природу медиаречи, рождаемой в ответ на чужое сообщение и на предвосхищаемую реакцию аудитории» [Дускаева 2023: 34]. С помощью метатекста журналист организует структуру своего материала и помогает адресату понять его содержание. Метатекст выступает в качестве «объективного индикатора скрытых интенций говорящего, его взглядов и интересов, ценностных приоритетов, не выражаемых явным образом в его дискурсе» [Радбиль 2021: 408]. Метатекстовые средства выполняют субъективно-модальную (оценочную), логико-связующую (регулятивную) и рефлексивную функции [Вепрева 2002; Викторова 2015; Дускаева 2019].

Регулятивная функция метатекстовых средств у Д. Попова заключается в отражении хода рассуждения, в установлении диалога с читателем. Метатекстовые средства структурируют повествование, помогая читателю следить за развитием мысли журналиста:

- *Во-первых, стоит вспомнить, что мир вовсе не только США, Канада, немного старой Европы и Австралия, а еще много-много чего, всяких стран и континентов. Во-вторых, стоит понять, что это не мир рушится, а привычная и оттого казавшаяся многим нормальной, картина мира* (МК. 26.07.2022).

Рефлексивная функция метакомментариев заключается в осмыслении автором своего текста, которое М. В. Ляпон метафорически называет *блужданием* мысли вокруг денотата [Ляпон 1986]:

- *Конечно, жанр обзора недели предусматривает, что надо написать и еще о каких-то событиях. Можно, да. Вот на Олимпиаде в женском боксе ожидаемо победил мужик. Иран продолжает пугать Израиль* (МК. 12.08.2024).

Оценка актуальных событий с помощью метатекстовых средств является косвенной. Один из способов ее выражения в «Недельке с Дмитрием Поповым» – конструкции авторизации информации, которые позволяют журналисту оценивать анализируемые события посредством мнения других личностей или изданий:

- *И вот теперь Time пишет, что украинские чиновники «воруют так, как будто завтра не наступит»* (МК. 30.10.2023). Слова сотрудников американского журнала Д. Попов снабжает собственными пояснениями: *кстати, это можно понять – для них такая вероятность существует* (МК. 30.10.2023).

Для эффективного диалога журналиста с читателем необходимы «наличие определенной точки зрения в авторском высказывании; внятное эстетическое оформление мысли (способность аудитории декодировать авторское послание); остроумная организация повествования» [Кройчик 2018: 102]. Адресат колонки Д. Попова – человек думающий, умеющий понимать глубину мысли и угадывать скрытый в ней подтекст. Как написал когда-то сам Д. Попов: *все-таки лучшие политологи – это глубинный народ. Народ, который умеет за деревьями видеть лес* (МК. 26.01.2020). Именно поэтому журналист пользуется средствами непрямого коммуникации [Дементьев 2006], воздействующий потенциал которых оказывается намного сильнее, чем при эксплицитном способе подачи материала, ведь «более эффективно усваивается, онтологизируется не полностью эксплицитное знание, а такое знание, над которым когнитивной системе приходится работать, прилагать определенные усилия» [Баранов 2009: 175].

Д. Попов часто выражает свое мнение эзоповым языком, использует косвенные способы подачи информации, например риторические вопросы и вопросно-ответную форму изложения. Эти средства призваны стимулировать аналитическое мышление адресата:

- *Так вот, Россия вышла из зерновой сделки и продемонстрировала серьезность намерений ударами по портам. У многих был вопрос, а чего тянули, если сразу было понятно, что Россию со сделкой кидают? Почему мы действовали в ущерб себе? Это были коммерческие интересы отдельных представителей элит?* (МК. 24.07.2023);
- *Вот через месяц-полтора начнется распутица, как говорит генерал Милли, активное наступление ВСУ остановится. А что потом?* (МК. 11.09.2023);

- *Нужно после этого объяснять слова Байдена, что США хотят построить новый мировой порядок? И как они его хотят строить? Впрочем, ничего нового. История показывает, что во всех точках мира, где США устанавливали демократию вместо тирании и мир вместо войны, начиналась кровавая баня. И некоторые, подвергшиеся демократизации страны, пребывают в таком состоянии до сих пор* (МК. 23.10.2023).

Доминирующим способом косвенного оценивания общественно значимых событий для Д. Попова является ирония. Уже само название колонки, для которого вместо нейтральной лексики *неделя* выбран диминутив *неделька*, настраивает читателя на шутивно-ироническую тональность подачи материала и передает снисходительное отношение журналиста к собственным мыслям. Ирония позволяет Д. Попову выражать негативное отношение к действиям политических партнеров России, избегая прямых оценок, а читателю – сформировать собственное представление об анализируемых в «Недельке с Дмитрием Поповым» событиях. По мнению Н. Б. Руженцевой, «в совокупности текстов обзоров Дм. Попова превалирует ирония, которая соотносится именно с насмешкой, вызывает скорее негативно-оценочное отношение к объекту иронии и активизирует критическое мышление адресата» [Руженцева 2021: 22].

Иронического звучания Д. Попов добивается с помощью разнообразных и разноуровневых языковых средств, обычно используя для этого тропы:

- метафоры: *Израиль отодвинул Зеленского от денег США* (МК. 18.10.2023); *Нравственный камертон Израиля* (МК. 16.20.2023);
- сравнения: *Газовая труба, идущая из России через Украину в Европу, – вещь то ли заговоренная, что ее ничто не берет, – ни «Кинжалы», ни «Искандеры», ни диверсионно-разведывательные группы, – то ли святая, как корова в Индии* (МК. 27.08.2024);
- эпитеты: *Иди за детский столик* (МК. 18.10.2023); *Многополярная война* (МК. 09.10.2023);

- метонимию: *нападение ХАМАС на Израиль стало ударом по Зеленскому* (МК. 09.10.2023); *Запад отползает с Украины* (МК. 05.11.2023).

Чаще всего они помещаются в сильной позиции текста – заголовке, что мгновенно привлекает внимание читателя к публикации. Нередко журналист использует развернутые метафоры. На такой метафоре построен проникнутый горькой иронией текст с абсурдистским заголовком *Беременность наполовину*. С помощью такой примитивно-резкой, но понятной метафоры Д. Попов показывает читателю недопустимость полумер в государственной политике и идеологии:

- *Ютуб начали замедлять, был арестован бывший главный тыловик Минобороны генерал Булгаков, в Париже с треском открылась Олимпиада. Обсуждение в обществе этих событий недели показывает очень интересную и трагическую тенденцию, которую можно, наверное, назвать «беременность наполовину». <...> Это как? Здесь воюем, а здесь нет, неудобненько как-то. <...> «беременность наполовину», кстати, – болезнь. Из разряда психиатрии. Развитие ее в общественном сознании может быть смертельно опасно. А доктор что-то запаздывает...* (МК. 29.07.2024).

Ироническая тональность создается и с помощью риторической категории разговорности. Используя хлесткие разговорные и нелитературные (жаргонные, просторечные) слова и выражения, журналист негативно оценивает действия политических оппонентов России:

- *Кто там кому жажнет – бабушка надвое сказала* (МК. 09.10.2023);
- *Зеленский посмел забыть, кто тут пан, а кто холоп, и наехал на Варшаву с обвинениями; <...> влез Шольц, решивший пнуть Польшу за раздачу за взятки виз мигрантам* (МК. 25.09.2023).

Характеризуя действия политиков, Д. Попов использует разговорные (*влезть*², *бабушка надвое сказала*³), просторечные (*жахнуть*⁴, *пнуть*⁵), жаргонные (*наехать*⁶) слова и выражения.

² Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов, ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. С. 97.

³ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок: более 40000 образных выражений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 23.

⁴ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов... С. 230.

⁵ Там же. С. 644.

⁶ Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: ок. 450 слов. М.: Азбуковник, 1999. С. 115.

Для пренебрежительно-иронического звучания текста Д. Попов умело использует стилистическую контаминацию, совмещая книжную лексику с разговорной или жаргонной. Так, в следующем высказывании свойственная публицистике лексема *либеральный* соседствует с жаргонным глаголом *впаривать*⁷:

- Назвать что-нибудь по-новому и *впарить* как новое публике (чаще всего публике *либеральной* <...>) – стандартный ход (МК. 23.09.2024).

Ироническую тональность в «Недельке с Дмитрием Поповым» создают и прецедентные феномены. Их употребление в журналистском тексте «невольное» вызывает доверие к дискурсу автора, т. к. они оцениваются как обобщение человеческого опыта, народная мудрость» [Грицкевич 2015: 159]. Благодаря интертекстуальности журналист, с одной стороны, апеллирует к фоновым знаниям аудитории, с другой – проявляет лингвокреативность, добиваясь иронического звучания текста за счет трансформации или контаминации прецедентных феноменов:

- Поскольку *«уж небо осенью дышало»*, вроде бы *пора считать цыплят*, но вот председатель Объединенного комитета начальников штабов США генерал Марк Милли говорит – *«рановато»* (МК. 11.09.2023);
- *«Беги, Чубайс, беги»*⁸: лимит терпения в России исчерпан (МК. 12.09.2023).

Другое средство создания иронии – использование кавычек, которые придают тексту снисходительное или иронически-пренебрежительное звучание:

- Удивление от успехов палестинских боевиков, которые за сутки захватили территорию больше, чем сумели пройти за 4 месяца *«контрнаступа»* ВСУ, исчезает, если понять одну простую вещь, нами понятую на собственном опыте (МК. 09.10.2023).

Кроме того, закавыченные слова чаще всего отражают растиражированные в современных СМИ псевдоценности [Радбиль 2021]:

- Впрочем, виноват у всего *«цивилизованного»* мира все равно Путин (МК. 09.10.2023);

- Это нарушение *«порядка, основанного на правилах»*. Того порядка, который США считают единственно верным – то есть выгодным для себя (МК. 16.10.2023).

Иронически прочитываются в «Недельке с Дмитрием Поповым» даже эвфемизмы:

- Россия эффектно вышла из зерновой сделки. *Яркие эффекты* всю неделю были видны в портовых городах Украины (МК. 23.07.2023);
- Не хотелось бы, чтобы у Бернса и всех прочих *«доброжелателей»* нашей страны был шанс увидеть нечто еще более *захватывающее* (МК. 24.07.2023);
- Но *все те же* политики *все тех же* стран занимались *тем же самым* и до спецоперации, были точно такими же (МК. 26.07.2022).

Кроме того, «ирония у Дм. Попова базируется на демонстрации абсурдности, алогичности происходящего» [Руженцева 2021: 24]:

- Странное ощущение, что мир становится с ног на голову. Вроде всегда с Ближнего Востока люди стремились сбежать в Европу – цитадель демократии, островок благополучия, символ сытой и спокойной жизни. И тут вдруг в Ливан бежит, спасаясь от угроз убийством, аж экс-министр иностранных дел Австрии Карин Кнайсль (МК. 06.07.2022).

Оценивая действия политических оппонентов или врагов России, Д. Попов нередко прибегает к издевке. Иронически-издевательская тональность достигается посредством тактики навешивания ярлыков [Иссерс 1997]:

- А надо было *хозяев* [США] слушать; А ты, мальчик в зеленой футболке [В. Зеленский], иди за детский столик (МК. 17.10.2023);
- *«Позор еврейского народа»* Зеленский всю прошедшую неделю отмалчивался после нацистского дефиле в Канаде (МК. 02.10.2023);
- Но вот приходят *бородатые* и в неуставной форме *бармалеи* (МК. 09.10.2023);
- Ким Чен Ын <...> единственный, кто сдерживает Годзиллу, не прочь сдержать и Годзиллу мирового *империализма* – США (МК. 18.09.2023).

⁷ Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга. М.: АСТ; Хранитель, 2007. С. 42.

⁸ Отсылка к названию известного фильма Т. Тыквера «Беги, Лола, беги».

Приемом создания иронически-издевательской тональности в «Недельке с Дмитрием Поповым» служат и предполагаемые внутренние монологи героев материала, якобы выражающие их сокровенные мысли:

- *Сидит сейчас Зеленский, смотрит с тоской на серую Банковую через закапанное дождем окно, и думает с легким таким налетом антисемитизма: «Вот ведь, влезли без очереди, так могут и вообще без денег оставить!»* (МК. 17.10.2023).

Другим средством создания издевки, на наш взгляд, является использование негативно окрашенных окказионализмов. Так, в материале *Непобежденная страна* Д. Попов подчеркивает, что его читатель – представитель новой русской интеллигенции, патриот, освободившийся от пагубного влияния западников и либералов, которые, по его мнению, долгие годы способствовали *освинению* русского народа. Этот окказиональный образ вырастает из развернутого сравнения, возникающего в рассуждениях журналиста о судьбе соотечественников:

- *Тридцать лет назад нас вынудили «менять космос на фанерные табуретки». Тридцать лет нас приучали смотреть только в свою тарелку и следить, чтобы она была до краев. Единственное животное, которое не может поднять голову, чтобы посмотреть в небо, – свинья. Тридцать лет против нас велась специальная операция. Еще десяток лет воспитания (а по сути, отупления) блогерами и пролезшими везде, куда только можно пролезть, либералами – и мы бы посыпались сами. Но наступило «бесконечное двадцать четвертое». **Освинение** остановилось и покатило, набирая ход, вспять* (МК. 14.08.2023).

Д. Попов употребляет и окказионализмы, прозвучавшие в речи медийных личностей или политиков:

- *Никак не давался Алиеву **тарасопереход**, не получалось стать своим. Все равно же на 50 процентов русский* (МК. 30.08.2024);
- *Можно вспомнить стандартные аргументы – вооружение у захватчиков **натовское**, в их рядах полно иностранцев, зарубежных **«ихтамнетов»*** (МК. 10.08.2024).

Заключение

Своеобразие колонки «Неделька с Дмитрием Поповым» заключается в том, что она представляет собой жанр-рид: совмещает аналитический обзор с новостями, советами, прогнозами и другими жанрами речи. Печатный формат издания способствует тому, что журналист получает значительную свободу в выборе выразительных средств, свойственных публицистике, и наделяет монологический текст диалогическими чертами.

В колонке Д. Попов проявляет себя не только как прозорливый аналитик, но и как истинный патриот. Именно поэтому он обращается не к обезличенному массовому адресату, а к единомышленнику, способному понимать и анализировать события, происходящие в России и мире. Для большей силы воздействия на аудиторию журналист освещает общественно-политические проблемы, умело и уместно пользуясь эзоповым языком.

Выражая свою гражданскую позицию, он использует целый ряд приемов: метатекстовые средства, цитаты, риторические вопросы и вопросно-ответную форму изложения. Отличительной чертой Д. Попова как аналитика является пронизывающая весь текст его авторской колонки ирония, которая достигается с помощью лексических, стилистических, графических средств (тропов и фигур речи, прецедентных феноменов, эвфемизмов, стилистической контаминации, кавычек и др.). Дискредитируя политических оппонентов и врагов России, Д. Попов переходит на саркастически-издевательский тон, используя хлесткие метафоры, окказионализмы, оценочные ярлыки. Журналист предпочитает задаваться сложными, порой, неразрешимыми вопросами, поскольку это стимулирует ответную реакцию адресата и позволяет выстроить диалог с ним как с единомышленником.

Таким образом, в авторской колонке он проявляет себя как аналитик, иронически разоблачающий и критикующий действия оппонентов России на политической арене. Его тексты, наделенные силой убеждения, характеризуются диалогичностью, экспрессивностью, ироничностью, умелым использованием средств непрямого общения. Деятельность Д. Попова способствует формированию у его читателей патриотических убеждений и гражданской ответственности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Баженова Е. А. Средства адресации в научном тексте. *Медиаскоп*. 2012. № 4. [Bazhenova E. A. Means of addressing in the scientific text. *Mediascope*, 2012, (4). (In Russ.)] URL: <http://www.mediascope.ru/node/1240> (accessed 18 Nov 2022). <https://elibrary.ru/pkzhbl>
- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2009. 592 с. [Baranov A. N. *Linguistic examination of the text: Theory and practice*. 2nd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2009, 592. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ogsunj>
- Бычков С. С. Поликодовость как макроструктурный признак печатных текстов раннего нового времени. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2013. № 2. С. 148–153. [Bychkov S. S. Polycode phenomenon as a macrostructural feature of the printed texts in the early modern period. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2013, (2): 148–153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ruluyr>
- Вартанова Е. Л. К чему ведет конвергенция в СМИ? *Информационное общество*. 1999. № 5. С. 11–14. [Vartanova E. L. What does media convergence lead to? *Informatsionnoe obshchestvo*, 1999, (5): 11–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hrntdz>
- Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: УрГУ, 2002. 379 с. [Vepreva I. T. *Linguistic reflection in Post-Soviet period*. Ekaterinburg: USU, 2002, 379. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/siqgmj>
- Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов: Наука, 2015. 404 с. [Viktorova E. Yu. *Auxiliary system of discourse*. Saratov: Nauka, 2015, 404. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvmqgn>
- Гордеев Ю. А. Колумнистика в печатных и интернет-изданиях: жанровый аспект. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2015. № 3. С. 136–139. [Gordeev Y. A. Genre aspect of author's columns in print and online media. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2015, (3): 136–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwnbod>
- Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: УрГПУ, 1996. 215 с. [Gridina T. A. *Language game: Stereotype and creativity*. Ekaterinburg: USPU, 1996, 215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udffec>
- Грицкевич Ю. Н. Влияние заголовка на построение и реализацию политического дискурса в масс-медийном пространстве. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2015. № 1. С. 154–161. [Gritskevich Yu. N. The impact of title on the construction and implementation of political discourse in the mass media. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki*, 2015, (1): 154–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vpzvox>
- Губбенет И. В., Черезова Т. Л. Авторская колонка в газете как объект филологического исследования. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2018. № 1. С. 47–53. [Gubbenet I. V., Cherezova T. L. Author's column as an object of philological study. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2018, (1): 47–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbvotr>
- Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 560 с. [Demytyev V. V. *Indirect communication*. Moscow: Gnosis, 2006, 560. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rehcgj>
- Дускаева Л. Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2023. Т. 48. № 1. С. 30–65. [Duskaeva L. R. Speech organization of the metatext of Telegram post. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2023, 48(1): 30–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.3065>
- Дускаева Л. Р. Стилистический анализ в медиалингвистике. М.: Флинта, 2019. 340 с. [Duskaeva L. R. *Stylistic analysis in media linguistics*. Moscow: Flinta, 2019, 340. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/malksw>

- Иссерс О. С. «Посмотрите, на кого он похож!» (к вопросу о речевых тактиках дискредитации). *Вестник Омского университета*. 1997. № 3. С. 81–84. [Issers O. S. Just look at him! Discrediting speech tactics. *Herald of Omsk University*, 1997, (3): 81–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uedirr>
- Киосе М. И. Когнитивно-семиотические основания лингвокреативности дискурса: методика анализа. *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2020. № 2. С. 37–47. [Kiose M. I. Linguistic creativity in discourse: The research perspective of cognitive semiotics. *Uralskii filologicheskii vestnik. Seriya: Iazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa*, 2020, (2): 37–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/ufv20-02-03>
- Колесниченко А. В. Практическая журналистика. М.: МГУ, 2008. 192 с. [Kolesnichenko A. V. *Practical journalism*. Moscow: MSU, 2008, 192. (In Russ.)]
- Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Идиостиль журналиста. Статья первая. *Медиалингвистика*. 2014. № 2. С. 40–48. [Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B. Individual style of a journalist. Part 1. *Medialingvistika*, 2014, (2): 40–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tbsumj>
- Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Идиостиль журналиста. Статья 2. *Медиалингвистика*. 2015. № 1. С. 25–33. [Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B. Individual style of a journalist. Article 2. *Medialingvistika*, 2015, (1): 25–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/riyijg>
- Крижановская Е. М. Особенности индивидуального стиля журналиста – автора политического интернет-блога. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2011. № 4. С. 88–96. [Krizhanovskaya E. M. The specificity of individual style of the journalist, the author of the political web-log. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2011, (4): 88–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ojkmgd>
- Кройчик Л. Е. Организация диалога в публицистике. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2018. № 1. С. 102–105. [Kroychik L. E. Organization of dialogue in publicistics. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2018, (1): 102–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytlgyu>
- Лекова П. А. Особенности индивидуального стиля журналиста Х. Камалова. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2018. № 3. С. 79–83. [Lekova P. A. Features of individual style of the journalist Kh. Kamalov. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2018, (3): 79–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqdnzj>
- Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с. [Lyapon M. V. *Semantic structure of a complex sentence and text. Towards a typology of intra-textual relations*. Moscow: Nauka, 1986, 200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rsvmxd>
- Мальшева Е. Г. Дискурсивная языковая личность и идиостиль журналиста: методология и методы исследования (на примере анализа текстов омского журналиста Сергея Шкаева). *Политическая лингвистика*. 2017. № 6. С. 39–44. [Malysheva E. G. Discursive linguistic personality and idiosyncrasy of the journalist: Methodology and research methods (based on the texts by Omsk journalist Sergey Shkaev). *Political Linguistics*, 2017, (6): 39–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nguest>
- Перфильева Е. Ю. Явление интертекстуальности как черта идиостиля журналистов. *Культура и текст*. 2011. № 12. С. 356–360. [Perfilieva E. Yu. The phenomenon of intertextuality as a feature of the idiosyncrasy of journalists. *Kul'tura i tekst*, 2011, (12): 356–360. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozqpmh>
- Радбиль Т. Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ. *Медиалингвистика*. 2021. Т. 8. № 4. С. 406–420. [Radbil T. B. "Pseudo-values" in modern Russian media discourse: The experience of logical analysis of implicit evaluativeness in the language of print media. *Medialingvistika*, 2021, 8(4): 406–420. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.407>
- Рацибурская Л. В., Бусарева С. Г. Проблема поликодности как синтеза вербальных и невербальных средств воздействия (на материале медийных новообразований). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021. Т. 18. № 4. С. 831–846. [Ratsiburskaya L. V., Busareva S. G. The problem of multimodality as a synthesis of verbal and non-verbal means of influence (based on the material of media

- texts). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Yazyk i Literatura*, 2021, 18(4): 831–846. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.412>
- Руженцева Н. Б. Ирония в «Недельке с Дмитрием Поповым»: возможности комплексного исследования текста. *Политическая лингвистика*. 2021. № 4. С. 21–28. [Ruzhentseva N. B. Irony in "A week with Dmitry Popov": Opportunities of comprehensive text research. *Political Linguistics*, 2021, (4): 21–28. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_04_02
- Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика. *Жанры речи*. 2009. № 6. С. 23–40. [Sedov K. F. Linguistics. Speech production. Genristics. *Zanry Reci*, 2009, (6): 23–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmvluu>
- Солганик Г. Я. Автор как стилиобразующая категория публицистического текста. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2001. № 3. С. 74–83. [Solganik G. Ya. The author as a style-forming category of a journalistic text. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2001, (3): 74–83. (In Russ.)]
- Солодовник Л. В. Идеологическая безопасность российского общества в контексте трансформационных вызовов современности. Ростов н/Д: Антей, 2012. 256 с. [Solodovnik L. V. *Ideological security of Russian society in the context of transformational challenges of our time*. Rostov-on-Don: Antei, 2012, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qookpf>
- Тертычный А. А. Интернет-публицистика: жанровый профиль. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014. Т. 156. № 6. С. 7–16. [Tertychniy A. A. Internet journalism: Genre profile. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2014, 156(6), 7–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqaloj>
- Тепляшина А. Н. Жанры и формы комического в современной российской периодике. СПб.: СПбГУ, 2006. 286 с. [Teplyashina A. N. *Genres and forms of the comic in modern Russian periodicals*. St. Petersburg: SPbSU, 2006, 286. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvkfjx>
- Урунова Р. Д. К вопросу о способах авторизации текстов и жанрах СМИ. *Жанры речи*. 2019. № 2. С. 143–147. [Urunova R. D. To the question of the authorization of texts and genres of media. *Zanry Reci*, 2019, (2): 143–147. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-143-147>
- Цветова Н. С. Категория автора в интенциональном поле медиатекста. *Медиатекст как полиинтенциональная система*, отв ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 17–24. [Tsvetova N. S. The category of the author in the intentional field of the media text. *Media text as a polyintentional system*, eds. Duskaeva L. R., Tsvetova N. S. St. Petersburg: SPbSU, 2012, 17–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjjwjx>
- Шевцова Д. А. Образы будущего в колумнистике газеты «Московский комсомолец». *Научный диалог*. 2016. № 8. С. 97–106. [Shevtsova D. A. Images of the future in columns of "Moskovsky Komsomolets" newspaper. *Nauchnyi Dialog*, 2016, (8): 97–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjzzvh>
- Шиняева О. В., Каманина В. Е. Изменение профессионального поведения журналистов в условиях трансформации института СМИ. *Научный результат. Социология и управление*. 2021. Т. 7. № 2. С. 69–87. [Shinyaeva O. V., Kamanina V. E. Changing the professional behavior of journalists in the context of the transformation of the media institution. *Research Result. Sociology and management*, 2021, 7(2): 69–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-6>
- Ярцева С. С. Жанровые признаки колонки. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2011. № 1. С. 226–228. [Yarceva S. S. Genre features of journalists column. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2011, (1): 226–228. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nvwlpr>
- Beriker N. Mediation as Politics: How Nations Leverage Peace Engagements? *International Negotiation*, 2018, 22(3): 431–450. <http://dx.doi.org/10.1163/15718069-12341360>
- Fairclough N. *Media Discourse*. L.-NY: Edward Arnold, 1995, 214.
- Simons G., Strovsky D. Factors transgressing journalism's contemporary mission and role. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2022, 27(1): 109–121. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-109-121>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/yuabjh>

Средства выражения отрицательной оценки в интернет-отзывах посетителей ресторанов

Фаломкина Ирина Павловна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6996-3053

<https://orcid.org/0000-0001-7382-0163>

Scopus Author ID: 57219700009

falomkina@mail.ru

Аннотация: В работе затрагиваются вопрос жанровой специфики интернет-отзыва и проблема разграничения новых виртуальных жанров (сетевой рецензии, интернет-комментария, интернет-отзыва). Цель – выявить и описать способы выражения отрицательной оценки на разных уровнях языка в интернет-отзывах посетителей ресторанов «Шашлыкoff». Материалом исследования стали отзывы посетителей ресторанов «Шашлыкoff», размещенные в российском электронном справочнике 2ГИС (проанализировано более 1000 отзывов посетителей ресторанов). Применены метод сплошной выборки на этапе отбора материала, методы лингвостилистического, контекстуального анализа, метод классификации при описании способов выражения отрицательной оценки. Определяются основные черты интернет-отзыва, такие как вторичность, диалогичность, лингвистическая свобода автора, информативность и оценочность. При этом оценочность признается одним из основных жанрообразующих компонентов интернет-отзыва, что определяет актуальность изучения вербальных и невербальных средств выражения оценки. Объекты оценки в интернет-отзывах посетителей ресторана разнообразны, в работе анализируются средства выражения отрицательной оценки тематической группы *кухня*. Сделан вывод, что ведущим средством выражения отрицательной оценки являются единицы лексического уровня языка: прилагательные, наречия, существительные, фразеологизмы. Широко используются разговорные, просторечные, жаргонные слова с негативной окраской. Для выражения отрицательной оценки авторы отзывов также используют лексико-фразеологические стилистические средства: гиперболу, литоту, иронию, каламбур. Средством интенсификации оценки на лексическом уровне становятся наречия меры и степени. Если лексические единицы языка позволяют эксплицитно выразить отрицательную оценку, то единицы грамматического уровня и графические приемы чаще используются для ее усиления. Актуализации отрицательной оценки в интернет-отзывах способствует использование восклицательных, вопросительных предложений и сравнительных оборотов. Важную роль в выражении и усилении оценки играют графические средства, среди которых особой популярностью пользуются избыточная пунктуация, графическое варьирование (капитализация) и эмодзи.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, специфика жанра интернет-отзыва, отзыв потребителя, оценка, структура оценки, средства выражения оценки

Цитирование: Фаломкина И. П. Средства выражения отрицательной оценки в интернет-отзывах посетителей ресторанов. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 12–20. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-12-20>

Поступила в редакцию 25.11.2024. Принята после рецензирования 24.12.2024. Принята в печать 28.12.2024.

full article

Verbal Means of Negative Assessment in Online Restaurant Reviews

Irina P. Falomkina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6996-3053

<https://orcid.org/0000-0001-7382-0163>

Scopus Author ID: 57219700009

falomkina@mail.ru

Abstract: The article describes the verbal means of expressing a negative assessment in online reviews. The study included online reviews on the Shashlykoff restaurant in the Russian digital directory 2GIS. The author addressed the issue of virtual genres, e.g., online reviews, online comments, etc. Online reviews as a genre appeared to be secondary and dialogic in nature, linguistically unlimited, informative, and evaluative. Evaluativeness was the main genre-forming component. While objects of evaluation were diverse, the article concentrates on the means of expressing a negative assessment towards cuisine, which proved to be units of the lexical level, i.e., adjectives, adverbs, nouns, and idioms. Colloquial and slang words with a negative connotation proved especially popular. Adverbs of measure and degree intensified evaluation at the lexical level. The group of stylistic means included hyperbole, litany, irony, and pun. Vocabulary expressed the negative assessment explicitly, while grammar and graphics only enhanced the evaluative component. Exclamation points, interrogative sentences, and comparative phrases also helped to bring forward the negative assessment. Graphic means included excessive punctuation, capitalization, and emoji.

Keywords: virtual communication, Internet review genre, consumer feedback, evaluation, evaluation structure, means of expressing evaluation

Citation: Falomkina I. P. Verbal Means of Negative Assessment in Online Restaurant Reviews. *SibScript*, 2025, 27(1): 12–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-12-20>

Received 25 Nov 2024. Accepted after peer review 24 Dec 2024. Accepted for publication 28 Dec 2024.

Введение

В условиях виртуальной коммуникации участники общения имеют возможность свободно делиться информацией и высказывать свое мнение относительно того или иного предмета. Это обуславливает появление большого числа разнообразных в жанровом отношении интернет-текстов. Развитие специальных сервисов отзывов, социальных сетей, электронных карт, сайтов магазинов обеспечило популярность отзыва при принятии потребительских решений. Актуальность исследования определяется необходимостью лингвистического осмысления одного из самых активных жанров виртуальной коммуникации – интернет-отзыва. Интернет-отзыв позволяет потребителю быстро получить информацию о любом продукте, деятельности компании, качестве предоставляемой услуги. Опираясь на рейтинги и оценки, пользователь Сети делает вывод о том, насколько продукт или услуга соответствует его потребностям.

Современные лингвисты нередко обращаются к исследованию особенностей речевых жанров интернет-среды:

их жанровой специфики, лингвистических особенностей, структуры. Интернет-отзыв, представляющий собой мнение о продукте, услуге, деятельности компании, оставленное пользователем сети Интернет, не стал исключением. Ученые анализируют коммуникативно-прагматические [Былина 2021; Иссерс 2023а; 2023б], аксиологические [Бондарева, Чистякова 2021; Костенко, Выстропова 2023], лингвосемиотические аспекты интернет-отзыва [Погорелова 2017], его лингводидактический потенциал [Макеенкова, Малинкина 2022], проводят сопоставительные исследования, выявляя национально-культурные черты интернет-отзывов представителей разных стран [Ву 2021; Говорунова 2015]. В ряде работ рассматриваются особенности языкового оформления интернет-отзывов. Исследователи указывают на преобладание разговорного стиля, широкое использование просторечных, жаргонных слов [Тулупова, Головина 2019], эмоционально-окрашенной лексики [Бойчук 2021], различных приемов языковой игры [Маринченко, Васильева 2020], упрощение

синтаксиса, отклонение от норм письменной речи, что характерно для сферы устного общения [Тулупова, Головина 2019].

Определяя специфику жанра интернет-отзыва, лингвисты анализируют пути трансформации традиционных жанровых форм в цифровую эпоху, проводят разграничения между новыми виртуальными жанрами, выделяют субжанры рассматриваемого виртуального жанра. А. В. Стопа полагает, что интернет-отзыв – гибридный жанр, основанный на классическом жанре рецензии, претерпевающей трансформацию: профессиональная рецензия переходит в Интернет и превращается в рецензию сетевую (она становится проще и по содержанию, и по форме), а уже сетевая рецензия, популяризируясь, трансформируется в жанр интернет-отзыва, рассчитанный на массовую аудиторию. Главная коммуникативная цель рецензии и отзыва – оценка предмета речи, однако способы выражения этой оценки различаются [Стопа 2020].

О. С. Иссерс, сравнивая современный интернет-отзыв и жанры-прототипы (книгу «Отзывов и предложений», существовавшую в советский и постсоветский периоды), отмечает, что значительные отличия «обусловлены такими факторами, как публичность коммуникации и массовый адресат» [Иссерс 2023b: 379]. По мнению исследователя, меняется коммуникативная цель отзыва: она связана теперь не столько с желанием, чтобы вышестоящая инстанция поощрила или наказала того, кто оказывает услугу, сколько со стремлением «укрепить или подорвать репутацию, привлечь клиентов либо предупредить о низком качестве услуги» [Там же: 380]. Д. К. Курдакова анализирует вербальный компонент имиджа компании, актуализованный в интернет-отзывах, и отмечает зависимость имиджа организации в целом от оставленных отзывов [Курдакова 2017]. Л. Ф. Бирр-Цуркан полагает, что отзывы о товарах оказывают сильное влияние на потенциального покупателя, при этом основным средством воздействия на потребителя становится оценка [Бирр-Цуркан 2020: 7].

Е. Ч. Дахалаева, сравнивая две смежные жанровые формы (интернет-отзыв и интернет-комментарий), отмечает их общие свойства, такие как вторичность, принадлежность авторства рядовым пользователям, оценочность и высокую степень субъективности. Но интернет-отзыв обладает большей практической значимостью для пользователя (потребителя); природа исходных стимулов для двух жанров различна (для комментария это любой контент, в том числе никак не связанный с потреблением) [Дахалаева 2014].

Л. Ю. Говорунова обращается к жанровой дифференциации интернет-отзывов. Анализируя отзывы туристов, исследователь выделяет субжанры интернет-отзыва, учитывая тип взаимодействия участников коммуникации (отзыв-похвала, отзыв-жалоба, отзыв-совет, отзыв-предостережение и др.) и тип представления информации (отзыв-оценка, отзыв-описание события, отзыв-повествование, отзыв-справка, отзыв-репортаж) [Говорунова 2014].

Каждый субжанр отличается своими специфическими чертами, однако есть некие общие черты интернет-отзывов, отмечаемые большинством ученых:

- вторичность и диалогичность отзыва: это всегда реакция на первичный исходный стимул; стимулы эти связаны с ситуацией потребления, отзыв всегда нацелен на реакцию компании или массовой аудитории [Дахалаева 2014; Иссерс 2023a];
- оценочность и информативность: с одной стороны, отзыв призван ознакомить адресата с особенностями продукта или услуги, с другой – должен оценить качество этого продукта или услуги; при этом «в большинстве текстов оценочная составляющая преобладает над информативной, а иногда и поглощает последнюю» [Еремина 2016: 37].

Признавая оценочность одним из основных жанрообразующих компонентов интернет-отзыва, отдельные лингвисты обращаются к исследованию средств выражения оценки. Чаще всего практическим материалом исследования становятся отзывы туристов [Лонг 2019; Терских 2015], отзывы о врачах и медицинских услугах [Костенко, Выстропова 2023], парфюмерные отзывы [Маринченко, Васильева 2020].

Прежде чем перейти к анализу основных средств выражения отрицательной оценки в интернет-отзывах потребителей, остановимся на определении понятия *оценка*. Изучению категории оценки посвящены работы таких крупных исследователей, как Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, А. А. Ивин, Т. В. Маркелова, В. Н. Телия.

Н. Д. Арутюнова определяет оценку как «умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [Арутюнова 1988: 6]. Исследователь считает, что оценка выражает субъективное отношение к окружающей действительности. Оценочное значение, характеризующее отношение между окружающим миром и идеализированной моделью, противопоставлено «дескриптивной семантике, фиксирующей воспринимаемые человеком черты объективного мира» [Там же: 57]. Е. М. Вольф

рассматривает оценку как «один из видов модальности, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» [Вольф 2002: 11]. По мнению лингвиста, оценка содержит и субъективный, и объективный компоненты, которые находятся в сложном взаимодействии. Так, большинство оценочных слов (*талантливый, увлекательный* и т. д.) совмещают дескриптивный и оценочный смысл [Там же: 29]. Оценочную модальность отражает следующая формула: $A \ r \ B$, где A – субъект оценки, B – ее объект, r – оценочное отношение, которое имеет значения *хорошо / плохо*. При этом автор не только выражает свое мнение относительно какого-либо явления, но и опирается на существующие в социуме стереотипные представления об объекте [Там же: 12]. Позитивное или негативное отношение говорящего к какому-либо явлению окружающей действительности может выражаться языковыми средствами разных уровней. Е. М. Вольф подчеркивает, что «оценка может быть соотнесена как с собственно языковыми единицами, так и с семантикой высказывания в очень широком диапазоне значений» [Там же: 8].

Цель – выявить и описать способы выражения отрицательной оценки на разных уровнях языка в интернет-отзывах посетителей ресторанов «Шашлыкoff». Задачи исследования: обзор теоретических работ, посвященных жанру интернет-отзыва, определение специфических черт интернет-отзыва, рассмотрение понятия *оценка* в лингвистических работах, анализ лексических, лексико-стилистических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, графических средств выражения оценки.

Материалы и методы

Материалом стали отзывы о ресторанах «Шашлыкoff», размещенные в российском электронном справочнике с картами городов 2ГИС. Было проанализировано более 1000 отзывов посетителей ресторанов, при этом в соответствии с целью работы особое внимание было уделено отрицательным отзывам. Сервис 2ГИС дает возможность потребителю дать оценку услуги с помощью звезд по 5-балльной шкале, отрицательными считаются отзывы с рейтингом 1–2 балла. Применены метод сплошной выборки на этапе отбора материала, методы лингвистического, контекстуального анализа, метод классификации при описании способов выражения отрицательной оценки.

Результаты

Объекты оценки в интернет-отзывах посетителей ресторана разнообразны, их можно распределить на несколько тематических групп: кухня, обслуживание, интерьер, санитарные условия, цена, общее впечатление. Один отзыв может включать ряд оценочных суждений, касающихся разных объектов. В настоящей работе мы обращаемся к исследованию средств выражения оценки тематической группы *кухня*. Посетители оценивают вкус, свежесть блюд, технологию приготовления, их внешний вид, размер порций. Выявлены лексические, словообразовательные и морфологические, синтаксические средства выражения отрицательной оценки в интернет-отзывах посетителей, а также графические средства ее усиления.

Лексические средства

Наиболее распространенным эксплицитным способом актуализации отрицательной оценки являются единицы лексического уровня языка: главным образом имена прилагательные и наречия. Посетители широко используют общеоценочные прилагательные с разной степенью интенсивности признака: *еда стала очень плохой; Чай принесли ужасный. Никогда не пила такой отвратительный чай с бергамотом; пиво отвратительное, Шампиньоны были просто отвратными; ваш фирменный соус стал таким гадким*¹. Чаще всего в отзывах встречаются прилагательные *ужасный* и *отвратительный*. Частнооценочные прилагательные позволяют дать оценку определенному аспекту объекта с определенной точки зрения. В отзывах посетителей представлены сенсорно-вкусовые (*пицца совершенно не вкусная; картошка уже была холодная и жесткая* и *шашлыки, ели тёплые; салат кислый... кисадилья кислоющая; листья салата горчицы; стейк куриный рубленный подали тухлый, мясо имело запах тухло-горелого, молочный коктейль из почти пропавшего молока, еще и теплый; когда нам подали шашлык, в котором один кусок попался полностью пропущим; мясо резиновое; салат президентский принесли с горькой пекинской капустой*), нормативные оценки (*порции крошечные, блюда маленькие; с собой взяли тирамису, его положили размером с чайной ложки; Цезарь скуден на заправку, яйцо в нем переварено; ужасно маленькие куски мяса, которые даже не тянут на 260г, очень маленькие и не аппетитные*

¹ При анализе отзывов потребителей сохранены авторские орфография и пунктуация.

кебабы). Оценочный компонент может содержаться в значении лексемы или же возникать под влиянием контекста.

Способом выражения оценки становятся имена существительные: *заказала я себе салат Цезарь, принесли ужасество; Просто отравка* какая-то; Действительно, кто же когда сознается, что приготовил такую *гадость*. Авторы отзывов широко используют жаргонную и разговорную лексику: *сырные палочки отвраг* просто; но вот том-ям полный *отстой*; *Еда фигня. То тухлое то не вкусное; Кухня - это мрак.*

Оценка выражается и с помощью фразеологизмов, часто имеющих разговорный или разговорно-просторечный оттенок: *чесночные гренки... они на столько сгоревшие, что аж чёрные ими убить можно; Или что это за укроп, он умер уже дня два назад; начинки с гулькин нос; суп сырный мне тоже не понравился, там он даже рядом не стоит с сырным; Принесли сырой шашлык, качество еды и обслуживания упало ниже плинтуса; Качество кухни оставляет желать лучшего; Мясо невкусное, свинина жилистая и не жуется от слова «совсем».* Устойчивое выражение от слова *совсем* пользуется популярностью у авторов отзывов. Возможна и трансформация этого сочетания: *И все не солёное, от слова "не солили и не мариновали" совсем.* Для выражения оценки авторы отзывов используют устойчивое выражение *ожидание-реальность*, позволяющие подчеркнуть несоответствие между ожиданиями и действительностью (при этом действительность всегда разочаровывает): *Заказывали самовывоз- стейк из форели. Ожидание/реальность; Ожидание и реальность вместо 1000 слов... Что на этой котлетке было салатом неизвестно. Сверху самый огромный вяленый томат. Как можно отдавать такую еду клиенту? Подобные комментарии часто сопровождаются фотодоказательствами.*

Средством интенсификации отрицательной оценки становятся наречия меры и степени: *также заказала коктейль, он оказался ужасно сладким, а сейчас сладкая вафля плюс сладкий джем плюс взбитые сливки и это очень приторно сладко; Принесли замененную пасту ужасно соленую, есть невозможно; В салате было, ну, очень много сухарей, не пожалели - так сказать от всей души, и очень мало соуса; А борщ совершенно не вкусный; Клубника в десерте оказалась замороженной и жутко кислой.*

Лексико-фразеологические стилистические средства позволяют автору творчески представить оценку. Одним из популярных средств выражения оценки является ирония, принимающая форму неистинного

восхваления, благодарности, одобрения: *Здравствуйте, сегодня я ела салат с божьей коровкой, всем советую Белки, жиры, углеводы, все в меру Приятного аппетита; Спасибо за выпитые нами после этого супа таблетки, не хотелось, но пришлось; Спасибо за Цезарь с курицей и плесенью; Дают просроченный чай на бизнес ланч, просто шикарно.* Часто для усиления негативной оценки в интернет-комментариях используется гипербола: *Салат цезарь вынесли, как корм животным, ужасно нарезано, сухарей не было, за то масло пол тарелки; Вы налили мне морс, который стоял сто лет и даже не удосужились его попробовать, на крайний случай, хотя бы понюхать; салат, утопающий в майонезе; Тонна масла, майонеза. Шашлык из свиной шеи с килограммом соли есть было невозможно; Остальное есть невозможно, на 1г блюда идет 10г соли.* Литота помогает выразить мнение о размере блюд: *Там просто салата с мизинцем; на каких то зубочистках принесли шашлычок размером для лилипутиков.* Усилению отрицательной оценки способствует и каламбур: *Из всего вышеперечисленного сведобным был клюквенный морс.*

Анализ лексических способов выражения оценки показал, что чаще всего посетители неудовлетворены:

- температурой блюда: *супы холодные всегда; заказали шашлык, но он оказался еле тёплым; принесли яичницу...просто ледяную; принесла первым горячее блюдо... но абсолютно холодное;*
- степени готовности блюда: *картофель ужас пережаренный; шашлык недожаренный; блюдо сырое, несолёно, пригоревшие; картофель на гарнир был полусырой и хрустел; просто кошмар горелый; рис недодарен; куриный шашлык был пересушенный; картофель был сырой абсолютно во всех порциях... бифштекс тоже был сыроват; драники по середине сырые;*
- степень свежести: *блюда явно не первой свежести; привезти второй раз тухлятину; салат... имел запах протухших продуктов; тухлый рис; просроченный чай на бизнес ланч; листья в салате старые;*
- содержанием жиров: *очень жирные, просто масло льётся; все очень жирное; мясо жирное; картошка вся в масле; мясо говьяжье приехало не мраморное, а жира больше чем в свином;*
- недостаточной насыщенностью вкуса: *вся начинка очень водянистая; такую фигню привезли безвкусное; пресные блюда; пресно и невкусно; картофель по французски вообще пресный и без вкуса!; Пиво разбавленное.*

Словообразовательные и морфологические средства

Для выражения отрицательной оценки используется словообразовательная модель, включающая префиксы *не-*, *бес-* (*без-*) и лексему с положительной оценкой в корне: *Картофель на гарнир полусырой, салат с которым подаётся шашлык невкусный!; Салат из капусты несвежий; редис небезвкусный; несведобные блюда.*

Отрицательное отношение к характеризруемому предмету позволяют выразить суффиксы с усилительно увеличительным значением *-ущ-*, *-ющ-*: *Мясо "премиум" жирнющее; кисадилья кислющая*. Экспрессивно уменьшительные суффиксы служат для ироничной оценки размеров порций: *«Греческий салатик» это пародия на салат...сырочек грамм 5-10...я такого салатика не видела да же в пригородных забегаловках...порцию хотелось взвесить.*

Морфологическим способом усиления оценки являются формы сравнительной и превосходной степени прилагательного, сравнительной степени наречия: *Еда не вкусная, всё что заказали было хуже домашней еды; вкус блюда явно изменен и в худшую сторону; Ребёнку принесли ужаснейший бургер.*

Синтаксические средства

С точки зрения Ю. С. Муфазаловой, к синтаксическим средствам выражения оценки относятся конструкции, которые позволяют «отступить от формального изложения информации» и выступают в качестве «стилистических приемов с целью эмоционального воздействия на целевую аудиторию» [Муфазалова 2021: 183].

Восклицательные предложения и риторические вопросы служат для интенсификации оценки: *Обслуживание просто дно ! Шашлык принесли холодный ! Больше я сюда не нагой !; 4 кусочка шашлыка с невятно пожаренной картошкой и маринованной капустой за пятачку?? Где тут 30 грамм?!?*

М. Н. Крылова отмечает, что важнейшим элементом среди средств русского языка, которые участвуют «в процессе оценивания личностей, предметов, фактов, событий и т. п.», являются сравнительные конструкции [Крылова 2016: 51]: *На вкус как вода с сахаром и красителем, очень приторно; Солянка на вкус - вода с солью; Картошка пересушена (хрустит как чипсы и жирная), Сырный суп кислый, норвежский как вода, хоть шашлык был сведебен, спасибо; Салат был нарезан, как будто это остатки от др салатов; картошка и салат, будто с чьих то тарелок скинули; Картошка варенная, как сопля.*

Графические средства усиления отрицательной оценки

Графические средства, предающие интонацию автора отзыва, способны усилить отрицательную оценку.

На графическом уровне выражения оценки основным средством становится избыточная пунктуация (чаще это использование нескольких восклицательных знаков, количество которых отражает степень экспрессивности предложения): *Американо, в кружке плавал жир!!! Поменяли ровно на такое же!!! Когда принесли чайничек с чаем с грязной крышкой терпение кончилось!!!; а человек так сидел и ждал свое блюдо, после чего его принесли холодным!!! Избыточным числом вопросительных и восклицательных знаков может заканчиваться риторический вопрос, который также является способом усилить оценку: Почему я ем майонез с добавками!!!!???? А не салат заправленный майонезом?! Полнейший отстой.*

Использование шрифтового варьирования, главным образом прописных букв (в отдельных случаях в сочетании с другими графическими средствами усиления оценочного компонента высказывания), позволяет автору отзыва выразить эмоции и предать интонацию высказывания: *ОТВРАТИТЕЛЬНО!!!; НИКОГДА НЕТ ЛЬДА!!!; в итоге мясо чуть теплое с сырой не дожаренной, ХОЛОДНОЙ, картошкой.*

Средством выражения оценки могут стать кавычки: *«Стейк» 70% кусок сала и немного мяса, это даже не стейк.* Кавычки придают противоположное значение лексеме: это то, что стейком назвать нельзя.

Многоточие, не являясь средством выражения оценки, позволяет заменить часть слова с эксплицитным оценочным значением: *реально на весь салат два скрюченные как сушеное мясо, кусочка говядины (извините, но такого г...а я не видела ни в одном кафе...).* В ряде случаев автор сокращает слово до одной буквы: *В общем кухня полное Г.* Многоточие позволяет также включить в текст инвективную лексику: *готовить такое, это п...ц товарищи.*

Часто в конце или середине фразы для усиления отрицательной оценки используются специальные символы – эмодзи, позволяющие автору комментария выразить такие эмоции, как отвращение, недоумение, неловкость: *беру значит следующую, выпивают чувствую у меня во рту 2 осколка стекла 🤢; Шашлык такое ощущение что разогрет в микроволновке, жёсткий. 🤢; кухня отвратительная, очень жирный шашлык, не солёный, с картофеля прям стекает масло 🤢.*

Еще одним способом усиления оценки становится повторение гласных букв, с помощью которых на письме передаются фонетические особенности произношения слова: *Еще брал окрошку и мишиизирной порцией кваса; Когда начала есть мясо оно было сыроооо*. Таким образом подчеркивается неудовлетворенность посетителя размером порции, качеством блюда.

Заключение

В интернет-отзывах посетителей ресторана «Шашлыкoff» используется комплекс средств выражения отрицательной оценки, представленной единицами разного уровня языка. Лексические средства (прилагательные, наречия, существительные) являются главным способом выражения отрицательной оценки. Так как объектом оценки является кухня, преобладает лексика с сенсорно-вкусовой семантикой при оценке вкусовых свойств блюд и лексика с нормативной семантикой при описании размера порций и технологии приготовления блюд. Наиболее популярными стилистическими средствами выражения оценки становятся гипербола и ирония. Грамматические, графические средства используются авторами отзывов для усиления отрицательной оценки. На уровне синтаксиса для усиления оценки широко применяются восклицательные и вопросительные предложения, сравнительные обороты. Важную роль в выражении и усилении оценки играют графические

средства. Наиболее распространенными графическими способами акцентирования внимания на оценке становятся избыточная пунктуация, капитализация, повторение гласных, эмодзи.

Отрицательные отзывы могут негативно отразиться на имидже организации, оттолкнуть потенциальных клиентов, поэтому работа с негативными отзывами – важная часть деятельности компании по улучшению репутации и сохранению доверия клиентов. Практическая значимость работы определяется тем, что результаты исследования могут быть полезны специалистам по маркетингу, разрабатывающим эффективные стратегии общения с потребителями. О. С. Иссерс полагает, что выбор тактики и структуры ответа на отзыв определяется стратегией формирования и сохранения имиджа [Иссерс 2023а]. Перспективным видится исследование интернет-отзыва и ответа на него как виртуального диалогического единства, в том числе анализ языковых средств формирования и сохранения имиджа компании.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с. [Arutiunova N. D. *Types of language values. Assessment. Event. Fact.* Moscow: Nauka, 1988, 341. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykbsrj>
- Бирр-Цуркан Л. Ф. Средства выражения оценки в отзывах о товаре (на материале немецкого журнала "Test"). *Культурные индустрии в институтах общества потребления: Всерос. науч. конф. (Великий Новгород, 7–8 апреля 2020 г.)* Великий Новгород: НовГУ, 2020. С. 6–15. [Birr-Tsurkan L. F. Ways of expressing evaluation in product reviews (based on "Test" magazine, Germany). *Cultural industries in consumer society institutions: Proc. All-Russian Sci. Conf., Veliky Novgorod, 7–8 Apr 2020.* Veliky Novgorod: NovSU, 2020, 6–15. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34680/978-5-89896-672-0/2020.cultindustry.01>
- Бойчук Е. И. Лексико-грамматические особенности интернет-отзывов (на материале русского и английского языков). *Верхневолжский филологический вестник*. 2021. № 3. С. 107–115. [Boychuk E. I. Lexical and grammatical features of Internet reviews in the Russian and English languages. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2021, (3): 107–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-3-26-107-115>
- Бондарева Е. П., Чистякова Г. В. Универсальная ценностная картина мира: анализ виртуальных отзывов туристов. *Litera*. 2021. № 4. С. 18–32. [Bondareva E. P., Chistyakova G. V. Universal value worldview: Analysis of virtual tourist reviews. *Litera*, 2021, (4): 18–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.4.32610>
- Былина Е. Э. Коммуникативно-прагматические аспекты жанра интернет-отзыва. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10. № 4. С. 210–215. [Bylina E. E. Communicative-pragmatic aspects of the genre of Internet reviews. *Baltic Humanitarian Journal*, 2021, 10(4): 210–215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hxgemi>

- Васильева Е. В. Лингвокреативная деятельность авторов интернет-отзывов о парфюмерии. *МНСК-2018: Языкознание: 56* Междунар. науч. студ. конф. (Новосибирск, 22–27 апреля 2018 г.) Новосибирск: НГУ, 2018. С. 13–14. [Vasilyeva E. V. Linguistic and creative activity of the authors of online reviews on perfumery. *ISSC-2018. Linguistics: Proc. 56 Intern. Sci. Student Conf.*, Novosibirsk, 22–27 Apr 2018. Novosibirsk: NSU, 2018, 13–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xvnmfb>
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с. [Volf E. M. *Functional semantics of evaluation*. Moscow: Editorial URSS, 2002, 280. (In Russ.)]
- Ву Н. Л. Интернет-отзывы русских и вьетнамских туристов о Москве: сопоставительный аспект. *Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXII Кирилло-Методиевские чтения: Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 26 мая 2021 г.) М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 83–90. [Vu N. L. Online reviews of Russian and Vietnamese tourists about Moscow: A comparative aspect. *Slavic culture: Origins, traditions, interaction. XI Cyril and Methodius Readings: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 26 May 2021. Moscow: Pushkin Institute, 2021, 83–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/drymbz>
- Говорунова Л. Ю. Жанровая дифференциация интернет-отзывов российских туристов. *Грани познания*. 2014. № 1. С. 9–12. [Govorunova L. Yu. Genre differentiation of the Internet references of Russian tourists. *Grani poznaniia*, 2014, (1): 9–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwcfiz>
- Говорунова Л. Ю. Интернет-отзывы русских и итальянских туристов по объекту оценки: сопоставительный аспект. *Грани познания*. 2015. № 1. С. 91–94. [Govorunova L. Yu. Internet reviews of Russian and Italian tourists as object of assessment: Comparative aspect. *Grani poznaniia*, 2015, (1): 91–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsgufl>
- Дахалаева Е. Ч. Интернет-комментарий и интернет-отзыв: параметры жанрового разграничения. *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6. [Dakhalaeva E. Ch. The Internet commentary and the Internet opinion: The parameters of the genres differentiation. *Modern problems of science and education*, 2014, (6). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16222> (accessed 10 Oct 2024). <https://elibrary.ru/ripqgy>
- Еремина М. А. Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета. *Научный диалог*. 2016. № 5. С. 34–45. [Eremina M. A. Speech genre of feedback in Internet communicative space. *Nauchnyi Dialog*, 2016, (5): 34–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/waewin>
- Иссерс О. С. Диалог с потребителем в эпоху медиатизации: ответы на отзывы о медицинских услугах в условиях интернет-коммуникации. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023а. № 2. С. 43–54. [Issers O. S. Dialogue with the consumer in the era of mediatization: Responses to reviews about medical services in the context of Internet communication. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2023a, (2): 43–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-43-54>
- Иссерс О. С. Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху (на материале отзывов о докторах). *Жанры речи*. 2023b. Т. 18. № 4. С. 375–385. [Issers O. S. Speech genre of consumer reviews and its transformation in the digital age (based on reviews of doctors). *Zanry Reci*, 2023b, 18(4): 375–385. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385>
- Космарская И. В. Речевой жанр покупательского интернет-отзыва (на материале отзывов о предметах одежды). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. № 5. С. 63–69. [Kosmarskaya I. V. Speech genre of customer online review (based on reviews of clothing items). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2024, (5): 63–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pnhtui>
- Костенко А. К., Выстропова О. С. Языковая специфика текстов интернет-отзывов о врачах-инфекционистах. *Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в современном иноязычном образовании*. 2023. № 1. С. 62–67. [Kostenko A. K., Vystropova O. S. Linguistic specificity of the Internet-text reviews about infectious diseases doctors. *Aktualnye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki v sovremenном inoiazыchnom obrazovanii*, 2023, (1): 62–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/usxsyh>
- Крылова М. Н. Динамика категории оценки в русском языке (на материале сравнительных конструкций). *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2016. Т. 2. № 2. С. 45–55. [Krylova M. N. The dynamics of the category of evaluation in the Russian language (based on comparative constructions). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitatis*, 2016, 2(2): 45–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2016-2-2-45-55>

- Курдакова Д. К. Корпоративный имидж организации и его вербальные компоненты на примере интернет-отзывов о компании «Альвента». *Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика*: XV Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 8–20 июня 2017 г.) Новосибирск: ЦРНС, 2017. С. 62–70. [Kurdakova D. K. Corporate image of the organization and its verbal components in online reviews on Alventa company. *Socio-economic research, humanities, and jurisprudence: Theory and practice*: Proc. XV Intern. Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, 8–20 Jun 2017. Novosibirsk: CDSC, 2017, 62–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytbdbph>
- Лонг В. Н. Средства выражения положительной оценки в интернет-отзывах туристов о Москве. *Гуманитарные технологии в современном мире*: VII Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 30 мая – 1 июня 2019 г.) Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2019. С. 51–54. [Long V. N. Means of expressing a positive assessment in the Internet reviews of tourists about Moscow. *Humanities in the modern world*: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf., Kaliningrad, 30 May – 1 Jun 2019. Kaliningrad: Western Branch of The Presidential Academy, RANEPА, 2019, 51–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gzuro1>
- Макеенкова Т. В., Малинкина Н. А. Лингводидактический потенциал интернет-отзыва при обучении РКИ в медицинском вузе. *Смоленский медицинский альманах*. 2022. № 4. С. 52–55. [Makeenkova T. V., Malinkina N. A. Linguodidactic potential of the Internet review in teaching Russian as a foreign language in a medical university. *Smolenskii meditsinskii almanakh*, 2022, (4): 52–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/duphsy>
- Маринченко И. А., Васильева Е. В. Функции языковой игры в парфюмерном дискурсе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 7. С. 148–153. [Marinchenko I. A., Vasil'eva E. V. Functions of language game in perfumery discourse. *Philology. Theory & Practice*, 2020, 13(7): 148–153. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.27>
- Муфазалова Ю. С. Синтаксические средства выражения оценки в англоязычных медиатекстах (на примере издания The Guardian). *Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития*: II Междунар. науч.-практ. конф. (Пинск, 26 марта 2021 г.) Пинск: Полесский гос. ун-т, 2021. Вып. 2. С. 181–186. [Mufazalova Yu. S. Syntactic means of expressing evaluation in the English-language media texts (based on The Guardian edition). *Language and intercultural communication: Modern vectors of development*: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf, Pinsk, 26 Mar 2021. Pinsk: Polesky State University, 2021, 181–186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zkmskh>
- Погорелова И. В. Лингвосемиотический аспект интернет-отзыва. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 10-3. С. 149–152. [Pogorelova I. V. Linguo-semiotic aspect of Internet-commentary. *Philology. Theory & Practice*, 2017, (10-3): 149–152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zmyppq>
- Стопа А. В. Жанровые особенности рецензии и интернет-отзыва: сравнительно-сопоставительный анализ. *Ratio et Natura*. 2020. № 2-2. [Stopa A. V. Genre features of reviews and online reviews: Comparative analysis. *Ratio et Natura*, 2020, (2-2). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aalqgc>
- Терских М. В. Жанр интернет-отзыва в туристическом дискурсе. *Новые медиа в России: исследования языка и коммуникативных процессов*, отв. ред. О. С. Иссерс. Омск: ОмГУ, 2015. С. 154–177. [Terskih M. V. The genre of the Internet review in the tourist discourse. *New Media in Russia: Studies of language and communication processes*, ed. Issers O. S. Омск: ОмSU, 2015, 154–177. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcrbzn>
- Тулупова Е. Н., Головина Е. В. Лексико-стилистические особенности интернет-отзыва туриста. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. № 5. С. 257–261. [Tulupova E. N., Golovina E. V. Lexico-stylistic peculiarities of tourist's Internet commentary. *Philology. Theory & Practice*, 2019, 12(5): 257–261. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.55>

© 2025. Катыхева В. А., Куницына Е. Ю.

Термины-метафоры в составе строительной терминологии

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/paclsq>

Термины-метафоры в составе строительной терминологии (на материале английского и русского языков)

Катыхева Валерия Андреевна

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

eLibrary Author SPIN: 8971-8637

<https://orcid.org/0009-0002-8197-4677>

valerya-27101993@mail.ru

Куницына Евгения Юрьевна

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

eLibrary Author SPIN: 7323-0110

<https://orcid.org/0009-0007-2328-368X>

Аннотация: В контексте интенсивного развития когнитивно-дискурсивного терминоведения и лингво-метафорологии представляется актуальным расширение спектра многоаспектных исследований профессиональной метафоры с презентацией новых фактических данных. Цель – оценить роль метафоризации как инструмента расширения терминологической системы в области строительства. Эмпирический материал отбирался методом сплошной выборки из «Англо-русского строительного словаря» (1995) С. Н. Корчемкина, С. К. Кашкина и С. В. Курбатова. Исследованы количественные и структурные характеристики метафорических терминов (2134 единицы) с приведением примеров по выделенным тематическим категориям исследуемого словаря. Применялись лексикологический, компонентный, лингвокогнитивный и статистический анализ. Рассмотрены частеречные и квантитативные параметры метафорических терминов: выявлено преобладание ди- и трилексемной моделей по сравнению с моно- и полилексемными примерами, что можно объяснить двойственной природой процесса метафоризации и стремлением к уточнению терминологии, свойственному научно-техническому дискурсу. Материал был исследован сквозь призму теории концептуальной метафоры с уточнением сфер-источников, послуживших основой для метафорического переноса. В результате тематической категоризации метафорических терминов были выделены метафорические модели: антропоморфная (914 единиц, 43 %), артефактная (633 единицы, 30 %), природоморфная (435 единиц, 20 %), эсхатологическая (152 единицы, 7 %). Уточнены сферы-источники, наполняющие каждую метафорическую модель, с указанием процентных и количественных характеристик, полученных в результате анализа статистических данных.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, метафорическая модель, термин, терминология, когнитивно-дискурсивный подход, строительная терминология, научно-технический дискурс

Цитирование: Катыхева В. А., Куницына Е. Ю. Термины-метафоры в составе строительной терминологии (на материале английского и русского языков). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 21–33. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-21-33>

Поступила в редакцию 16.12.2024. Принята после рецензирования 30.01.2025. Принята в печать 03.02.2025.

full article

Metaphorical Terms as Part of Construction Terminology in English and Russian

Valeriya A. Katysheva

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 8971-8637

<https://orcid.org/0009-0002-8197-4677>

valerya-27101993@mail.ru

Evgeniya Yu. Kunitsyna

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 7323-0110

<https://orcid.org/0009-0007-2328-368X>

Abstract: The science of cognitive-discursive terminology and linguistic metaphor is developing very fast. The range of professional metaphors expands with new factual data. In this respect, metaphORIZATION is an effective tool for

expanding the terminological system in the field of building and construction. The authors used the lexicological, componential, cognitive, and statistical methods to analyze 2,134 metaphorical terms in the construction discourse registered in the English-Russian Construction Dictionary (1995). The part-of-speech and quantitative parameters demonstrated the prevalence of di- and trillexemic models over mono- and polylexemic ones. This phenomenon can be explained by the dual nature of metaphorization, as well as by the terminological precision of scientific and technical discourse. The conceptual metaphor approach made it possible to identify the source domain behind each metaphorical transfer. The thematic categorization revealed the following metaphorical models: anthropomorphic (914 units, 43%), artifactual (633 units, 30%), nature-morphic (435 units, 20%), and eschatological (152 units, 7%). **Keywords:** cognitive linguistics, metaphor, metaphorical model, term, terminology, cognitive-discursive approach, construction terminology, scientific and technical discourse

Citation: Katysheva V. A., Kunitsyna E. Yu. Metaphorical Terms as Part of Construction Terminology in English and Russian. *SibScript*, 2025, 27(1): 21–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-21-33>

Received 16 Dec 2024. Accepted after peer review 30 Jan 2025. Accepted for publication 3 Feb 2025.

Введение

При рассмотрении метафоры в терминологии возникает вопрос – это парадокс или норма? Метафора является эффективным инструментом для упрощения сложных понятий и создания ярких образов, которые способствуют более глубокому пониманию, помогает преодолеть барьер между техническим и обыденным языком, благодаря чему информация становится более доступной. Е. И. Голованова отмечает, что «метафорическое наименование... выполняет важные идентификационные функции в сфере профессионального знания. Своеобразие метафоры в профессиональных сферах деятельности обусловлено ее связью с обыденным познанием, вследствие чего многие наименования оказываются доступными и понятными даже неспециалисту» [Голованова 2020: 53]. Исследования последних лет показывают, что метафора не просто совместима с построением терминосистем, но и является одним из основных механизмов осмысления новых явлений и понятий, выполняет гносеологическую (познавательную) функцию. Согласно мнению современных отечественных исследователей терминосистем, «именно метафорические механизмы, базирующиеся на интуитивном поиске аналогии в уже имеющемся опыте индивида, составляют основу гносеологии» [Мишанкина и др. 2018: 266]. Феномен метафоры изучается в различных областях знаний [Асмус 2019; Боровкова 2015; Гаврилова 2019; Дорцуева 2016; Исаева, Серебренникова 2016; Прокудина 2021; Просвирнина 2015; Пугачевская 2023; Рахимова 2022; Ревеко 2020; Сиротина 2020; Тихонова 2020; Цуканова, Мишанкина 2024; Chudinov,

Shustrova 2024; Makashova 2022]. Представляется актуальным расширение спектра многоаспектных исследований профессиональной метафоры с презентацией новых фактических данных.

Ключевое понятие настоящего исследования – метафорический термин. Опираясь на концепцию эволюции познания А. М. Каплуненко, отметим, что термин является достоянием, репрезентантом дискурса экспертного сообщества, вырабатывающего «правила поведения термина как знака во всей полноте его прагматики, семантики и синтактики» [Каплуненко 2007: 7]. Обозначенное справедливо и в отношении термина метафорического. Вслед за З. Р. Хачмафовой и А. А. Ефремовым мы понимаем метафорический термин как «термин, построенный путем метафорического переосмысления лексической единицы, привлеченной из определенной области-источника» [Хачмафова, Ефремов 2013: 107]. Традиционно метафоризация считалась инструментом и средством «украшения» поэтического дискурса, но смогла проникнуть в научный, научно-технический дискурс. На эту тему ученые различных областей знаний, таких как философия, литературоведение, лингвистика, когнитивистика, ведут многолетние дискуссии. В рамках настоящей статьи не ставится цель проведения обзора истории исследования метафоры, однако важно подчеркнуть гносеологический потенциал метафоры в научно-техническом дискурсе.

Н. Д. Арутюнова отмечает, что «метафора дисгармонизирует со многими параметрами как практического, так и научного дискурса. Вместе с тем ею пользуются и в быту, и в науке» [Арутюнова 1990: 15]. Одна

из самых базовых когнитивных способностей человека – установление аналогии, сопоставление понятий, особенно уже хорошо освоенных и известных понятий с новыми. В. Н. Телия трактует этот тезис следующим образом: «Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысливаемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь "вплетается" и в картину мира, выражаемую языком» [Телия 1988: 186]. Метафора служит фундаментом для когнитивной функции познания и, не являясь целью, дает толчок развитию мысли. «Она орудие, а не продукт научного поиска» [Арутюнова 1990: 15]. Ее моделирующий потенциал состоит в том, что «метафора не только формирует представление об объекте, она также предполагает способ и стиль мышления о нем» [Там же: 14]. И если когнитивный потенциал человека стремится к безграничности, то номинативный потенциал лексической системы ограничен рамками языка. Иными словами, человек может придумать / изобрести бесчисленное множество понятий / объектов / предметов, но невозможно для всего нового создавать новые слова, которые неизбежно не будут нести смысла, не имея аналогий с накопленным опытом. Об этом пишет философ Х. Ортега-и-Гассет в работе «Две великие метафоры»: «Поскольку совершенно новое слово ничего не говорило бы носителям языка, он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятным, ученый выбирает такое слово, значение которого способно навести на новое понятие. Термин приобретает новое значение через посредство и при помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора» [Ортега-и-Гассет 1990: 69]. Таким образом, метафора становится способом создания новых терминов за счет переосмысления общеупотребительных слов для возможности осмыслить новые понятия.

Принципиально важным и значимым представляется еще одно положение, касающееся метафоры. Оно выводится из так называемой экономистской теории метафоры, к которой апеллирует Ж. Деррида [Деррида 2012], ссылаясь на П. Луи, исследовавшего метафоры Платона. Согласно экономистской теории, восходящей к Аристотелю, его «Поэтике» и «Риторике» [Аристотель 2007], предназначение метафоры

заключается в том, «чтобы избавиться от "длинного рассуждения"» [Деррида 2012: 256]. Принимая во внимание, что «терминология – это орудие, посредством которого делается точное наименование» [Флоренский 2000: 198], экономистский взгляд на метафору открывает дополнительные возможности и новые перспективы постижения природы метафоры, в том числе в зеркале межкультурной коммуникации.

Объектом исследования выступает англоязычная строительная терминология, предметом – метафоризация как инструмент фиксации и отражения специального знания в строительной терминологии. Цель – оценить роль метафоризации как инструмента расширения терминологической системы в области строительства. Задачи: сформировать корпус примеров метафорических терминов в заданной области; определить их количественные и структурные характеристики; провести частеречный анализ метафорических терминов; выявить основу метафорического переноса; для выделенных метафорических моделей категоризировать фреймы и наполняющие их слоты.

Методы и материалы

Источником материала послужил «Англо-русский строительный словарь» (1995) С. Н. Корчемкина, С. К. Кашкина и С. В. Курбатов¹. В корпус примеров методом сплошной выборки было отобрано 2134 метафорических термина. В словарь включены термины «по проектированию, механике грунтов, теории упругости, сопромату, строительной физике, инженерной геологии, гидрологии, архитектуре, типологии зданий и сооружений, гидротехническому строительству, конструкциям, стройматериалам и изделиям, инструментам, машинам, технологии, строительной документации, инженерным сетям, градостроительству, экологии, транспорту, экономике строительства»². Поскольку словарь разработан на основе стандартов, монографий, отраслевой литературы и нормативной документации, точность формулировок, адекватность перевода, полнота содержания и надежность источников не вызывают сомнений. При проведении исследования применялись лексикологический, компонентный, лингвокогнитивный и статистический анализ.

¹ Корчемкин С. Н., Кашкин С. К., Курбатов С. В. Англо-русский строительный словарь: около 55000 терминов. М.: Рус. яз. 1995. 672 с. Здесь и далее по тексту данный словарь будет приведен как АРСС с указанием страниц.

² Там же. С. 4.

Результаты

Количественные и структурные характеристики строительных метафорических терминов

Анализ структуры терминологии, выполненный в ходе проведения сплошной выборки метафорических терминов из строительного словаря, выявил, что метафоризация является полноценным способом образования терминов в исследуемой сфере. Так, отобранные нами метафорические термины относятся к различным **понятийным полям и отраслям строительства**:

- изготовление конструкций из монолитного железобетона: *early age behavior of concrete* (досл. поведение в юном возрасте) – поведение (работа) бетона на ранней стадии его твердения (APCC: 61); *jitterbug* (джиттербаг – быстрый танец с резкими движениями под джазовую музыку) – решетчатая трамбовка (для втапливания зерен крупного заполнителя в бетон) (APCC: 314); *waffle* – опалубка для кессонных перекрытий (вафельного типа) (APCC: 618);
- градостроительство: *cocktail belt* (досл. коктейльный) – зеленые пригороды с зажиточным населением (обладающим комфортабельными коттеджами и т. п.) (APCC: 62); *urban fabric* (досл. ткань) – планировочная структура города (APCC: 229); *alien structure* (досл. чужеродный) – сооружение, не гармонирующее с окружающей застройкой (APCC: 549);
- дорожное строительство: *asphalt (asphaltic-bitumen) carpet* – битумный (гидроизолирующий) ковер (APCC: 101); *ghost island* (досл. призрачный остров) – островок безопасности, размеченный на проезжей части (APCC: 312); *skin patch* (досл. кожный пластырь) – проф. ремонтная заплатка на асфальтированном дорожном покрытии (ямочный ремонт) (APCC: 402);
- железнодорожное строительство: *switch diamond* (досл. бриллиант) – **сердечник** крестовины (стрелочного перевода) (APCC: 192); *track dressing* (досл. одевание / одежды) – отделка пути (APCC: 205); *knuckle rail* (досл. фаланговый) – изогнутый (в плане) рельс (APCC: 453);
- гидротехническое строительство: *sacrificial land* (досл. жертвенный) – земли, отводимые для сброса осадка сточных вод и исключаемые из сельскохозяйственного землепользования (APCC: 324); *palm pile* (досл. пальмовый) – забивная полая свая с раскрывающимся наконечником (заполняемая бетоном) (APCC: 411); *dragon's tooth* (досл. зуб дракона) – пирсовый (шашечный) гаситель; водобойный **зуб** (APCC: 591);
- древесина и лесоматериалы: *bird's eye* – «птичий глаз» (порок древесины) (APCC: 229); *heart shake* (досл. сердечная дрожь) – радиальная трещина (начинающаяся от сердцевины бревна) (APCC: 504); *undressed timber* (досл. раздетый) – нестроганный пиломатериал (APCC: 588);
- инженерная геология: *family of fissures* – система трещин (в скальном массиве) (APCC: 234); *patches heaving* (досл. выпирание заплатки) – пятна-**медальоны** (в зоне вечной мерзлоты) (APCC: 291); *rock mattress* – каменная постель (APCC: 361);
- экономика строительства: *eye ball* (досл. глазное яблоко) – экспертная визуальная оценка (балльная) (APCC: 41); *murder clause* (досл. убийственный) – чрезмерно строгий (по существу излишний) пункт технических условий (на производство строительных работ) (APCC: 115); *life-cycle costs* (досл. траты на жизненный цикл) – стоимость эксплуатационного обслуживания (APCC: 157);
- строительная документация: *footprint of building* (досл. след здания) – размеры здания в плане; площадь застройки здания (APCC: 254); *hook-up* (досл. застегивать на крючок) – схема технологической установки (APCC: 296); *leap-frog method* (досл. лягушачьи прыжки) – метод определения высот при помощи двух пар барометров-анероидов (APCC: 369);
- физика: *heat bridge* – тепловой **мост(ук)** (нарушение теплоизоляции) (APCC: 84); *fatigue* – **усталость** (материалов) (APCC: 236); *knife-edge loading* (досл. по острию ножа) – равномерно распределенная эквивалентная нагрузка (в расчете мостов) (APCC: 345);
- грузоподъемные механизмы: *brothers* (досл. братья) – двух- или четырехветвенный строп (цепной или канатный) (APCC: 86); *caterpillar crane* – **гусеничный** кран (APCC: 161); *blind hoistway* (досл. слепой) – шахта лифта без выходов на промежуточных этажах (APCC: 259); *tail radius* (досл. хвостовой) – задний габарит (наибольший радиус поворотной части крана со стороны, противоположной стреле) (APCC: 452);
- архитектура: *wing-shaped building* – здание с центральной частью и **крыльями** (флигелями) (APCC: 91); *orange peel* (досл. шкурка апельсина) – 2. мелкие наплывы или крапины (дефект

- на фаянсовых плитках) (АРСС: 404); **dovetail tenon** – шип в форме **ласточкина хвоста** (АРСС: 576);
- механика грунтов: **detention basin** (досл. заключение) – паводкоаккумулирующий бассейн (АРСС: 52); **flake** (досл. чешуйка, пластинка) – 3. крупное пластиноподобное **тело** оползня (АРСС: 246); **soil skeleton** – **скелет** грунта (АРСС: 513); **watertable** (досл. водяной стол) – **зеркало** грунтовых вод (АРСС: 625);
 - функциональные свойства: **attackable** – чувствительный к внешним воздействиям; подверженный разрушению или коррозии (АРСС: 42); **bastard** (досл. незаконнорожденный ребенок) – неспецифичный, нетипичный; неполноценный; неравномерный; ненатуральный; ложный (о породах, материалах, конструкциях) (АРСС: 53); **lake** (досл. озеро) – 2. яркий (светлый) органический пигмент (для красок) (АРСС: 324);
 - инженерные сети: **buried cable** (досл. захороненный) – подземный кабель (АРСС: 93); **live conductor** (досл. живой) – провод под напряжением (АРСС: 140); **herringbone drain** (досл. хребет сельди) – **древовидная** дрена (АРСС: 203);
 - инструменты: **rat-tail burner** (досл. крысиный хвост) – однострунная горелка (АРСС: 92); **feather edge** (досл. край пера) – лузговое правило, лузговой полутерок (АРСС: 210); **nest of saws** (досл. гнездо) – набор (комплект) полотен для пилы (АРСС: 383); **dish shovel** (досл. блюдо) – глубокая совковая лопата (АРСС: 509);
 - материалы: **eggshell gloss** – приглушенный глянec, глянec типа «**яичная скорлупа**» (АРСС: 273); **blanket insulation** (досл. покрывало) – рулонная изоляция (АРСС: 307); **asbestos wool** – асбестовая шерсть (АРСС: 623); **dead white** (досл. мертвенно белый) – матовая белая краска, матовые белила (АРСС: 629);
 - здания и сооружения: **needle beam** (досл. игла) – верхний упорный прогон **спицевого** затвора (АРСС: 57); **sandwich construction** – многослойная конструкция (АРСС: 146); **dead man** – **мертвяк**, заглубленный в землю столбчатый анкер (АРСС: 178); **mushroom floor** (досл. грибной пол) – безбалочное железобетонное перекрытие (АРСС: 249);
 - производство работ: **acoustical blanket** (досл. покрывало) – звукоизоляционное покрытие, звукоизолирующий слой (АРСС: 65); **pickling compound** (досл. маринад) – **протрава**, состав для **травления** (АРСС: 130); **vermiculated work** (досл. червеобразный, изъеденный червями) –

декоративная отделка стен с **прожилками** и канавками (подобно **червоточинам**) (АРСС: 635);

- трубопроводы: **twin elbow** (досл. близнец колено) – двойное **колено** (АРСС: 213); **branch fitting** – патрубок с **отростком**, труба-**ответвление** (АРСС: 245); **mantle pipe** (досл. пальто) – 1. труба-оболочка, кожух для бестраншейной прокладки труб, 2. греющая или охлаждающая **рубашка** (АРСС: 415);
- сварочное производство: **scarf joint** (досл. шарф сустав) – стыковое сварное соединение со скосом кромок, V-образное стыковое сварное соединение (АРСС: 317); **weld seam** – сварной **шов** (АРСС: 497); **throat** (досл. горло) – толщина (сварного шва) (АРСС: 585);
- машины / техника: **belly dumper** – самосвал с донной разгрузкой (АРСС: 208); **flat-bed truck** – грузовик с плоской платформой (АРСС: 600); **elephant's trunk** – **хобот** для подачи бетонной смеси (АРСС: 600).

Несмотря на яркую образность метафорических терминов, их количество в общем объеме словаря сравнительно невелико – около 4 %, следовательно, метафоризация является полноценным, но не самым продуктивным способом расширения терминосистемы.

Результаты частеречного анализа отобранных метафорических терминов (2134 единицы) в процентном соотношении можно ранжировать следующим образом: 62 % – дилексменная модель, 26,5 % – моноксменная, 9 % и 2 % – три- и полилексменные модели соответственно.

Моноксменная модель представлена 565 единицами из выборки, 544 из которых – существительные. Это объясняется тем, что основная функция термина – номинативная. Например, **soldier** (досл. солдат) – кирпич, поставленный (уложенный) вертикально (АРСС: 520); **maturing** – **старение**; твердение (раствора, бетона) (АРСС: 361); **hair** – **волос** (например, для армирования нижних штукатурных слоев) (АРСС: 282); **face-lift** (досл. подтяжка лица) – косметический ремонт, внешнее обновление (здания, сооружения, помещения), ремонт фасада здания (АРСС: 230). Меньше всего в данной группе глаголов – найдено 4 примера (менее 1 % от выборки моноксменных единиц): **to bell** – 4. уширять основание (придавая ему конусообразную или куполообразную форму) (АРСС: 61); **to bind** – **связывать**; соединять (АРСС: 64); **to feather** (досл. придавать форму пера) – 2. постепенно скашивать (утонять) кромку (для пригонки при сопряжении досок, листового материала и т. п.) (АРСС: 236); **to pig** – 3. чистить скребком (ершом) (АРСС: 409).

Дилексемная модель. Подавляющее большинство примеров (97 %, 1277 единиц) в группе двучленных сочетаний принадлежит модели <прил. + или сущ. +> + сущ. Как правило, метафорический характер носит определение к главному слову сочетания, например: *dwarf abutment* (досл. карликовая) – лежневая береговая опора (АРСС: 10); *flaky aggregate* – заполнитель с зернами **чешуйчатой** (пластинчатой) формы (АРСС: 18); *horse scaffold* – подмости на козлах, **козловые** подмости (АРСС: 491); *bleeding asphalt* (досл. кровоточащий) – пленка **выпотевшего** битума (на асфальтобетонном дорожном покрытии) (АРСС: 40). Однако встречаются примеры, когда оба члена терминосочетания метафоричны: *heat bridge* – тепловой мост(ик) (нарушение теплоизоляции) (АРСС: 84); *candy bucket* (досл. ведро с конфетами) – бадя для подъема грязи (из колодца, шахты) (АРСС: 87). Меньшей частотностью характеризуются такие метафорические термины, в которых метафорический перенос представлен у главного слова: *weld bead* (досл. бусы) – тонкий сварной шов (АРСС: 55); *stiffening rib* – **ребро** жесткости (АРСС: 475).

Аналогично в группе **трилексемных** терминосочетаний самая многочисленная модель (72 %, 142 единицы из 199) – **прил. + прил. + сущ.**, например: *metal curtain wall* (досл. шторка) – стена из навесных панелей с металлическим каркасом (АРСС: 621); *octopus duct system* (досл. осьминог) – разветвленная система воздухопроводов с распределительным коллектором (АРСС: 565); *vest-pocket park* (досл. карманный) – небольшой городской парк, сквер (АРСС: 400).

Следующая по распространенности **подгруппа** примеров относится к группе **трилексемных** метафорических терминов и представлена моделью **сущ. + предл. + сущ.**: *life of reservoir* – расчетный срок эксплуатации водохранилища (АРСС: 332); *family of fissures* – система трещин (в скальном массиве) (АРСС: 234); *waisting of pile* (от *waist* – талия) – суженная часть набивной сваи (образовавшаяся из-за выдавливания свежееуложенного бетона притоком водоносных грунтов) (АРСС: 619).

Более детальный анализ проведен для похожих моделей (**сущ. + предл. + сущ.**; **сущ. + предл. + арт. + сущ.**; **сущ. + предл. + прил. + сущ.**) из групп **три-** и **полилексемных** метафорических терминов. Общее количество для этих трех частеречных моделей составляет 45 единиц, метафорический же компонент может располагаться как в начале терминосочетания (и таких примеров больше, а именно 28 единиц), так и в конце (16 единиц), и только один пример

метафоричен полностью: *act of God* – разрушение, авария, гибель в результате стихийного бедствия (АРСС: 12); *muzzle end of the tool* (досл. морда, намордник) – рабочий конец инструмента (АРСС: 217); *attachment of the heel* (досл. пятка) – **корневое** крепление (острыя) (АРСС: 42); *envelope of enclosure* (досл. конверт) – наружная оболочка, наружные ограждающие конструкции остова здания (АРСС: 219); *basics of behavior* (досл. поведение) – основные данные или понятия о **характере** работы (конструкции и т.п.) (АРСС: 52).

Наименьший процент от общей выборки приходится на полилексемные метафорические термины (50 единиц, или 2,32 %), которые представлены многокомпонентными частеречными моделями, на некоторые из которых имеется лишь единичный пример. Среди таких моделей можно перечислить **прил. + сущ. + сущ. + предл. + сущ.**: *early age behavior of concrete* – **поведение** (работа) бетона на ранней стадии его твердения (АРСС: 61); **прич. прош. вр. + союз + прич. прош. вр. + сущ.**: *dressed and matched lumber* – строганый шпунтовый пиломатериал (АРСС: 349); **прил. + сущ. + предл. + прил. + сущ.**: *face opening of exhaust hood* – рабочий проем вентиляционного укрытия (АРСС: 389); **сущ. + предл. + прил. + сущ.**: *rate of heat liberation* (от *liberty* – свобода) – скорость выделения теплоты (например, при реакции гидратации) (АРСС: 457). Как видно из приведенных примеров, метафоричный компонент может быть не один в сложных терминосочетаниях и может располагаться в разных его частях.

Факт того, что монолексемных метафор всего лишь 21 % из общей выборки, свидетельствует как о двойственной сущности самой метафоры, так и о стремлении к уточнению при терминообразовании. Л. М. Алексеева трактует двойственность метафоры следующим образом: «Метафоричность научных терминов, основных компонентов языка науки и техники, оказывается по крайней мере дважды мотивированной: с одной стороны, общелингвистической тенденцией развития языка науки, с другой стороны, метафоричностью мышления, этапы развития которого фиксируются созданием новых терминов» [Алексеева 1998: 7].

Положения теории концептуальной метафоры в зеркале метафорической терминологии строительства

В научно-техническом дискурсе особый интерес представляет концептуальная метафора. Основы теории концептуальной метафоры были заложены в уже классическом труде Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры,

которыми мы живем». Авторы утверждают, что природа человеческого мышления структурируется и определяется метафорой: она «пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. В предисловии к переведенной на русский язык книге А. Н. Баранов пишет: «Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры "источника" (source domain) и когнитивной структуры "цели" (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит "метафорическая проекция" (metaphorical mapping) или "когнитивное отображение" (cognitive mapping)» [Баранов 2004: 9]. Инструментами в данной теории выступают фреймы и сценарии – «процедуры обработки структур знаний» [Там же]. В контексте данной теории можно рассматривать метафору как отображение когнитивной структуры в языковой форме.

Метафорические термины в строительстве обретают свои значения на основе ранее приобретенного опыта и, соответственно, выражаются в лексических единицах, отражающих этот опыт. В качестве основы метафоризации могут выступать разные факторы:

- размер: *dwarf abutment* (досл. карликовая) – лежневая береговая опора (АРСС: 10);
- расположение: *buried laying* (досл. погребенный) – скрытая прокладка (АРСС: 328), *honeycomb* (досл. медовые соты) – 1. раковина (в бетоне, металле), 2. внутренняя трещина (в древесине) (АРСС: 296), *spine wall* (досл. спинной) – внутренняя продольная несущая стена (АРСС: 622);
- сходство между формой предмета из сферы-источника и формой предмета в сфере-мишени: *globe-roof tank* – резервуар со сферической крышей (АРСС: 571); *bullhead tee* (досл. бычья голова) – тройник с уширенной центральной частью (АРСС: 574); *mushroom valve* (досл. грибовидный) – конусный затвор (АРСС: 611);
- сходство между формой предмета из сферы-источника и характером процесса в сфере-мишени: *ribbon loading* (досл. ленточный) – одновременное дозирование компонентов смеси (напр., бетонной) (АРСС: 345), *knife-edge loading* (досл. как острие ножа) – равномерно распределенная эквивалентная нагрузка (в расчете мостов) (АРСС: 345), *envelope line* (досл. как конверт) – огибающая (линия) (АРСС: 336), *lacing* (досл. шнурование, создание кружева) – 2. связи между стойками лесов; 3. нащельники дощатой обшивки траншейных креплений; 4. связующий ряд кирпичей или каменных блоков (бутовой кладки); 5. распределительная арматура (АРСС: 322);
- сходство производимого впечатления: *white land* (досл. белая) – свободная незастроенная территория (по генеральному плану не имеющая функционального назначения и застраиваемая по разрешению администрации) (АРСС: 324), *sacrificial land* (досл. жертвенная) – земли, отводимые для сброса осадка сточных вод и исключаемые из сельскохозяйственного землепользования (АРСС: 324), *naked flooring* (досл. обнаженный) – черный пол (АРСС: 250), *fading of settlement* – **затухание** осадки (АРСС: 233), *sporadic development* – беспорядочная застройка (АРСС: 188); *dancer* (досл. танцор) – проф. стрелочный индикатор (контрольно-измерительный прибор) (АРСС: 177);
- сходство происхождения: *parent material* – минеральное или органическое вещество из **материнской** породы, которое образует грунт (АРСС: 360), *female hinge* (досл. женская) – верхняя карта петли (с ходом на центрах) (АРСС: 293), *male hinge* (досл. мужская) – нижняя карта петли (с ходом на центрах) (АРСС: 293);
- сходство процессов: *hunting* (досл. охота) – **рыскание** (регулирующего клапана); неустановившиеся колебания регулируемой величины (АРСС: 299), *bull dog grip* (досл. как у собаки породы бульдог) – сжимы (жимки) стальных канатов (АРСС: 278), *traveling form* (досл. путешествующая) – передвижная (катучая) опалубка (АРСС: 258);
- функциональное свойство: *accelerated aging* – ускоренное **старение** (материала) (АРСС: 17), *stress amplitude* – амплитуда **напряжений** (АРСС: 24), *creep trench* (досл. ползти) – полупроходной канал (АРСС: 598), *sensitive instrument* – **чувствительный** прибор; точный (прецизионный) прибор (АРСС: 307).

В некоторых случаях сложно определить природу метафорического переноса, что требует обращения к дополнительным источникам, например, термины *head pressure* – давление нагнетания (АРСС: 439), *supply header* – распределительный коллектор (АРСС: 288). Словарь *Merriam Webster* предлагает искомое значение только в четвертом подпункте первого варианта для термина *header: a conduit (such as an exhaust pipe for a many-cylindered engine) into which a number of smaller*

*conduits open*³ – канал (например, выхлопная труба многоцилиндрового двигателя), в который выходит ряд более мелких каналов (*прим. – перевод авторов*). В словаре не была указана этимологическая справка именно для этого варианта значения. Наше предположение заключается в том, что коллектор как собиратель более мелких элементов общей системы связывает их воедино, словно возглавляя их, напоминает голову живого организма в функциональном плане по отношению к остальным частям тела.

Категоризация метафорических терминов строительства

Корпус отобранных метафорических терминосочетаний в рамках настоящего исследования можно разделить на следующие основные метафорические модели: **антропоморфную, артефактную, природоморфную** и отдельно выделяемую нами **эсхатологическую** модель (греч. εσχάτος – конечный, последний), связанную с жизнью и смертью.

1. **Антропоморфная** (914 единиц из общего количества выборки; 43 %)

Наибольшее количество метафорических терминов объясняется общей антропоцентричностью, ведь человек осмысливает мир сквозь призму самого понятного – самого себя. Е. С. Кубрякова формулирует сущность антропоцентризма: «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее совершенствования. ... человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, ...вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [Кубрякова 1995: 212]. Мы выделяем следующие сферы-источники в рамках данной метафорической модели:

- тело (454; 50 %): **hot face** (досл. горячее лицо) – поверхность (огнеупорного изделия), обращенная к огню (APCC: 230), **jaw opening** – раскрытие **щек** (дробилки); раскрытие **губок** (тисков) (APCC: 389), **arm span** (досл. размах рук) – центральный **пролет** балочно-консольного моста (APCC: 523);
- действия (161; 18 %): **traveling spray booth** (досл. путешествующий) – накатное вентиляционное укрытие (например, для окрасочных работ) (APCC: 76), **scratch coat** (досл. чесать) – первый слой штукатурки (APCC: 119), **borrowed lightning** (досл. одолженный) – естественное освещение

помещений внутренней зоны через внутренние окна и фрамуги (APCC: 333);

- состояния (128; 14 %): **blind hoistway** (досл. слепой) – шахта лифта без выходов на промежуточных этажах (APCC: 295), **fatigue limit** (досл. усталость) – предел **выносливости**, предел **усталости** (APCC: 334), **fat soil** (досл. толстый) – высокопластичный (связный) грунт (APCC: 519);
 - социальные отношения (73; 8 %): **soldier beam** – стальная стойка крепления стенок траншей (APCC: 58), **preacher** (досл. проповедник) – *проф.* деревянный маячный кирпич с желобком (для фиксации шнура-причалки) (APCC: 437), **slave tamping** (досл. раб) – вспомогательная подбивка (железнодорожного пути) (APCC: 570);
 - кулинария (65; 7 %): **popcorn cement** – крупнопористый бетон (APCC: 135), **baked on enamel finishing** (досл. запеченный) – глазурованное декоративное покрытие, закрепленное горячей сушкой (обжигом) (APCC: 234), **milkiness** (досл. молочность) – **дымчатость** (дефект лакового покрытия или глянцевого окраски) (APCC: 371), **batch plant** (досл. выпечка) – дозировочная установка (APCC: 421);
 - прикладное искусство (30; 3 %): **declination of needle** (досл. игла) – склонение магнитной стрелки (APCC: 179), **angle lacing** (досл. кружево) – решетка сквозной металлической колонны или прогона из одиночных уголков (APCC: 322), **asbestos yarn** (досл. пряжа) – асбестовая **нить** (APCC: 637);
 - мифы (3; 0,3 %): **Adam's arm** (досл. рука Адама) – *проф.* лопата (APCC: 38), **goliath crane** (досл. Голиаф) – **козловой** кран (преимущественно большой грузоподъемности) (APCC: 162), **alien structure** (досл. пришелец) – сооружение, не гармонирующее с окружающей застройкой (APCC: 549).
2. **Артефактная** (635 единицы; 30 %)
- одежда (177; 28 %): **button-head anchorage** (досл. пуговица) – анкеровка стержневой арматуры с высаженными головками (APCC: 26), **falling apron** (досл. фартук) – гибкая **одежда** откоса (APCC: 31), **back-coat** (досл. пальто) – обрызг, первый слой штукатурки (APCC: 44), **ice fabric** (досл. ткань) – структура льда (APCC: 229);
 - инструменты и инвентарь (140; 22 %): **paddle aerator** (досл. весло) – **лопастной** аэратор (APCC: 16), **compass brick** – клиновой кирпич;

³ Header. Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/header> (accessed 15 Nov 2024).

лекальный кирпич (АРСС: 82), **brush work** (досл. щетка) – плетневое (берегоукрепительное) сооружение (АРСС: 633);

- домашнее хозяйство (101; 16 %): **foundation bed** (досл. постель) – основание (грунтовое) (АРСС: 60), **chair** (досл. стул) – люлька (монтажника) (АРСС: 107), **cushioning pool** (от *cushion* – подушка) – **успокоительный** бассейн, водобойный колодец; водяная **подушка** (АРСС: 434);
- сооружения (60; 9 %): **monument** (досл. памятник) – опорная точка, закрепленная на местности (АРСС: 379), **ship scaffold** (досл. корабль) – подвесные леса (АРСС: 492), **tray tower** (досл. башня) – тарельчатый колонный аппарат (АРСС: 593);
- утварь (53; 9 %): **dished bottom** (досл. в виде тарелки) – выпуклое днище (АРСС: 77), **egg crate foundation** (досл. ящик для яиц) – плитный фундамент с ребристой подошвой (АРСС: 260), **valve plate** – **тарелка** (диск) клапана (АРСС: 426);
- украшения (42; 7 %): **ring shear apparatus** – **кольцевой** сдвиговый прибор (АРСС: 30), **pendulum bearing** (досл. подвеска) – маятниковая (качающаяся) опора (АРСС: 59), **crown weir** (досл. корона) – точка перелива воды в верхнем колене двухоборотного сифона (АРСС: 627);
- музыкальные инструменты (25 ед., 4 %): **banjo** (досл. банджо) – **проф.** лопата с коротким черенком, лопатка (АРСС: 48), **bell former** (досл. колокол) – растроубообразователь (АРСС: 258), **accordion partition** – складывающаяся перегородка (АРСС: 401);
- книги (23; 3,5 %): **Bible** – **проф.** сборник (строительных) технических условий и норм (АРСС: 63), **gravel envelope** (досл. конверт) – гравийная фильтровая обсыпка (АРСС: 220);
- игра (8; 1,2 %): **contract award** (досл. приз) – заключение подрядного договора; предоставление (передача) подряда (АРСС: 43), **wrecking ball** (досл. мяч) – **груша** для сноса зданий (АРСС: 41), **dolly** (досл. кукла) – тележка (с низкой платформой) (АРСС: 199);
- деньги (4; 0,6 %): **benefication** – обогащение (руды, породы, сырьевых материалов) (АРСС: 63), **groundwater budget** – баланс подземных вод (АРСС: 88).

3. Природоморфная (435 единиц; 20 %)

Для категоризации реального мира, как отмечает В. Н. Топоров, животные всегда были «некоей наглядной

парадигмой, отношения между элементами которой могли использоваться как определенная модель жизни человеческого общества» [Топоров 2010: 339]. Живая и неживая природа лежит в основе **природоморфной метафорической модели** в рамках нашей классификации, и включает такие сферы-источники, как:

- животные, птицы и насекомые (275; 63 %): **beaver-tail** (досл. хвост бобра) – **проф.** главный (основной) домкрат (АРСС: 59), **double-flanged duck-foot bend** (досл. утиная лапка) – фланцевое колено с опорной **лапой** (АРСС: 62), **single web beam** (досл. паутина) – (составная) балка с одной стенкой, одностенчатая (составная) балка (АРСС: 57);
- растения (79; 18 %): **hemp-core cable** – проволочный канат с **пеньковым** сердечником (АРСС: 94), **single leaf damper** (досл. лист) – одностворчатый (одноперьевой) воздушный клапан, дроссель-клапан (АРСС: 176), **rose** – 1. розетка (архитектурное украшение); 2. разбрызгиватель; разбрызгивающая головка; 3. сетчатый фильтр; 4. роза ветров (АРСС: 485);
- неживая природа (68; 16 %): **boggy act** (досл. болотистый) – подсосывание воды (в дорожную одежду) (АРСС: 12), **puddle clay** (досл. лужа) – глинобетонная смесь (АРСС: 115), **ice-flow glass** (досл. ледоходное) – узорчатое листовое стекло «**морозко**» (АРСС: 273);
- явления (13; 3 %): **floodlight** (досл. наводняющий) – прожекторное освещение; заливающий свет (АРСС: 248), **asphalt fog seal** (досл. туманное) – поверхностная обработка (дорожного покрытия) битумной эмульсией или жидким битумом (АРСС: 496), **wind shadow** (досл. воздушная тень) – аэродинамическая тень (АРСС: 504).

4. Эсхатологическая (152 единицы; 7 %)

В соответствии с определением из толкового словаря Д. Н. Ушакова, **эсхатология** – это «учение, представление о конце мира, о конечных судьбах человечества, о т. наз. загробной жизни и т. п.»⁴. В рамках настоящего исследования **эсхатологическая метафорическая модель** связана с состоянием жизни и смерти, оружием и преступлениями:

- состояния (98; 64 %): **sound-deadening coat** (досл. звукоубивающий) – звукопоглощающее покрытие (АРСС: 119), **fatigue life** (досл. усталая жизнь) – циклическая долговечность (усталостная долговечность, выраженная числом циклов переменных напряжений) (АРСС: 332), **reduction of bleeding**

⁴ Эсхатология. Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=87702> (дата обращения: 15.11.2024).

- (досл. кровотечение) – уменьшение (снижение) водоотделения бетонной смеси (обычно путем введения соответствующих добавок) (АРСС: 463);
- оружие (33; 22 %): **bullet catch** (досл. пуля) – дверная защелка в форме цилиндра или шарика (АРСС: 102), **arrow diagram** (досл. стрела) – сетевой график (АРСС: 191), **pressure gun** (досл. пистолет) – шприц для уплотнения швов (соединений) (АРСС: 281);
 - кладбище (8; 5 %): **buried drain** (досл. захороненный) – закрытая дрена (АРСС: 202), **ghost island** (досл. призрачный остров) – островок безопасности, размеченный на проезжей части (АРСС: 311), **disposal** – удаление; сброс; отведение; отвал; **захоронение** (АРСС: 196);
 - происшествия (7; 4,5 %): **throttling damper** (досл. удушующий) – дроссельная заслонка (АРСС: 177), **fan shooting** (досл. стрельба) – метод преломленных волн (с веерным расположением приемников) (АРСС: 508), **exploded view** (досл. взорванный) – перспективное изображение по частям (АРСС: 617);
 - религия (6; 4 %): **act of God** (досл. деяние Бога) – разрушение, авария, гибель в результате стихийного бедствия (АРСС: 12), **deviling** – обработка штукатурки гвоздевой теркой (для придания шероховатости) (АРСС: 190), **horizontal limb** – горизонтальный **лимб** (АРСС: 334).

Метафорические модели могут быть многосложными, что затрудняло составление классификации. В один метафорический термин могут входить единицы из разных сфер-источников, например: **bellmouth intake** – входная воронка водозабора (АРСС: 308), где **bell** относится к сигнификативной сфере *музыкальные инструменты* в рамках артефактной метафорической модели, а **mouth** – к сфере *тело*, которая входит в состав антропоморфной метафорической модели. Для удобства категоризации и управления базой данных выборки было принято решение определять термины по тому, какой метафорический компонент в терминосоответствии первый, следовательно, приведенный выше пример – часть выборки по артефактной метафорической модели. Ниже представлен компонентный анализ рассматриваемого терминологического сочетания:

Часть конструкции водозабора –
это музыкальный инструмент и тело →
СТРОЕНИЕ – АРТЕФАКТ и ЧЕЛОВЕК.

Приведенные в данном разделе примеры показывают, как сильно профессиональная картина мира зависит от наивной, т. к. термины заимствуются из обычного лексикона. Антропоцентрическая парадигма

восходит к трудам В. фон Гумбольдта и Э. Бенвениста. В. фон Гумбольдт понимал язык как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 2000: 304]. Иными словами, физический опыт человека первичен при концептуализации новых понятий.

Заключение

Метафора – полноправная часть терминологической системы строительного дискурса. С точки зрения способов пополнения отраслевой терминологии метафоризация, оставаясь полновесным способом терминотворчества, занимает периферийное положение, т. к. количество метафорических терминов в нашей выборке составило всего 4 % (2134 единицы) от общего количества словарных статей рассматриваемого словаря (более 55000 единиц).

Низкую продуктивность такого механизма создания терминов можно объяснить следующими причинами. Во-первых, не отрицая очевидности нечеткой границы между терминами и общеупотребительной лексикой, термин все же стремится к точности значения. Термин (лат. *terminus* – предел, граница), словами П. А. Флоренского, «страж порога, страж священного участка, страж всего, что в пределах охраняемой границы содержится» [Флоренский 2000: 205], следовательно, одна из основных функций термина – отмежевание от обыденной лексики и ограничение значения рамками определенного направления специальной области. Во-вторых, активные темпы развития отрасли строительства задают вектор для терминосистем на расширение в сторону многосложных составных терминосоответствий, например *floor operated crane* – грузоподъемный кран, дистанционно управляемый с пола (АРСС: 162).

Мотивированность метафорического образа не всегда очевидна. Чтобы понять суть метафоры, мы прибегали к методу компонентного анализа. Другой способ раскрыть значение, скрытое в метафоре, – обратиться к отраслевым справочникам или поиску изображений (если термин не представляет собой абстрактное понятие) в поисковых системах.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Алексеева Л. М. Термин и метафора. Пермь: ПГНИУ, 1998. 250 с. [Alekseeva L. M. *Term and metaphor*. Perm: PSU, 1998, 250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uujufl>
- Аристотель. Поэтика. Риторика. О душе. М.: Мир книги, 2007. 400 с. [Aristotle. *Poetics. Rhetoric. On the Soul*. Moscow: Mir Knigi, 2007, 400. (In Russ.)]
- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. *Теория метафоры*, ред. Н. Д. Арутюнова, М. А. Журиная. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32. [Arutiunova N. D. *Metaphor and discourse. Theory of metaphor*, eds. Arutiunova N. D., Zhurinskaja M. A. Moscow: Progress, 1990, 5–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjzavp>
- Асмус Н. Г. Функционирование антропоморфной метафоры в англоязычном виртуальном дискурсе. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 10. С. 15–23. [Asmus N. G. Functioning of the anthropomorphic metaphor in the English virtual discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2019, (10): 15–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwdrsr>
- Баранов А. Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя. In: Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: УРСС, 2004. С. 7–21. [Baranov A. N. Cognitive theory of metaphor: Almost twenty-five years after. In: Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Moscow: URSS, 2004, 7–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rqcttb>
- Боровкова А. В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка). *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 396. С. 5–13. [Borovkova A. V. Food metaphor as a means of expressing evaluation and values (based on figurative lexis and phraseology of the Russian language). *Tomsk State University Journal*, 2015, (396): 5–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/396/1>
- Гаврилова И. А. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 2. С. 504–512. [Gavrilova I. A. Metaphorical terms as part of English legal terminology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 504–512. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-504-512>
- Голованова Е. И. Когнитивные ориентиры в речемыслительной деятельности профессионала. *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2020. Т. 4. № 4. С. 50–54. [Golovanova E. I. Cognitive reference points in speech and mental activity of a specialists. *Gumanitarnopedagogicheskie issledovaniya*, 2020, 4(4): 50–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cxvfjf>
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. 396 с. [Humboldt W. von. *Selected works on linguistics*. 2nd ed. Moscow: Progress, 2000, 396. (In Russ.)]
- Деррида Ж. Поля философии. М.: Акад. проект, 2012. 376 с. [Derrida J. *Margins of philosophy*. Moscow: Akad. proekt, 2012, 376. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrsgcz>
- Дорцуева Н. И. Функции концептуальной метафоры в текстах научно-популярного медицинского дискурса. *Universum: филология и искусствоведение*. 2016. № 11. С. 29–31. [Dortsueva N. I. The functions of conceptual metaphor in the texts of scientific-popular medical discourse. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, 2016, (11): 29–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzjepn>
- Исаева Е. В., Серебренникова А. Н. Языковая репрезентация концептуальной метафоры в русско- и англоязычной геологической терминологии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 4-3. С. 88–91. [Isaeva E. V., Serebrennikova A. N. Linguistic representation of conceptual metaphor in Russian and English geological terminology. *Philology. Theory & Practice*, 2016, (4-3): 88–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vpnmyj>
- Каплуненко А. М. О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2007. № 5. С. 3–12. [Kaplunenko A. M. Technological nature of consciousness manipulation: Linguistic aspects. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2007, (5): 3–12. (In Russ.)]

- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). In: Степанов Ю. С., Фрумкина Р. М., Руденко Д. И., Прокопенко В. В., Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Серио П., Постовалова В. И. *Язык и наука конца 20 века*. М.: ИЯз РАН, 1995. С. 144–238. [Kubryakova E. S. Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century: Experience of paradigm analysis. In: Stepanov Yu. S., Frumkina R. M., Rudenko D. I., Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Postovalova V. I. *Language and science at the end of the 20th century*. Moscow: IL RAS, 1995, 144–238. (In Russ.)]
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 256 с. [Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Moscow: URSS, 2004, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qraadx>
- Мишанкина Н. А., Панасенко Е. А., Рахимова А. Р., Рожнева Ж. А. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности (на материале базы данных метафорической терминологии естественных, технических и гуманитарных дисциплин). М.: ФЛИНТА, 2018. 272 с. [Mishankina N. A., Panasenko E. A., Rakhimova A. R., Rozhneva Zh. A. *Russian term systems in the aspect of semantic selectivity: The database of metaphorical terminology of natural, technical, and humanitarian term systems*. Moscow: FLINTA, 2018, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/psgwaf>
- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры. *Теория метафоры*, ред. Н. Д. Арутюнова, М. А. Журиная. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81. [Ortega-y-Gasset J. Two great metaphors. *Theory of metaphor*, eds. Arutiunova N. D., Zhurinskaja M. A. Moscow: Progress, 1990, 68–81. (In Russ.)]
- Прокудина И. С. Концептосфера «Еда / Пища» как источник метафорических номинаций детей раннего возраста в семейном дискурсе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 11. С. 3391–3397. [Prokudina I. S. FOOD / EDIBLES conceptual sphere as a source of metaphorical nominations of young children in family discourse. *Philology. Theory & Practice*, 2021, 14(11): 3391–3397. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil210558>
- Просвирнина Л. Г. Метафорические термины в английском экономическом дискурсе. *Язык и культура*. 2015. № 2. С. 84–88. [Prosvirina L. G. Metaphorical terms in the English economic discourse. *Yazyk i kultura*, 2015, (2): 84–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19996195/30/9>
- Пугачевская И. А. Фразеологическая номинация в терминосистеме международного права: семантико-когнитивный подход. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2023. Т. 29. № 3. С. 177–185. [Pugachevskaya I. A. Phraseological nomination in the terminological system of international law: Semantic cognitive approach. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya*, 2023, 29(3): 177–185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-177-185>
- Рахимова А. Р. Метафора зеркала в процессах моделирования психической деятельности в научном психологическом дискурсе. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022. № 80. С. 113–132. [Rakhimova A. R. The mirror metaphor in the processes of modeling mental activity in the scientific psychological discourse. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*, 2022, (80): 113–132. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19986645/80/6>
- Ревеко Л. С. Метафоризация как способ образования субстантивных терминов немецкой металлообработывающей терминологии. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 4. С. 161–165. [Reveko L. S. Metaphorization as the way to form the substantive terms of the German metal-processing terminology. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2020, (4): 161–165. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udkpbe>
- Сиротина Е. А. Метафорический способ образования терминов в современной английской терминологии биотехнологии. *Studia Humanitatis*. 2020. № 1. [Sirotnina E. A. The metaphoric way of term formation in modern English terminology of biotechnology. *Studia Humanitatis*, 2020, (1). (In Russ.)] URL: <https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/syrotina.pdf> (accessed 15 Nov 2024). <https://elibrary.ru/ocojjx>
- Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*, отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204. [Teliya V. N. Metaphorization and its role in creating the Russian linguistic worldview. *The role of the human factor in the language. Language and picture of the world*, ed. Serebrennikov B. A. Moscow: Nauka, 1988, 173–204. (In Russ.)]

- Тихонова И. Б. Когнитивная метафора в научном и профессионально насыщенном пространстве (на материале английской терминологии нефтепереработки). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 7. С. 198–202. [Tikhonova I. B. Cognitive metaphor in scientific and professional discourse (by the example of the English oil refining terminology). *Philology. Theory & Practice*, 2020, 13(7): 198–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.38>
- Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 2. 496 с. [Toporov V. N. *The world tree: Universal sign complexes*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2010, vol. 2, 496. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzfmldr>
- Флоренский П. А. Термин. In: Флоренский П. А. Сочинения. М.: Мысль, 2000. Т. 3(1). С. 185–212. [Florensky P. A. *Term*. *Florensky P. A. Works*. Moscow: Mysl, 2000, vol. 3(1), 185–212. (In Russ.)]
- Хачмафова З. Р., Ефремов А. А. Актуализируемые признаки метафорического терминообразования (на материале терминологии американской нефтегазовой отрасли). *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2013. № 3. С. 106–112. [Khachmafova Z. R., Efremov A. A. Actualized indications of a metaphorical term formation (as shown by terminology of the American oil and gas branch). *Bulletin of Adyghe State University, Ser. 2: Philology and Art Criticisms*, 2013, (3): 106–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rurarn>
- Цуканова Е. В., Мишанкина Н. А. Механизмы моделирования семантики метафорического термина (на материале юридической терминологии). *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 500. С. 116–129. [Tsukanova E. V., Mishankina N. A. Mechanisms of modeling the semantics of metaphorical term (based on the legal terminology). *Tomsk State University Journal*, 2024, (500): 116–129. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/500/13>
- Chudinov A. P., Shustrova E. V. Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results. *Russian Journal of Linguistics*, 2024, 28(1): 190–209. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35070>
- Makashova V. Metaphor as an object of linguo-philosophical comprehension. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, 2022, (7): 19–22. <https://doi.org/10.32743/UniPhil.2022.97.7.14081>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/nhoecv>

Эвфемизация концептуализированной области *смерть* в древнеанглийском языке

Лунина Софья Андреевна

Новосибирский государственный технический университет, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 5601-2444

sof.mag.nstu@mail.ru

Аннотация: Несмотря на сохраняющийся интерес к явлению эвфемии, отсутствует достаточно развитая система классификации, приемлемая для исследования криптолалических эвфемизмов как таковых (не учитывается смежное положение данного понятия в терминологии эвфемии). Актуальность работы обуславливается тем, что древнеанглийские тексты являются единицами передачи (культурный аспект) в их связи с эвфемизацией смерти в письменной речи (языковой аспект), что представляет закономерный интерес для семиотического исследования взаимосвязи культуры и языка, дает возможность использовать собственно языковые темы для интерпретации культурных феноменов и наоборот. Цель – проанализировать концептуализированную область *смерть* в древнеанглийском языке на основе изучения лексем-эвфемизмов. Выборка текстов охватывает период VII–XII вв. древнеанглийской письменности и представлена репрезентациями толкового англосаксонского словаря Bosworth-Toller Dictionary. Применены лексикографический метод, концептуальный анализ, семантический анализ (семасиологический и ономасиологический аспекты изучения эвфемизмов), классификация и систематизация. Новизна исследования состоит в предложении и обосновании понятия криптолалического эвфемизма как частного термина на пересечении эвфемизмов-табу и криптолалии. Впервые определены микромотивы общей темы смерти и умирания, представленные в древнеанглийских текстах, в соответствии с семасиологической и ономасиологической принадлежностью лексем: смерть как путь; смерть как разделение двух сущностей; смерть как отдых; смерть как манифестация судьбы; смерть как форма жизни; смерть как движение вниз; смерть как точка во времени и пространстве. Выявлены рамки концептуализированной области *смерть*, проведен лексикографический, концептуальный и семиотический анализ отобранных лексем-эвфемизмов, определены принципы и способы эвфемизации явления смерти. В выборке исследуемых текстов наибольшее распространение получает микромотив *смерть как путь*, лексемы-эвфемизмы которого являются словообразовательными заменами и носят преимущественно дескриптивный характер.

Ключевые слова: эвфемизм, табу, табуизм, криптолалия, криптолалический эвфемизм, концепт, концептуализированная область, смерть, семантика

Цитирование: Лунина С. А. Эвфемизация концептуализированной области *смерть* в древнеанглийском языке. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 34–48. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-34-48>

Поступила в редакцию 08.07.2024. Принята после рецензирования 14.10.2024. Принята в печать 21.10.2024.

full article

Euphemization of *Death* Conceptual Domain in Old English

Sofya A. Lunina

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 5601-2444

sof.mag.nstu@mail.ru

Abstract: Euphemisation is a popular research topic in linguistics. However, no reliable classification has appeared for the study of cryptolalic euphemisms because the adjacent position of this concept in the terminology of euphemisms remains understudied. Old English texts are vessels of cultural transmission in the linguistic aspect of death euphemization via written speech. In this regard, they seem to be a promising material for the semiotics of culture- language relations, which makes it possible to use linguistics to interpret cultural phenomena and vice versa. The research objective was to analyze the conceptual domain of *death* in Old English based on euphemistic lexemes. The samples were obtained from the explanatory Anglo-Saxon Bosworth-Toller Dictionary that covers the period of VII–XII centuries. The materials were subjected to the lexicographic method, conceptual analysis, semantic analysis (semasiology and onomasiology of euphemisms), classification, and systematization. The article introduces *cryptolalic euphemism* as a term at the intersection of taboo euphemisms and cryptolalia. The research revealed a number of micro-motives of death and dying in Old English. In line with the semasiological and onomasiological affiliation of the lexemes, death was represented as a path, as two entities separated, as a rest, as a manifestation of fate, as a form of life, as a downward movement, and as a point in time and space. The author identified the framework of the conceptual domain of death by a lexicographic, conceptual, and semiotic analysis of the euphemisms, as well as outlined the principles and methods of euphemization for the phenomenon of death in Old English. Death as a path appeared to be the most popular micro-motive, its euphemisms being word-formation replacements of mostly descriptive nature.

Keywords: euphemism, taboo, tabooism, cryptolalia, cryptolalic euphemism, concept, conceptualized domain, death, semantics

Citation: Lunina S. A. Euphemization of *Death* Conceptual Domain in Old English. *SibScript*, 2025, 27(1): 34–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-34-48>

Received 8 Jul 2024. Accepted after peer review 14 Oct 2024. Accepted for publication 21 Oct 2024.

Введение

Множество лексем определенной концептуализированной области выступают объектом научного интереса как упорядочение ключевой лексики в виде смысловой системы представлений. Концепты – это абстрактные значения, которые представляют слова и другие лингвистические элементы. В современной лингвистике считается, что все языки способны выражать одни и те же концепты, хотя некоторые языки могут иметь меньше названий для ряда концептов, чем другие; также сами концепты одного и того же понятия могут выражаться по-разному в зависимости от изучаемого языка. Формирование концептов лежит в основе человеческого мышления и общения. Картина мира, будучи системой концептов, – не простая совокупность «фотографий» предметов, процессов, свойств и т. д., поскольку она включает в себя не только отражаемые предметы, но и положение отражающего субъекта,

его отношение к этим предметам и поведение субъекта [Mukhtorova 2023].

В свою очередь, концептуализированная область определяется как совокупность таких областей или сфер культуры, где слова, вещи, ритуалы объединяются, синонимизируются в некотором общем представлении (концепте) [Проскурин, Комкова 2017: 146]. Эти области создаются так называемыми смешанными эволюционными рядами, т. е. такими совокупностями представлений, которые допускают интерпретацию на уровне как чистого концепта, так и чисто материального концепта [Степанов, Проскурин 1993: 14]. Концептуализированную область *смерть* в рамках данной статьи мы предлагаем рассмотреть именно как пример такого ряда. Выбор данной области для лингвистического исследования обусловлен тем, что явление человеческой смерти неизбежно

порождает вопрос: как смерть концептуально связана с нашей сущностью и идентичностью как человеческой личности? Смерть является «морально важным маркером», а потому не представляет собой исключительно онтологический или естественно-научный интерес [DeGrazia 2007].

Изучать смерть означает «неизбежно изучать и саму жизнь», потрясения, вызываемые смертью, играют роль увеличительного стекла для самых глубоких переживаний культуры [Thompson 2012: 7]. В академических исследованиях наблюдается значительный перевес в изучении именно смерти, нежели не менее важного этапа жизни человека – рождения [Hennesey 2017]. Интерпретация концептов (и концепта *смерть*, в частности) при этом может отличаться не только между разными народностями, но и внутри одной конкретной культуры. Так, эти интерпретации могут согласовываться друг с другом, не иметь четкой взаимосвязи либо же полностью исключать друг друга. Например, христианский концепт *чистилище* (*Purgatory*) получил развитие лишь с приходом к власти Папы Римского Иннокентия III в период 1198–1216 гг.; в поздний англосаксонский период неоднозначную позицию занимали и такие религиозные акты, как заступническая молитва, захоронение тела, положение души человека перед Судным днем и т. д. [Kabir 2001: 3]. Явление смерти находится на пересечении языковой и культурной тем и занимает поистине важную нишу в понимании закономерностей развития культур. Взаимосвязи между языковой темой (например, морфологические явления определенного эволюционного ряда) и культурной темой (например, идея рода) предоставляют возможность использовать собственно языковые темы для интерпретации культурных феноменов и наоборот [Степанов, Проскурин 1993: 15].

Эвфемизмам посвящено множество работ и в конкретных областях гуманитарных наук, и в междисциплинарных сферах. В зарубежных исследованиях особое внимание уделяется остросоциальным вопросам эвфемизации в сфере медицины и этнических / расовых конфликтов [Лунина 2024: 205]. Эвфемия активно исследуется как в синхронии, так и в историческом контексте. На данный момент эвфемия имеет крайне высокую степень разработки: в рамках социологии как составляющая часть медицинской этики; в этнических и расовых исследованиях (эвфемизация и слюры); в сфере политического дискурса; при исследовании архаичных традиций племенных народов.

Процесс эвфемизации тесно связан с самой номинацией, которая является одним из фундаментальных

процессов речевой деятельности наряду с предикацией и оценкой [Куликова, Саватеева 2008]. Помимо этого, исследовательский интерес к семантике умирания в древнеанглийском языке закономерен, т. к. в данном направлении возможно образование множества концептуальных решений. Эта возможность обусловлена тем фактом, что для древнеанглийской культуры не существует единого концепта загробного мира, общего для многих индоевропейских народностей [Степанов, Проскурин 1993: 17]. Итак, изучение способов и принципов эвфемизации именно на примере письменных источников позволяет нам судить о данном феномене в контексте передачи, иными словами, наблюдать «историю смены картины мира», анализировать изменения в форме коллективной памяти [Проскурин, Проскурина 2017: 10]. Этим положением обуславливается актуальность представленного исследования.

Цель – проанализировать концептуализированную область *смерть* в древнеанглийском языке. Задачи работы включают следующие аспекты изучения лексем-эвфемизмов:

- определение роли эвфемизации концептуализированной области *смерть* в изучении древнеанглийских лексем;
- уточнение и расширение терминологии эвфемии на основании характера контрагента коммуникации;
- анализ лексем с выделением общих тематических микромотивов на основании когнитивной метафоры;
- классификация древнеанглийских эвфемизмов в спектре концептуализации (принадлежность к чистому, материальному или смешанному концепту);
- классификация древнеанглийских эвфемизмов в семасиологическом и ономазиологическом аспектах (анализ оценочности и способов образования лексем);
- выявление семантических особенностей лексем-эвфемизмов древнеанглийского периода.

Рассуждая о смерти как концептуализированной области, следует обратиться к понятию *контекстуальный микромотив*, предложенному С. Г. Проскуриным, под которым понимается множество высказываний, построенных по общим правилам и объединяемых на основании единой культурной темы. Сама базовая семантема по отношению к микромотивам является организующим принципом, поскольку предстает эквивалентной понятию *тема*

[Проскурин, Проскурина 2017: 86]. В рамках данного исследования организующим признаком является сама тема смерти как явление объективной реальности. В то же время эвфемистические замены, представленные в словаре, являются множеством лексем, объединенных под данной культурной темой.

Обратимся к смерти как табуированной языковой единице, требующей эвфемизации. Эвфемизмы – это слова и выражения, служащие непрямой номинацией явления или предмета для более полного достижения целей высказывания, обладающие семантической неопределенностью или низким уровнем конкретности смыслового наполнения языковой единицы [Потапова 2009: 24]. Мы исходим из положения, что эвфемизмы являются знаками культуры и языка [Орлова 2022], их исследование позволяет «проникнуть в мир иной культуры, увидеть этот мир через призму национально-культурных особенностей ее народа: реалий его прошлого и настоящего, а также его духовных и моральных ценностей» [Миронина 2010: 88]. Эвфемизмы наряду с загадками являются составляющей кодирования культурно-маркированных тем, подлежащих непрямому именованию [Орлова 2021]. В частности, это относится к темам, требующим особого кодирования (табуирования). Табуированная лексика связана со стигматизацией (как для адресанта, так и для адресата). Несоблюдение установленных запретов может привести к целому ряду последствий: от «потери лица» до исключения из общественной деятельности и телесных наказаний [Allan, Burridge 1991]. Зачастую эти темы связаны с уникальным для индивидуальной и коллективной психики опытом рождения и смерти, с интимной сферой межличностного общения, частным примером которой является брак.

Как и любой эвфемизм, непрямая номинация умирания прежде всего характеризуется диффузной семантикой, т. е. недоопределенностью содержания языковых знаков различного уровня (морфем, лексем, словосочетаний, предложений, текстов), размытым характером границ между значениями и их категориями в семантической системе языка и в языковой коммуникации [Kiklewicz 2007: 302]. Семантика умолчания представляет собой функционально-семантическую категорию, она имеет объективно-субъективную природу, преимущественно интерпретационный, а не отражательный характер [Иванян 2015]. С. И. Романов определяет эвфемистическую замену как квазисиноним, а отношения эвфемизма и лексического синонима – как эквиполентные, поскольку эвфемизмы не всегда проявляют свойства синонимов

[Романов 2021: 7]. Е. А. Уварова также приходит к выводу, что эвфемизация речи тесно связана с синонимическими и антонимическими отношениями, т. к. для образования эвфемизма необходимо наличие в денотатах исходного и новообразованного слова одинаковых, синонимичных или антонимичных сем [Уварова 2010: 459]. В анализе эвфемистических конструкций важно учитывать отношение участника коммуникации к описываемому концепту, поскольку «концепт не только мыслится, но и переживается» [Степанов 2004: 43]. Отмечается, что хотя эвфемизм функционирует как совокупность денотативного и коннотативного аспектов, ведущая роль в его значении принадлежит именно коннотации, прежде всего ее оценочному компоненту [Уварова 2010: 460]. В этой связи необходимо уточнение особенностей переживания концепта *смерть* древнеанглийским автором и современным человеком с точки зрения психологического аспекта: если в настоящее время смерть эвфемизируется из соображений деликатности, вежливости или сострадания, то в древних культурах языковой запрет являлся способом выражения табу – страха перед демоническими силами [Куницына 2013: 110]. Такой страх находит свое закономерное выражение в криптолалии.

Криптолалия (*тайное речение*) призвана скрыть содержание сообщения от третьих лиц – контрагентов. Одним из наиболее ранних примеров криптолалии, согласно Э. Г. Куликовой и Л. В. Саватеевой, можно считать описательное именование некоторых сакральных животных, например медведя германскими народами: *bero, bar, Beowulf* [Куликова, Саватеева 2008]. Примечательно, что и само слово *охота* является лексемой с косвенной номинацией: в древнерусском языке изначальным денотатом являлось слово *ловля*, а изначальное значение слова *охота* переводилось как *желание* [Кудряшова 2015: 14]. В представлениях первобытных людей истинные имена в речи могли навлечь беду, что привело к потребности в непрямой номинации табуированного денотата. В ряде языков, например в современном алтайском, криптолалическому сокрытию подлежат охотничье-промысловый и женский лексиконы, имена старших в семье, а также ряд критических моментов жизни человека (рождение, беременность, болезни, смерть) [Яимова 1990: 3]. Криптолалия присутствует и в современном мире: зашифрованная речь военных, заключенных, засекреченное общение медицинских сотрудников, желающих скрыть предмет разговора от пациентов, и т. п. При этом различие эвфемии и криптолалии

не заключается исключительно в собственно лингвистических признаках; разграничение этих понятий происходит на основании ряда особенностей коммуникации и коммуникативной ситуации. К примеру, медицинский термин *педикулез* будет являться эвфемистической заменой слова *вшивость* в том случае, если пациент осведомлен о значении диагноза. В то же время эта же лексема служит криптолалической заменой в ситуации, если в момент коммуникации присутствует третья сторона, а сам пациент не знаком со смыслом данной замены [Куликова 2016: 115].

Сами эвфемизмы, хотя и обладают схожей структурой и общей частной задачей (сокрыть нежелательный денотат), имеют, однако, другие цели. Для собственно эвфемизма (настоящего эвфемизма) эта цель носит коммуникативный характер – смягчение негативного компонента денотата, но при этом сохранение исходного его смысла. Криптолалический эвфемизм подразумевает наличие контрагента в коммуникативной ситуации, поэтому его цель – иносказание с целью шифра (при этом говорящий стремится именно к тайному иносказанию, что не подразумевает смягчения как такового). Сравним: 1) настоящий эвфемизм: *unemployed* (денотат) – *in transition, between jobs, job-seeker* (сигнификаты); 2) криптолалический эвфемизм: *God* (денотат) – *Father in heaven, Almighty, Lord* (сигнификаты). Табуированность изначального понятия присуща для обоих примеров, тем не менее мотивы сокрытия денотата неидентичны. В первом случае наблюдается явное смягчение и даже облагораживание образа безработного человека путем акцентирования внимания на положительной ассоциации *работа, трудящийся гражданин* и использовании пространственных формулировок, передающих ощущение движения, прогресса. Этот и подобные ему эвфемизмы допустимы как в обращении к человеку напрямую, так и косвенно, в его отсутствие. Во втором случае иносказание имеет целью избежание употребления имени высшей силы всуе, говорящий хочет избежать последствий от упоминания сверхъестественных сил, т. е. такой эвфемизм принципиально исключает третье лицо из коммуникации.

По своим структуре и функциям криптолалические эвфемизмы наиболее близки к эвфемизмам-табу. Понятие табуизма охватывает достаточно широкий спектр запрещенных к произношению или печати слов, в который включают табуизмы в именах, религиозные табуизмы, ненормативную лексику (маты), социально-политические табуизмы, а также так называемые игровые табуизмы в метаязыковых диалоговых

конструкциях. Однако, в отличие от криптолалических эвфемизмов, можно наблюдать различия в характере контрагента. Например, юмористическое стихотворное обыгрывание табуизмов в речевом фольклоре, где нормативность носит условно-запретительный характер. Особенно актуальны такие взаимодействия среди детей (условность запрета – сильный раздражитель для игровой атаки со стороны автора игрового речевого произведения) [Голев 2005: 196]. С. И. Романов, основываясь на сценариях речевого акта, разграничивает собственно эвфемизмы, эвфемизмы-обереги и юмористические эвфемизмы [Романов 2021: 8].

Окказиональные табу встречаются и в современных социальных сетях, где контрагентом выступает политика той или иной площадки для общения. Так, в обсуждениях, посвященных табуированной теме суицида (особенно среди молодых людей), большое распространение получила аббревиатура РКН, означающая самоубийство (*совершить РКН*). Изначально данное выражение расшифровывается как название федеральной службы по надзору в сфере информационных технологий – Роскомнадзор (РКН), чья строгая политика цензуры (достаточно иронично) и стала причиной появления данной замены. Аналогичной популярной заменой для англоязычного сегмента интернет-СМИ является лексема *to unalive (somebody or oneself)*. Окказиональная эвфемизация табуизмов происходит и на фонетическом уровне: во избежание ограничений цензуры автор ролика, обращаясь к табуированной теме педофилии, в субтитрах выбирает составное выражение *peddle-files*.

Прямой номинации избегают не только остросоциальные явления, но даже имена собственные, что, как могло показаться на первый взгляд, свойственно исключительно первобытным и архаичным сообществам. Любопытен в таком случае мотив табуирования. Например, в одном из англоязычных подкастов ведущая, критикующая неблагодарность и высокомерие в отношениях, намеренно называет партнера знаменитой спортсменки Симоны Байлз как *Мистер Симона Байлз (Mr. Simone Biles)*. Такое замещение отражает значимость фигуры женщины, благодаря которой знаменитость перешла и к ее партнеру; замена эта также обусловлена нежеланием подпитывать славу человека, который, по мнению ведущей, не достоин упоминания своего настоящего имени. Подобные табу могут иметь и чисто прагматическую функцию: упоминание имени противоречивой личности в социальных сетях нередко приводит к нежелательным конфликтам. Табуированное понятие к тому же не всегда подразумевает

появление замещающего иносказания. К примеру, слово *джаз* являлось табуизмом в период СССР середины прошлого столетия, контрагентом здесь выступали конкретные цензоры, однако само слово не пропало ни из печати, ни из устной речи, напротив, достаточно парадоксально, к данному табуированному понятию неоднократно обращались, как правило, в негативном контексте. Само же название музыкального жанра не приобрело никакой вторичной номинации, несмотря на жесткую табуированность.

Таким образом, исходя из факторов появления табуизмов, мы можем определить место и функции криптолалических эвфемизмов в языке. Криптолалическая эвфемия находится на пересечении эвфемизмов-табу и криптолалии и подразумевает наличие следующих обязательных признаков:

- 1) конкретный (не условный) сакральный характер контрагента, будь то имя бога, болезни, смерти или дикого животного, и конкретные последствия от несоблюдения табу;
- 2) фактическое избегание истинного именованного как следствие табуизации (рис.).

Необходимость выделения криптолалических эвфемизмов в категорию отдельного термина мы обуславливаем следующими причинами. Во-первых, далеко не всякое криптолалическое высказывание взаимодействует с табуизмом (например, зашифрованная коммуникация спецслужб никак не связана с избеганием табуированных или сакральных тем). Во-вторых, эвфемизмы-табу в широком понимании не исключают участников из коммуникации (как это наблюдается при криптолалии): так, значения

некоторых медицинских эвфемизмов без затруднений считаются в общении (эвфемизм *special kid* – о детях с трудностями умственного развития). Данное терминологическое уточнение поможет внести вклад в современную проблему определения эвфемизма, обусловленную смешением эвфемизмов с другими видами перефразирования, недостатком релевантных критериев идентификации эвфемизмов, несовпадением экспликации эвфемизмов в отечественной и зарубежной лексикографической практике [Пестова, Кагилева 2013: 93].

Криптолалические эвфемизмы как частную вариацию эвфемии в целом мы вслед за С. И. Романовым [Романов 2021] предлагаем рассматривать в двух аспектах. Во-первых, говоря об эвфемии как о ярком примере вторичной номинации, мы обращаемся к семиотическому подходу, чей принцип выражен в обязательной двуименности табуированного предмета (явления). При эвфемизации идет замена и чередование имен, что, однако, нетождественно переименовыванию предмета. Во-вторых, семантический подход позволяет нам проанализировать эвфемистические замены в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. Семасиологический аспект в рамках данного исследования подразумевает внимание к степени оценочности, эмотивности и коннотативности. В соответствии с этим условно выделим две группы эвфемизмов:

1. Оценочные. Эвфемизация обусловлена субъективной ментальной трансформацией (в центре – отношение говорящего к замещаемому понятию): слав. *su-мѣрть*, т. е. (предположительно) «своя смерть»,

Рис. Криптолалическая эвфемия как частный случай вторичной номинации
Fig. Cryptolalic euphemy as a special case of secondary nomination

«смерть, пришедшая изнутри» [Проскурина 2020: 120]; город Беневенто в Ирпинии (досл. добрый ветер, до этого носивший название *Малевент* – созвучно со *злой ветер*) [Марколонго 2023: 97]; алтайское слово, обозначающее корь, замещается словом *кеен* (красивый, красота) [Яимова 1990: 37]; *níd-gedál* – неизбежное, «нужное» разделение (смерть). Выделение данной категории эвфемизмов обуславливается тем, что оценка говорящим предмета или явления с точки зрения семантики, как правило «влечет за собой эмоциональное отношение, переживание» [Уварова 2010: 454].

2. Дескриптивные, или описательные. Эвфемизация направлена вовне, в объективную реальность говорящего независимо от его отношения к описываемому процессу или явлению: *Forféran* (досл. уйти вперед, уйти на восток, т. е. умереть), *Beowulf* – пчелиный волк (медведь), *Graham* – от *græg-háma = grey hame (серая шкура, т. е. волк), позже – gray-hame (серый хомут) [Шиппи 2023: 7], *Sáwolgedál* – разделение тела и души (смерть). То есть эвфемизмы данной группы лишены четкого компонента оценки говорящим.

Категорию оценочности мы находим актуальной для исследования особенностей древнеанглийских эвфемизмов умирания. Отмечается, что для древнеанглийской письменной культуры X–XI вв. было характерно наличие подобающего отношения к факту смерти в зависимости от возраста покойного. Такие семасиологические особенности наглядно видны в трех коннотациях: *bitera dēað* (горькая, скорбная смерть) – в описании смерти детей и младенцев; *ungeripode dēað* (незрелая смерть) – о смерти молодых людей; *ripe dēað* (зрелая смерть) – смерть старых людей [Thompson 2012: 10].

Ономазиологический аспект раскрывает способы образования эвфемизмов. Внутренняя форма эвфемизма определяет его функционально-семантическую сущность. Образование древнеанглийских эвфемизмов целесообразно описать в рамках следующих трех способов:

- 1) узуальная замена (*legere* – досл. лежание, т. е. умирание);
- 2) словообразовательная замена (*Forféran om forþ* – вперед, *farán* – идти, путешествовать);
- 3) концептуальная замена (*slaepan* = уснуть (т. е. умереть), замена концепта *смерть* концептом *сон*).

Методы и материалы

В исследовании использовались лексикографический метод, концептуальный анализ, семантический анализ (семасиологический и ономазиологический аспекты изучения эвфемизмов), классификация и систематизация.

Для выполнения поставленных задач мы обратились к двум англосаксонским словарям – Bosworth-Toller¹ и The Old-Engli.sh Dictionary², представленный на образовательном портале Old English. Bosworth-Toller является самым большим словарем понятий древнеанглийского языка, созданным на основе собрания рукописей Дж. Босворта (первое издание 1898 г.) и приложения к нему (первое издание 1921 г.), под редакцией Джозефа Босворта и Т. Норткота Толлера. The Old-Engli.sh Dictionary был впервые опубликован в 1927 г. в качестве части научных трудов М. Л. Джонсон. С 2004 г. словарь имеет электронную версию. Данный словарь применялся при уточнении значения некоторых слов, взятых из Bosworth-Toller. Используя функцию поиска по определениям (definition) всего было найдено 200 слов, имеющих в значении слово *death*. Непосредственное упоминание смерти на морфологическом уровне присутствует в таких лексемах, как *dēað* (смерть), *dēadian* (умирать), *dēad* (мертвый), и в производных от них: *cérdéaþ* (ранняя смерть), *férdéað* (внезапаная смерть), *déaþcwealm* (насильственная смерть), *endedéað* (смерть – конец пути), *déaþbære* (приносящий смерть), *fordéað* (мертвый), *díedan* (убивать), *steorfan* (умирать / умирать от голода). Данные лексемы являются примерами прямой номинации и не входят в выборку. В центре изучения оказывается ряд выражений концептуализированной области *смерть*, не имеющих прямого имени смерти в своем морфологическом составе.

Результаты

В рамках определения границ концептуализированной области *смерть* для древнеанглийских письменных источников мы выявили всего 45 эвфемизмов, представленных в словаре. Отметим, что некоторые лексемы находятся на пересечении нескольких микромотивов, что будет учитываться при концептуальном, семасиологическом и ономазиологическом анализе. Данные лексемы можно условно объединить в тематические группы с ведущим микромотивом.

¹ Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary online. URL: <https://bosworthtoller.com/> (accessed 10 Apr 2024).

² The Old-Engli.sh Dictionary. *Old English. The Portal to the Language of the Anglo-Saxons*. URL: <https://old-engli.sh/dictionary.php> (accessed 10 Apr 2024).

1. **Смерть как путь (18):** *forðfaru, forðféran, forðférednes, forðférun, forðfromung, forþ-síþ, forþ-geleoran, ge-faran, níd-faru, neó-síþ, heonan-síþ, ellor-síþ, geon-síþ, hin-síþ, hin-gang, ge-liornes, be-líðan, ellor-fús*. Общий для данной группы микромотив – путешествие вперед.

Forð может иметь два значения: *вперед* в значении *уйти вперед* либо *восток*: *On ðam ilcan geáre he forþfór* – В тот же год он ушел из жизни³. *Faru* и *síþ* обозначают сам *путь*: *Bearn hraðe gefaraþ* – Их дети скоро умрут (уйдут вперед); *Monige forþgeleordon on Drihten* – Много людей погибло за Господа. Это же значение путешествия перекликается с упомянутым ранее *níd-gedál*: так, *níd-faru* – путешествие, которое нужно совершить, неизбежный путь. Концепт умирания трансформируется и как начало нового пути: *Se sceal æfter neúsíþum wunian wítum fæst* – После смерти он должен оставить достойное приданое.

Диффузная семантика наблюдается наиболее отчетливо в лексеме *ellor-síþ* (путешествие куда-то еще): *Symbel biþ gemundgad eaforan ellorsíþ* – Смерть его потомков всегда будут помнить. Эта же неопределенность места назначения через *ellor* применяется и в прилагательном *ellor-fús* (готовый отправиться в другое место): *Óþ-ðæt gást, ellorfús, gangan sceolde to Godes dóme* – Пока дух его, готовый отправиться (к смерти), не пойдет на суд Божий; *He his hláford geseah ellorfúsne* – Он видел господина своего, готового отправиться куда-то еще (умереть). Схожа по семантике неопределенности лексема *geon-síþ* (уйти туда, в иной мир): *Æfter hyra geonsíðe hié to hellewítum beóð gelédde* – После смерти подданные в преисподней приносят ему на стол. Существительное *gang* также переводится как *путешествие* или *трона*: *Aer his hiniongae* – До его смерти. Глагол *líðan* может переводиться как *лишаться чего-либо*: *Beám sceal leáfum líðan* – Дерево должно сбросить (потерять) листья. Второе значение глагола при этом, как и в предыдущих случаях, означает движение вперед, покидание места. Так, семантика неопределенности наблюдается в лексеме *be-líðan* (уйти, покинуть): *Life belidenes líc* – Жизнь покинула тело; *ða belidenan* – Мертвые. Эта же лексема может быть связана и с глаголом *líðan* – плыть (по морю): *ða ðe sá séceaþ mid scipe líðaþ* – Которые спускаются в море на кораблях; это также роднит глагол с общим микромотивом путешествия.

2. **Смерть как одна из форм жизни (12):** *lif-leást, gástléas, feorh-lege, ende-lif, feorh-geñiþla, feorh-bealo, ealdor-gedál, sáwolgedál, gást-gedál, ealdor-leg, ealdor-gedál,*

feorhgedál. Микромотив описывает смерть как явление, основанное на концепте *жизнь*.

Существительное *lif-leást* (досл. отсутствие жизни): *On ælcum ðara daga gif man ænige áddran geopenaþ on ðara tíde ðæt hit biþ lifleást oððe langsum sár* – В каждый из этих дней, если в этот час вскрыть вену, это будет или смерть, или же долгая болезнь. Аналогичная ситуация наблюдается и с прилагательным *gástléas*: *Gefærenne man brohton on bære, gingne, gástléasne* – Они принесли на носилках мертвеца (ушедшего человека), молодого, бездыханного (без души). Упомянутая ранее лексема *feorh-lege* также трансформирует смерть в лежание, отдых жизни: *Hú wolde þæt geweorðan þæt on þone hálgan handa sendan tó feorhlege fæderas ússe* – Как могло случиться, что отцы наши возложили руки на святого, чтобы убить его? Любопытно, что данная лексема семантически перекликается с латинским *lectus vitalis* (ложе жизни), означающим смертный одр [Марколонго 2023]. *Feorh-lege* в других контекстах трактуется как судьба: *Íc on máþma hord mínne bebohte feorhlege* – Я продал свою судьбу за сокровища. Примечательно, что, согласно словарному толкованию, составная лексема *lege* при этом переводится как *закон*, иными словами, судьба как закон жизни. В данном случае наблюдается омонимия в эвфемистической замене: 1) *feorhlege* как *Life-laying* [cf. *lecgan*; II. to slay], *death* – лежание жизни; 2) *feorhlege* как закон жизни (*feorh-lege, es; m. [lege = leg, lagu law]*).

Существительное *ende-lif*: *Wurdon hie deáþes on wénan, ádes and endelifes* – Они ожидали смерти, погребального костра и конца жизни. Еще один пример наблюдается с существительным *feorh-bealo* – смертельное зло, жестокое бедствие: *Íc me ðæt feorhbealo feor aswápe* – Я сметаю с себя это смертельное зло; *Gúþdeáþ fornam, feorhbealo frécne, fyra gehwylcne leóða mínra* – Смерть в войне (хорошая смерть), жестокое бедствие забрало каждого человека из моего народа. Однако дословный перевод *feorhbealo*, несмотря на четко прослеживаемую семантику смерти в примерах, все же именно *бедствие жизни* или *зло жизни*. Аналогичная динамика переноса смертельного в семантику жизни наблюдается в случае *feorh-geñiþla* – смертельный враг: *He brægd feorhgeñiþlan, ðæt heó on flet gebeáþ* – Он потащил смертельного врага (врага жизни), чтобы она склонилась на месте.

3. **Смерть как разделение двух сущностей (7):** *ealdor-gedál, feorhgedál, friþ-gedál, níd-gedál, sáwolgedál, gást-gedál, woruldgedál.*

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

Существительное *gedál* означает разделение, разрыв. Примечательно, что наряду с эвфемистическими заменами существуют лексемы, включающие в себя прямую номинацию состояний жизни и смерти: *lif-gedal* и *ðeáp-gedál* соответственно. Так, *gedál* применяется в контексте разделения имущества, например *yrfe-gedál* (*yrfe* – скот); она же означает расторжение отношений между мужчиной и женщиной, развод – *híwgedáles* (*híw* – хозяйство); *gedál* используется в описании процесса отделения слуг от умершего феодала – *þeóðengedál* (*þeóðen* – хозяин, господин). Умирание приобретает разные оттенки значения в зависимости от предшествующей разделению лексемы. Например, оценочное *friþ-gedál* (досл. мирное, спокойное разделение) от *friþ* – покой, мир. При этом *níd-gedál* определяет процесс как неизбежное, неотвратимое разделение (*níd* – нужда): *Nis nú swíðe feor ðam ýtemestan endedógor nýðgedáles* – Не далек от меня день конца. Более нейтральное отделение от жизни представлено эвфемизмом *ealdor-gedál*: *Óþ his ealdorgedál* – до его смерти. В *feorhgedál* лексема *feorh* может интерпретироваться как собственно жизнь либо как душа (дух): *Síððan líc and leomu and ðes lífes gást asundrien somwíst hyra þurh feorg-gedál* – Когда тело, конечности и дух этой жизни разрывают свое общение через смерть. Речь идет об отделении жизни либо отделении души. Последняя трактовка видится наиболее близкой к таким эвфемизмам, как *sáwolgedá* (*sáwol* – душа), *gást-gedál* (*gast* – дух). В лексеме *Woruldgedál* смерть отражена как отделение от мира.

4. **Смерть как отдых (6):** *restan, slépan, legere, legerbedd, swebban, feorh-lege*.

Глагол *restan* (современный глагол *rest*) носит эвфемистический характер отдыха покойного, схожего с современным английским (*rest in peace*): *Hæfdon éðelweardas ealdhettende swyrdum áswefede, hié on swaðe reston* – Пленные враги правителя, убитые (усыпленные) мечом, покоятся здесь. Обратимся далее к лексеме *legere*, характерной для данного микромотива. В своем первом значении она переводится как *лежать*, при этом уже имеется устоявшаяся семантическая связь с умиранием: *Hys spéda hý forspendaþ mid ðan langan legere ðæs deáðan mannes inne* – Они растрачивают его богатство при долгом лежании покойника в доме. В другом контексте она передает значение болезни: *On ðam sixtan dæge his legeres* – На шестой день его болезни; *Nis ðær hungor ne þurst ne sláep ne swár leger* – Нет ни голода, ни жажды, ни сна, ни мучительной болезни. Словообразовательная лексема *legerbedd*

может относиться к буквальному процессу болезни, обусловленному физической обездвиженностью, буквально лежанием: *Sum máeden hé gehéalde ðæt ðe langlíce læg on legerbedde seóc* – Он исцелил девушку, которая долгое время лежала из-за болезни (постель лежания). Кроме того, *legerbedd* обозначает и могилу покойного – постель для сна: *Ðæt ðú ðus láðlíc legerbed cure* – Что выбрать ты должен ложе столь ужасное. Примечательной в данной группе, на наш взгляд, является лексема *feorh-lege* (*feorh* – жизнь, душа, дух): *Íc þanc wuldurcýninge secge þæs þe ic móste mínum leódum éer swyldæge swylc gestrynan. Nú ic on máðma hord mínne bebohte fráde feorhlege* – Благодарен я царю славы, что смог я для моего народа до дня смерти так много приобрести. Теперь я с мудростью приобрел клад сокровищ в качестве платы за свою смерть. Смерть через суффикс *-lege* здесь представляется буквально *отдыхом* жизни, умирание – *лежащий* на покой дух, покоящаяся жизнь. Глагол *swebban* первоначально означает *успокаивать, умиротворять* или *усыплять*. Закономерно наблюдается ассоциация с вечным сном, передающимся тем же глаголом: *Sweordum aswebban* – убить мечом (усыпить).

5. **Смерть как точка во времени и пространстве (5):** *swyld-daeg, ge-endung, ende-dógor, ende, ende-lif*. Группа эвфемизмов выражается в пространственно-временной семантике древнеанглийского языка.

Сам конец выражается в эвфемизмах *ende, ende-lif* и *ge-endung*: *Purh hwelces monnes hond mín ende wære getiód* – Чью смерть я должен предотвратить от руки нападавшего; *Æfter geendunge ðæra ealdra manna* – После смерти старых людей.

Микромотив *день смерти* наблюдается в существительных *swyld-daeg* и *ende-dógor*: *Ær his swyldæge* – До дня его смерти; *Ðæt eorlwerod sæt on wénum endedógores* – Отряд воинов сидел в ожидании последнего дня; *Wæs endedógor neáh geprungen* – Близок был последний день.

6. **Смерть как манифестация судьбы (3):** *method-(ge)sceaft, ealdor-leg, wyrd*.

В словаре приводится лексема *ealdor-leg*, означающая как судьбу в целом, т. е. буквально *закон жизни*: *Gé mé sægdon þæt gé cúðon míne aldorlege, swá mé áfre wearð odðe ic furðor findan sceolde* – Ты сказал, что знаешь ход моей жизни, что бы со мной ни случилось или что еще предстоит пережить. Эта же лексема используется и для обозначения закономерного окончания всякой судьбы: *Nelle ic létan þé áfre unrótnæ æfter ealdorlege mínre* – Если только не закончится печально моя жизнь. Существительное *metod* (*metud*)

в языческий период англосаксонской письменности предположительно также означало судьбу. В дальнейшем оно характерно лишь для поэтических текстов. Эвфемизм *metod-geſceaft* буквально переводится как наказ судьбы, рок: *Sum ſceal ſeonobennum ſeōc ſár cwánian, murnan meotudgeſceaft* – Следует боль раны оплакать в скорби смерти. Схожий смысл имеет и *wyrd*: *Unc ſceal weorðan ſwá unc wyrd geteōð Metod manna gehwæs* – Со всеми нами случится это, что Господь (господин над каждым человеком) предопределит нашу судьбу.

7. Смерть как движение вниз (2): *ge-hror, (ge)-cringan*.

Существительное *ge-hror* передает концепт *смерть* как деяние разрушения или падения, при этом изначальное значение прилагательного *hror* – активный, подвижный. В результате такой словообразовательной замены образуется эвфемизм: *Ðonne ðæt gelumpe ðæt hí of middangearde genumene wæron ðý ylcan gehrore ðe hí óðre geſáwop* – Когда случилось, что они будут вырваны из мира таким же истреблением, как и остальные. Глагол *cringan* (пасть, утонуть): *Stíðmód gecrang* – Сильный духом, он пал; *Hí ſceoldon begen crincgan on wælstówe* – Они оба падают на поле битвы; *Fáge crungon* – Обреченный погиб; *Sume on wæl crungon* –

Некоторые пали в кровопролитии. Как мы видим, приведенные примеры характерны для описания насильственной смерти, в частности на войне.

Итак, проанализировав эвфемизмы в соответствии с тематической принадлежностью к микромотивам, определим их место в рамках концептуализированной области древнеанглийского семантического пространства. Эвфемизмы, классифицируемые в соответствии со степенью концептуализации, представлены в таблице 1.

Мы видим проявление семантики умирания в рамках различных уровней концептуализации: материальные проявления концепта (*могила, ложе*), абстрактные (*конец, судьба*) и смешанные (*путешествие, последний день, падение, смертельный враг* и пр.). При этом очевидно, что наиболее распространены эвфемизмы концептуализированной области – лексемы, имеющие в своем составе как чистые, так и материальные концепты.

Далее рассмотрим, какие принципы стоят в основе формирования эвфемистических замен для каждой из групп. Исходя из семасиологического анализа, наибольшее распространение имеют дескриптивные эвфемизмы, не имеющие в семантическом

Табл. 1. Лексемы-эвфемизмы древнеанглийского языка в спектре концептуализации

Tab. 1. Old English euphemistic lexemes in death conceptual domain

Микромотивы эвфемизмов	Чистый концепт	Концептуализированная область	Материальный концепт	Всего
Смерть как путь	ellor-fús	forðfaru, forðféran, forðférednes, forðféring, forðfromung, forþ-síþ, forþ-geleoran, ge-faran, níd-faru, neó-síþ, heonan-síþ, geon-síþ, hin-síþ, hin-gang, ge-liornes, be-líðan, ellor-síþ	–	18
Смерть как одна из форм жизни	–	líf-leást, gástléas, feorh-lege, ende-lif, feorh-geñiþla, feorh-bealo, ealdor-gedál, sáwolgedál, gást-gedál, ealdor-leg, ealdor-gedál, feorhgedál	–	12
Смерть как разделение сущностей	–	ealdor-gedál, feorhgedál, friþ-gedál, níd-gedál, sáwolgedál, gást-gedál, woruldgedál	–	7
Смерть как отдых	–	restan, slápan, swebban, feorh-lege	legere, leger-bedd	6
Смерть как конечная точка	ge-endung, ende	swylt-daeg, ende-dógor, ende-líf	–	5
Смерть как манифестация судьбы	wyrd	metod-(ge)sceaft, ealdor-leg	–	3
Смерть как движение вниз	–	ge-hror, (ge)-cringan	–	2
Всего	4	47	2	53

составе четко выраженной субъективной позиции говорящего (табл. 2). Результаты классификации по ономаσιологической принадлежности с целью выявления способов их образования представлены в таблице 3. В выборке наиболее распространена словообразовательная замена с использованием двух лексических основ.

Обсуждение

Концепт *смерть* для древнеанглийского языка находит выражение преимущественно в концептуализированной области (на пересечении чистого и материального концептов). Значительно реже встречается вторичная номинация смерти, выраженная путем чистого или материального концепта. Наибольшее распространение в лексикографических древнеанглийских источниках имеют микромотивы *смерть как путь* (18 случаев), *смерть как одна из форм жизни* (12 случаев) и *смерть как разделение сущностей* (7 случаев).

Эвфемизмам древнеанглийского языка концептуализированной области *смерть* в целом свойственна дескриптивность с точки зрения семасиологического аспекта. Так, эвфемизмы *forðfaru*, *restan*, *worulgedál* не обладают четко выраженной субъектностью, отношением говорящего к заменяемым понятиям. При этом встречается и ряд оценочных лексем,

где эта субъектность более выражена: *níd-faru* (оценка необходимости пути), *ellor-fús* (оценка готовности к пути), *friþ-gedál* (оценка спокойствия разделения) и т. п. Примечательно, что даже в относительно немногочисленных случаях, когда эвфемизм обладает выраженным оценочным компонентом, эта оценочность не имеет негативной окраски (за исключением *feorh-bealo*). По большей части эвфемизация умирания и смерти трансформирует отрицательную коннотацию в нейтральную или положительную.

Большинство изученных эвфемизмов представляют собой словообразовательные замены, при этом составные лексемы неоднородны с точки зрения частеречной принадлежности: существительные (-gedal, -bedd, -síþ), прилагательные (neó-, níd-, -fús), наречия (forð-ellor-). Эвфемизмы, выражаемые глаголами, являются либо узуальной (*swebban*, *ge-hror*, *ge-tringan*), либо концептуальной заменой (*restan*, *slæpan*). Не обнаружено случаев заимствования из других языков в исследуемый исторический этап. Предложенная нами классификация не является единственно допустимой интерпретацией системы лексем-эвфемизмов древнеанглийской письменности; мы обозначаем ее условность с точки зрения концептуального анализа, поскольку некоторые

Табл. 2. Семасиологический анализ древнеанглийских лексем-эвфемизмов

Tab. 2. Semasiological analysis of Old English euphemistic lexemes

Микромотивы эвфемизмов	Оценочные эвфемизмы	Дескриптивные эвфемизмы	Всего
Смерть как путь	níd-faru, ellor-fús	forðfaru, forðféran, forðférednes, forðférun, forðfromung, forþ-síþ, forþ-geleoran, ge-faran, neó-síþ, heonan-síþ, ellor-síþ, geon-síþ, hin-síþ, hin-gang, ge-liornes, be-líðan	18
Смерть как одна из форм жизни	feorh-bealo	líf-leást, gástléas, feorh-lege, ende-lif, feorh-geniþla, ealdor-gedál, sáwolvedál, gást-gedál, ealdor-leg, ealdor-gedál, feorhgedál	12
Смерть как разделение сущностей	friþ-gedál, níd-gedál	ealdor-gedál, feorhgedál sáwolvedál, gást-gedál, worulgedál	7
Смерть как отдых	–	restan, slæpan, legere, leger-bedd, swebban, feorh-lege	6
Смерть как конечная точка	–	swylt-daeg, ge-endung, ende-dógor, ende, ende-líf	5
Смерть как манифестация судьбы	–	metod-(ge)sceaft, ealdor-leg, wyrd	3
Смерть как движение вниз	ge-hror	(ge)-tringan	2
Всего	6	47	53

Табл. 3. Ономаσιологический анализ древнеанглийских лексем-эвфемизмов

Tab. 3. Onomasiological analysis of Old English euphemistic lexemes

Микромотивы эвфемизмов	Узуальная замена	Словообразовательная замена	Концептуальная замена (замена концептом)	Всего
Смерть как путь	–	forðfaru, forðféran, forðférednes, forðférun, forðfromung, forþ-siþ, forþ-geleoran, ge-faran, níd-faru, neó-siþ, heonan-siþ, ellor-siþ, geon-siþ, hin-siþ, hin-gang, ellor-fús	Ge-liornes, be-liðan	18
Смерть как одна из форм жизни	–	líf-leást, gástléas, feorh-lege, ende-lif, feorh-ge níþla, feorh-bealo, ealdor-gedál, sáwolgedál, gást-gedál, ealdor-leg, ealdor-gedál, feorhgedál	–	12
Смерть как разделение сущностей	–	ealdor-gedál, feorhgedál, friþ-gedál, níd-gedál, sáwolgedál, gást-gedál, woruldgedál	–	7
Смерть как отдых	legere, swebban	leger-bedd, feorh-lege	restan, slápan	6
Смерть как конечная точка	–	swylt-daeg, ende-dógor, ende-líf	ende, ge-endung	5
Смерть как манифестация судьбы	–	metod-(ge)sceaft, ealdor-leg	wyrd	3
Смерть как движение вниз	ge-hror, (ge)-cringan	–	–	2
Всего	4	35	7	53

эвфемизмы находятся на пересечении одновременно нескольких микромотивов. К примеру, *feorh-lege* – микромотивы *смерть как отдых* и *смерть как форма жизни*, *ende-lif* – микромотивы *смерть как форма жизни* и *смерть как точка в пространстве*.

Некоторые выявленные данные находят отражение в результатах других научных работ. Например, семантическое пересечение собственно темы смерти и болезни, выраженное в эвфемистических конструкциях *legere*, *leger-bedd*. Такая логическая последовательность обуславливается совпадающими в разных языках предметно-понятийными сферами эвфемии; единицы семантических полей называют совпадающие явления в жизни человека [Жудряшова 2015: 25]. Анализ микромотивов обнаружил схожесть с рядом концептуальных метафор: эвфемизмы микромотива *смерть как путь* – с метафорой *death is a journey*; эвфемизмы микромотива *смерть как отдых* – *death is rest / sleep*; эвфемизмы микромотива *смерть как конечная точка* – *death is the End* [Jamet 2010]. В рамках нашей выборки такого пересечения, однако, не наблюдается с концептуальной метафорой *Death is a Loss*, что может говорить об определенных различиях в данном

фрагменте семантической картины смерти древнеанглийского языка.

С точки зрения морфологии в рассматриваемых эвфемизмах практически не встречаются примеры мейозиса, одного из наиболее распространенных способов эвфемизации в современном английском языке (т. е. намеренное преуменьшение интенсивности свойств и признаков предмета или явления) [Давыдова 2023]. Ближайший же к данному тропу прием – негативная префикация (*líf-leást*, *gástléas*) – также не является достаточно распространенным. Это может быть объяснено тем фактом, что мейозис наряду с негативной префикацией характерен для манипулятивных сценариев использования эвфемизмов (хотя и не ограничивается ими), а древнеанглийские лексемы-эвфемизмы использовались в иных коммуникативных целях. В рамках нашей выборки мы наблюдаем, что для морфологии эвфемизмов свойственны в большей степени сложносоставные слова из двух основ с семантической неопределенностью (*forðfaru*, *ellor-fús*), в то время как преуменьшение свойств негативного денотата не было характерно для исследуемого периода.

Заключение

В рамках данной статьи мы обосновали необходимость уточнения и упорядочивания широкой терминологии области эвфемизации. Закономерным результатом этого уточнения является криптолалическая эвфемия как частный термин на пересечении эвфемизмов-табу и криптолалии, который с большей точностью определяет исследуемый пласт лексем. Эвфемизация концептуализированной области *смерть* в древнеанглийском языке имеет важную роль: она участвует в процессе словообразования и обогащения лексики с непрямой номинацией, выполняет познавательную (гносеологическую) функцию при помощи когнитивной метафоры, ментально преобразует реальность участника коммуникации. Концептуализация лексем-эвфемизмов в древнеанглийском языке обусловлена образованием ряда микромотивов. Микромотивы эвфемизации тесно связаны с концептуальной метафорой, которая является неотъемлемым способом обогащения лексического запаса эвфемизмов. Роль микромотивов нами видится как принцип структурирования эвфемизмов с точки зрения тематической направленности этих метафор, как индикатор степени концептуализации той или иной лексемы (на спектре от чистого до материального концепта). Исследование микромотивов в истории английского языка может предоставить более глубокое

понимание динамики эвфемии в письменных памятниках культур. Данные явления не ограничиваются интересом исключительно к письменным памятникам культуры, они несут потенциальный вклад и в изучение устных форм эвфемии.

Впервые был проведен лексикографический анализ древнеанглийских эвфемизмов как компонента концептуализированной области, а также в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. Полученные в ходе исследования данные являются дополнением к общей семантической картине древнеанглийской письменности. Результаты исследования имеют потенциал в диахроническом изучении англосаксонской системы концептов, в работах, посвященных составлению тематических словарей. Изучение эвфемии как языкового и культурного феномена видится актуальным вектором научной деятельности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Голев Н. Д. Обценная лексика в игровом аспекте (на материале русского лингвистического фольклора). *Юрислингвистика*. 2005. № 6. С. 185–224. [Golev N. D. Obscene vocabulary in ludic aspect in Russian linguistic folklore. *Legal Linguistics*, 2005, (6): 185–224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcmrwj>
- Давыдова М. М. Эвфемизация бедности в современной англоязычной прессе. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. № 1. [Davydova M. M. Euphemization of poverty in the modern English language press. *International Research Journal*, 2023, (1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.90>
- Иванян Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2015. 328 с. [Ivanyan E. P. *Semantics of silence and means of its expression in the Russian language*. 2nd ed. Moscow: FLINTA, 2015, 328. (In Russ.)]
- Кудряшова А. П. Эвфемизмы в семантических полях «смерть», «болезнь», «возраст» (на материале современных русского и немецкого языков). Саратов: Саратовский социально-экономический ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015. 136 с. [Kudryashova A. P. *Euphemisms in the semantic fields "death", "illness", and "age" in modern Russian and German languages*. Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics, 2015, 136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbinwn>
- Куликова Э. Г. Грамматические категории и продуцирование вторичной номинации. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 4-3. С. 113–116. [Kulikova E. G. Grammatical categories and production of secondary nomination. *Philology. Theory & Practice*, 2016, (4-3): 113–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vpnnpcr>
- Куликова Э. Г., Саватеева Л. В. Коммуникативная стратегия эвфемизации: когнитивная и лингвистическая сущность. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*. 2008. № 1. С. 67–73. [Kulikova E. G.,

- Savateeva L. V. Communication strategy of euphemization: Cognitive and linguistic essence. *Vestnik Taganrogskegogo instituta upravleniia i ekonomiki*, 2008, (1): 67–73. (In Russ.)
- Куницына О. М. Семиотические основы табуирования. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2013. № 15. С. 105–112. [Kunitsyna O. M. The semiotic basis of taboo. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2013, (15): 105–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rckrqh>
- Лунина С. А. Наукометрический анализ зарубежных междисциплинарных исследований эвфемизмов. *Наука. Технологии. Инновации: XVII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 4–8 декабря 2023 г.)* Новосибирск: НГТУ, 2024. Ч. 9. С. 201–206. [Lunina S. A. Scientometric analysis of foreign interdisciplinary studies of euphemisms. *Science. Technologies. Innovations: Proc. XVII All-Russian Sci. Conf., Novosibirsk, 4–8 Dec 2023*. Novosibirsk: NSTU, 2024, pt. 9, 201–206. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eivnoz>
- Марколонго А. Гениальный язык. Девять причин полюбить греческий. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 192 с. [Marcolongo A. *The Ingenious language: Nine epic reasons to love Greek*. Moscow: Ad Marginem Press, 2023, 192. (In Russ.)]
- Миронина А. Ю. Эвфемизм как явление языка и культуры (лингвистический и лингвокультурологический анализ). *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 1-2. С. 85–89. [Mironina A. Yu. Euphemism as a phenomenon of language and culture (linguistic and linguocultural analysis). *Herald of Vyatka State University*, 2010, (1-2): 85–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvhbzn>
- Орлова О. С. Кодирование денотата в эвфемизмах и загадках на тему беременности и рождения. *Иностранные языки в высшей школе*. 2021. № 2. С. 57–67. [Orlova O. S. Denotation coding in euphemisms and riddles about pregnancy and birth. *Foreign languages in Tertiary education*, 2021, (2): 57–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmsgln>
- Орлова О. С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах. Принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. М.: Ленанд, 2022. 240 с. [Orlova O. S. *Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures. The principle of indirect nomination. Cognitive-cultural research*. Moscow: Lenand, 2022, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ocnwwv>
- Пестова М. С., Кагилева А. О. Эвфемизмы в деловом дискурсе. *Перевод и сопоставительная лингвистика*. 2013. № 9. С. 92–95. [Pestova M. S., Kagileva A. O. Euphemism usage in business discourse. *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika*, 2013, (9): 92–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rupodp>
- Потапова Н. М. Эвфемизмы и деловой дискурс. М.: МАКС Пресс, 2009. 133 с. [Potapova N. M. *Euphemisms and business discourse*. Moscow: MAKS Press, 2009, 133. (In Russ.)]
- Проскурин С. Г., Комкова А. С. Концептуализированные словесно-предметные области как отражение семиотического ослабления в англосаксонской лингвокультурной традиции. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 11-2. С. 144–147. [Proskurin S. G., Komkova A. S. Conceptualized word-object spheres as representation of semiotic weakening in the Anglo-Saxon linguo-cultural tradition. *Philology. Theory & Practice*, 2017, (11-2): 144–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zmwnxt>
- Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Культурные трансферы и тексты. Новосибирск: НГТУ, 2017. 176 с. [Proskurin S. G., Proskurina A. V. *Cultural transfers and texts*. Novosibirsk: NSTU, 2017, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zsgjht>
- Проскурина А. В. Тема смерти в лексике древнеанглийского языка. *Язык. Культура. Личность*, науч. ред. И. Ю. Колесов. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 116–123. [Proskurina A. V. The concept of death in Old English lexicon. *Language. Culture. Personality*, ed. Kolesov I. Yu. Barnaul: AltSPU, 2020, 116–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kphhgt>
- Романов С. И. Лингвокультурологический аспект эвфемизмов русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2021. 18 с. [Romanov S. I. *Linguistic and cultural aspect of euphemisms of the Russian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tula, 2021, 18. (In Russ.)]
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. 992 с. [Stepanov Yu. S. *Constants: Dictionary of Russian culture*. 3rd ed. Moscow: Akad. proekt, 2004, 992. (In Russ.)]
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М.: Наука, 1993. 158 с. [Stepanov Yu. S., Proskurin S. G. *Constants of world culture. Alphabets and alphabetic texts during the period of dual faith*. Moscow: Nauka, 1993, 158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tstfhl>

- Уварова Е. А. Семантический механизм эвфемизации. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2010. № 2. С. 452–460. [Uvarova E. A. Semantic mechanism of euphemization. *Izvestiya of Tula State University. Humanities*, 2010, (2): 452–460. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndmext>
- Шиппи Т. Дж. Р. Р. Толкин. Автор века. Филологическое путешествие в Средиземье. СПб.: Никая, 2023. 512 с. [Shippey T. J. R. R. *Tolkien: Author of the century. A philological journey into Middle-Earth*. St. Petersburg: Nikeia, 2023, 512. (In Russ.)]
- Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский НИИ истории, яз. и лит., 1990. 167 с. [Yaimova N. A. *Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language*. Gorno-Altai: Gorno-Altai Research Institute of History, Language and Literature, 1990, 167. (In Russ.)]
- Allan K., Burrige K. *Euphemism and dysphemism: Language used as shield and weapon*. Oxford: Oxford University Press, 1991, 263.
- DeGrazia D. The definition of death. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. Zalta E. N. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2007. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/death-definition> (accessed 14 May 2024).
- Hennesey A. *How childbirth became philosophy's last taboo*. 10 Aug 2017. URL: <https://iai.tv/articles/why-do-the-arts-put-death-before-birth-auid-867> (accessed 1 Jul 2024).
- Jamet D. Euphemisms for death: Reinventing reality through words? *Inventive Linguistics*, ed. Sorlin S. Presses Universitaires du Languedoc et de la Méditerranée, 2010, 173–188.
- Kabir A. J. *Paradise, death and doomsday in Anglo-Saxon literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 224.
- Kiklewicz A. *Zrozumiec jezyk. Sckice z filozofii jezyka, semanytki, lngiwistyki komunikacyjnej*. Lask, 2007, 454.
- Mukhtorova B. The linguistic and conceptual picture of the world. *Science and innovation*, 2023, 2(1): 461–466. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7581478>
- Thompson V. *Dying and death in later Anglo-Saxon England*. Boydell Press, 2012, 246.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/dmrwcc>

Антиутопическая картина мира в романе Дэйва Эггерса "The Every"

Лушникова Галина Игоревна

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского
федерального университета имени В. И. Вернадского, Россия, Ялта

eLibrary Author SPIN: 2800-0366

<https://orcid.org/0000-0003-1080-3184>

Scopus Author ID: 57204798995

lushgal@mail.ru

Осадчая Татьяна Юрьевна

Севастопольский государственный университет,
Россия, Севастополь

eLibrary Author SPIN: 3179-6570

<https://orcid.org/0000-0001-8566-2529>

Scopus Author ID: 57204808877

Аннотация: Рассмотрена антиутопическая картина мира в романе "The Every" (2021) современного американского писателя Дэйва Эггерса. Теоретической основой послужили изыскания отечественных и зарубежных исследователей по вопросам художественной, поэтической, авторской картин мира, а также по проблемам определения жанров утопии, антиутопии, дистопии. Актуальность работы обуславливают непрерывающийся интерес современного литературоведения к проблеме художественной картины мира и недостаточная изученность антиутопической картины мира и ее специфики в произведениях современных авторов. Цель – определить характерные черты антиутопической картины мира и проанализировать ее своеобразие в исследуемом романе. В статье показаны специфические черты созданной Д. Эггерсом картины будущего, которая отражает представление автора о возможном мире в системе образов, понятий, концептов. Проведенный анализ демонстрирует, что данная картина отличается от подобных картин в других романах жанра антиутопии по следующим параметрам: соединение черт антиутопического и реалистического миров, сатире подвергается не только возможное будущее, но и уже существующее настоящее, сочетание сатиры с приемами иронии, абсурда и парадокса. Роман развивает тему последствий тоталитарной власти всемогущей корпорации. К дифференцирующим признакам данного романа относится характер изображаемого пространства – оно не ограничено; тип главного персонажа – бунтарь, активный противник власти; авторская модальность – прямолинейная критика, отрицательное отношение к изображаемой картине мира. **Ключевые слова:** художественная картина мира, концепт утопии, антиутопия, авторская модальность, ирония, абсурд, парадокс, Д. Эггерс

Цитирование: Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Антиутопическая картина мира в романе Дэйва Эггерса "The Every". *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 49–58. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-49-58>

Поступила в редакцию 18.10.2024. Принята после рецензирования 04.12.2024. Принята в печать 09.12.2024.

full article

Anti-Utopian Outlook in *The Every* by Dave Eggers

Galina I. Lushnikova

Humanities and Education Science Academy, V. I. Vernadsky Crimean
Federal University, Russia, Yalta

eLibrary Author SPIN: 2800-0366

<https://orcid.org/0000-0003-1080-3184>

Scopus Author ID: 57204798995

lushgal@mail.ru

Tatiana Iu. Osadchaia

Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

eLibrary Author SPIN: 3179-6570

<https://orcid.org/0000-0001-8566-2529>

Scopus Author ID: 57204808877

Abstract: *The Every* (2021) is an anti-utopian novel by a contemporary American writer Dave Eggers. The study relied on domestic and foreign research on the issues of artistic worldview, as well as on the genres of utopia, anti-utopia, and dystopia. Modern anti-utopian fiction still remains understudied from the artistic outlook perspective.

The research objective was to determine the key features of the anti-utopian worldview and analyze how they were implemented in the novel. Eggers' world of the future is a possible world implemented through the system of images and ideas. It differs from other anti-utopian worlds because it combines anti-utopian and realistic features. In addition, both the future and the present are subjected to satire, which is combined with irony, absurdity, and paradox. *The Every* develops the theme of totalitarian power of an omnipotent corporation and its consequences. The chronotope is unlimited; the main character is a rebel, an active opponent of the authorities. The author's modality is a straightforward criticism of the fictional reality.

Keywords: artistic outlook, concept of utopia, anti-utopia, author's modality, irony, absurdity, paradox, Dave Eggers

Citation: Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu. Anti-Utopian Outlook in *The Every* by Dave Eggers. *SibScript*, 2025, 27(1): 49–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-49-58>

Received 18 Oct 2024. Accepted after peer review 4 Dec 2024. Accepted for publication 9 Dec 2024.

Введение

В рамках когнитивного направления исследований художественного текста картина мира произведения (поэтическая картина мира, художественная картина мира) рассматривается как отражение картины мира автора через воплощение его замысла в конкретном тексте. «Главное отличие художественной картины мира от других разновидностей картин мира заключается в ее образно-эмоциональном, эстетическом и этическом способе освоения действительности, в силе нравственного воздействия на адресата художественной картины мира» [Бахича 2018: 12].

Исследователи разделяют понятия *картина мира автора* и *картина мира произведения*. Последняя возникает в авторском сознании: «в художественной модели мира большую роль играет личность автора, его ценностные взгляды, установки, особенности мировосприятия и миропостижения» [Шестакова 2024: 653]. При этом авторское сознание предлагается рассматривать «как метатекстовую категорию, в смысловое поле которого входит и фигура автора-творца, как экспликация авторского сознания всем целым художественного текста, и те духовные интенции, которые порождают автора-творца и продуцируют его эволюцию» [Мирошниченко 2014а: 127].

Н. С. Болотнова использует понятие *поэтическая картина мира* автора и пишет о ней, «во-первых, как о структуре отраженного в сознании художника слова динамичного глобального образа мира, являющегося результатом творческой активности и познавательной деятельности писателя. <...> Во-вторых, поэтическую картину мира художника слова можно определить, опираясь на текстовую деятельность автора, на основе изучения созданных им текстов, моделируя концептосферу писателя и ее фрагменты,

изучая ее особенности и средства вербальной репрезентации в отдельном произведении и творчестве в целом» [Болотнова 2010: 198]. Ю. В. Казарин также полагает, что «процесс восприятия индивидуально-авторской картины мира сложен и опосредован, прежде всего, текстом, его лингвоантропологической составляющей, этико-эстетическим сценарием, стилистикой и стилем, его идиостилем, всей его кодовой системой» [Казарин 2016: 117].

Картина мира автора системно презентуется на разных уровнях текста произведения: она «эксплицирована в художественном тексте и выявляема на субъектном, хронотопном, образном и сюжетном уровне в их системном единстве» [Мирошниченко 2014b: 111]; "in terms of its creator, literary work is its creator's inner experience about people's lives within a certain cultural period and time" [Nasrum, Faiqah 2020: 31].

В основе художественной картины мира автора лежит текстовый концепт, который, по словам В. В. Красных, «отражая интенции автора и будучи опосредованным (через интенции) воплощением мотива порождения текста, задает коммуникативную целенаправленность последнего, коммуникативное или эстетическое воздействие» [Красных 2001: 225]. В конкретном произведении может присутствовать один или несколько ключевых концептов: «автор художественного текста осознанно выбирает наиболее релевантные для него концепты, то есть те, которые максимально полно отражают его мировосприятие и мировидение и в максимальной степени соответствуют его прагматическим задачам» [Хартикова 2013: 103]. То есть система художественных концептов автора вербализуется в тексте произведения и составляет основу для воссоздания в нем определенной художественной картины мира.

Важно отметить, что создание картины мира произведения требует интеллектуального и эмоционального вовлечения читателя, который становится в определенном смысле соавтором: «создаваемая автором в художественном тексте система смысловых доминант когнитивного и прагматического свойства помогает читателю активизировать заложенные в тексте смыслы» [Там же: 104]. Более того, художественная картина мира существует как единство картин мира автора и читателя, которые взаимодействуют через концептосферу языка: «художественная картина мира формируется на двух уровнях: уровне создателя художественного произведения (концептосфера языка – концептосфера художника) и уровне воспринимающего художественное произведение (концептосфера языка – концептосфера читателя)» [Бахича 2018: 12].

Таким образом, можно утверждать, что художественная картина мира произведения «означает представление об одном из возможных миров, ...отраженное в системе образов, понятий, концептов и сформированное в сознании читателя на основе его информационного тезауруса в процессе вторичной коммуникативной деятельности, включающей восприятие, интерпретацию и понимание текста или текстов, относящихся к художественной словесности» [Фомичева 2013: 298].

Дэйв Эггерс в романе "The Every" (2021) / «Вместе» (2024) создает уникальную художественную картину мира, отражающую его авторское видение будущего американского (и не только) общества. Следует отметить, что роман "The Every" является продолжением, второй частью романа "The Circle" / «Сфера» (2014), в котором также представлена антиутопическая картина мира, точнее, «роман содержит и черты утопии, по мере развертывания повествования в нем утопическая картина превращается в антиутопическую» [Лушникова, Осадчая 2022: 130].

Одним из ключевых концептов картины мира в произведениях дилогии Д. Эггерса является концепт идеального во всех отношениях мира, который можно было бы назвать утопией. Картина мира автора определяет его модальность, позитивно-негативное отношение к реалиям мира или персонажам и событиям в художественном тексте [Fayzullaeva 2020: 356]. В связи с этим, учитывая модальность, иронический модус повествования, яркую сатирическую направленность, которые используются автором в процессе создания художественной картины мира, можно утверждать, что картина мира романа "The Every" в целом соответствует антиутопической.

Исследование картины мира в романе "The Every" характеризуется научной новизной, поскольку, во-первых, данный роман еще не становился предметом изучения в отечественной филологии. Во-вторых, новизна состоит в применении традиционных эстетических категорий (художественная картина мира, сатира, ирония, хронотоп) к изучению современного произведения, что позволяет увидеть трансформацию романного дискурса в новейший период.

Изучение антиутопической интенции современного романа является востребованным в гуманитарных науках способом постижения роли социокультурного контекста в новейшей литературе. Предмет данного исследования представляется актуальным в связи с повышенным интересом смежных филологических дисциплин, центральным предметом которых является анализ текста, к тенденциям, характеризующим современный антиутопический дискурс, одной из центральных проблем которого становится изображение жизни и способов ее контроля как отдельного индивида, так и общества в целом в условиях тотальной виртуализации и цифровизации. Большой интерес современного литературоведения к проблеме художественной картины мира, а также недостаточная изученность антиутопической картины мира и ее специфики в произведениях современных авторов обуславливают актуальность данной статьи. Цель – определить характерные черты антиутопической картины мира и проанализировать ее своеобразие в исследуемом романе.

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении признаков антиутопической картины мира и описании способов их преломления в современном романе. Практическая значимость определяется возможностью использования приведенного в статье обзора литературы и алгоритма анализа антиутопии для дальнейших исследований данного вопроса на материале произведений, в которых рассматриваются другие темы и проблемы.

Методы и материалы

Материалом послужил роман "The Every", предметом – антиутопическая картина мира произведения, которая разворачивается на нескольких уровнях: концепты, модальность, текстовая эмотивность. Художественная картина мира изучается с точки зрения лингвокогнитивного подхода, в неразрывной связи с картиной мира автора, которая рассматривается как результат воплощения в тексте когнитивных моделей, концептов, ментальных образов реальности,

имеющихся в его сознании. В работе используются литературоведческий и лингвокогнитивный подходы к анализу произведения, что обуславливает междисциплинарный характер исследования.

Результаты

Антиутопическая художественная картина мира

Рассмотрим теоретические аспекты антиутопической картины мира в художественном произведении. Необходимо отметить, что традиционно исследователи разделяют понятия утопии, антиутопии и дистопии. По определению Д. Сувина, утопия – это жанр, в котором изображается более совершенное общество, чем то, которому принадлежит автор: "utopia is the verbal construction of a particular quasi-human community where sociopolitical institutions, norms, and individual relationships are organized according to a more perfect principle than in the author's community" [Suvin 1979: 49]. Л. Т. Сарджент определяет ключевую идею дистопии как изображение худшего общества, чем то, в котором живет читатель (и, соответственно, автор): "dystopia or negative utopia – a non-existent society described in considerable detail and normally located in time and space that the author intended a contemporaneous reader to view as considerably worse than the society in which that reader lived" [Sargent 1994: 9]. Надо отметить, что в зарубежном литературоведении чаще используется термин *дистопия* (а не *антиутопия*).

Некоторые зарубежные исследователи используют термин *критическая дистопия* (*critical dystopia*), которым обозначают жанр, соединяющий элементы утопии и антиутопии и проблематизирующий стремление людей создать идеал социального устройства: "dystopia shares with utopia the general vocation of utopianism that Sargent characterizes as "social dreaming" [Baccolini, Moylan 2003: 5]. Критическая дистопия, по мнению ученых, предполагает возможность создания совершенного общества в пределах мира несовершенного: "the "critical dystopia" in particular suggests that the possibility of eutopia exists within some dystopias, but the problem is how to actualise the eutopia and get rid of the dystopia" [Sargent 2013: 11].

Отечественные исследователи также отмечают тенденцию современных авторов соединять элементы утопии и антиутопии (дистопии) в рамках одного произведения и их стремление воплотить социальный идеал на примере изображаемого общества: «утопии и антиутопии (дистопии) – это, с одной стороны, виртуальные проекции в будущее позитивных / негативных тенденций настоящего,

с другой стороны, попытки осуществить в реальной социально-исторической практике "сладкие грезы о будущем"» [Волков, Волкова 2020: 27].

Попытки разграничить понятия *дистопия* и *антиутопия* вызывают определенные трудности: «ряд исследователей разделяют понятия "дистопия" и "антиутопия", полагая, что критерием подобного разделения можно считать отношение автора к идее идеального общественного устройства. <...> ...антиутопия же критично относится к самой возможности построения совершенного мира, высмеивает и доводит до абсурда идеалы утопии» [Осадчая, Тербунцева 2024: 249], демонстрирует их недостижимость из-за ошибочности самих идеалов. В мире дистопии общественное устройство несовершенно, в нем неизбежна социальная катастрофа: "a useful distinction is the one between anti-utopia, which aims to criticize utopianism or a particular utopian position and is therefore the true inheritor of the tradition of satire mentioned above, and dystopia, which describes a worse social arrangement than the one we currently live in" [Vieira 2020: 353]. Вообще для мира дистопии характерно трагическое восприятие художественной действительности, поскольку гармония в обществе в принципе недостижима из-за особенностей человеческой природы: "they have an inherently tragic view of life. <...> ...the dystopians see the universe as limiting human achievement. Unlike the utopians, they do not think that all human desires, goals and values can be harmonized" [Bagchi 2018: xiv]. Некоторые исследователи указывают, что дистопия находится между утопией и антиутопией, соединяя в себе их черты: "the dystopian genre has always worked with a contested continuum between utopian and anti-utopian positions: between texts that are emancipatory, militant, and 'critical' and those that are compensatory, resigned, and quite 'anti-critical'" [Moylan 2020: 189].

В рамках нашего исследования мы разделяем понятия *антиутопия* и *дистопия* и рассматриваем антиутопическую картину мира произведения, которая имеет ряд специфических черт.

Во-первых, в антиутопии сочетается сатира на существующее общество и своеобразное пародирование утопических идеалов идеального общества, критика мифа, создаваемого утопиями без опоры на реальность: "it's possible to interpret dystopia... as a generic form which combines satire on existing society with a parodic inversion of transcendent or controlling utopian aspirations" [Davis 2013: 26]. Следует, однако, отметить, что пародирование состоит не в том, чтобы провозгласить утопические идеалы недостижимыми

или даже безумными, а в том, чтобы описывать возможное общественное устройство не в отрыве, а в соответствии с общественно-историческими закономерностями развития конкретного общества в определенную эпоху. Другими словами, можно утверждать, что художественная модель мира антиутопии иллюстрирует результаты реализации социальной утопии в довольно негативном ключе, изображая идеальное общество и одновременно высмеивая его. Одной из ключевых тенденций развития антиутопии в XXI в. является тот факт, что многие элементы изображаемого мира уже существуют в современной действительности конкретного общества или всего мира: «к началу XXI века социальный план антиутопического произведения микшируется. И человек в антиутопии нового века противостоит уже исключительно хаосу настоящего и угрожающей неопределенности будущего» [Лукашёнок 2010: 287].

Во-вторых, антиутопия затрагивает достаточно широкий спектр проблем *личность – общество*. Авторы концентрируют внимание на том факте, что в мире, где господствует идеальный общественный порядок, личность все больше теряет свободу выбора, независимость и даже индивидуальность, порядок может быть достигнут только за счет тотального контроля, стандартов и ограничений, что неизбежно ведет к распаду подобного общества: "the breakdown of the ideal society is signaled by the eruption of private desires, the "competing pleasures" that undermine its perfect concord" [Konstan 2021]. По мнению С. Г. Шишкиной, «современная антиутопия говорит о неизбежности тоталитаризма при условии реализации утопических идеалов, поскольку их осуществление синхронно включает в действие механизм перерождения социума в нечто прямо противоположное» [Шишкина 2007: 203]. Данное замечание в полной мере может быть отнесено к роману Д. Эггерса, в котором подтверждается мысль о тираническом характере так называемых совершенных обществ: "Eggers's treatment of utopia seems to draw on the equally common perception of imagined perfect societies as inherently tyrannical" [Herman 2018: 166].

Человек в подобном обществе представляет ценность как часть отлаженного общественного механизма, что не может не сказываться на его отношениях с близкими, творческой самореализации, самоидентификации. Традиционные социальные связи и институты, в частности институт семьи и брака, исчезают или существенно деформируются, «идеальное» сообщество становится единственной семьей человека.

В современной антиутопии данная проблематика раскрывается в рамках дополнительного хронотопа виртуального мира.

В-третьих, читатель антиутопии оказывается в новом мире, живущем по своим законам. Часто это замкнутое пространство, практически герметично отгороженное и враждебное по отношению к остальному миру. Устройство, законы и правила данного мира становятся для читателя понятными только через какое-то время. Чаще всего узнавание нового мира происходит через восприятие главного героя, именно этот герой нередко оказывает сопротивление существующему порядку, вступает в конфликт с обществом: "the protagonist (and the reader) is always already in the world in question, unreflectively immersed in the society. However, a counter-narrative develops as a dystopian citizen moves from apparent contentment into an experience of alienation and resistance" [Baccolini, Moylan 2003: 5]. Обычно движение сопротивления общественному порядку представлено одиночками или тайной организацией, члены которой стремятся вернуть свободу и независимость личности человека. Интересно отметить, что в современной антиутопии акцент смещается с внешнего на внутренний, личностный конфликт.

Антиутопическая картина мира романа Д. Эггерса "The Every"

Помимо характерных черт антиутопии картина мира Д. Эггерса в романе «Вместе» имеет свою специфику, которая характеризуется несколькими чертами.

Во-первых, несмотря на то что автор на примере описания влиятельной корпорации под названием *The Every* рисует возможное будущее общества, в предисловии к роману он подчеркивает, что это ближайшее будущее (*near future*), оно придумано автором, вымышлено, в него с трудом верится, но в то же время это будущее настолько близко, что многое в нем узнаваемо, многое существует уже сейчас, в настоящем, имеет черты современной действительности. В этом смысле роман "The Every" обладает как антиутопическими, так и реалистическими чертами художественного произведения, о чем говорят писатели и исследователи романа, называя его утопией, антиутопией, антиутопической сатирой, но вместе с тем отмечая его реалистические черты, поскольку он представляет собой достоверное описание нашего времени.

По поводу литературного рода романа интересно рассуждение в предваряющих роман замечаниях о том, что данная книга относится к роду художественной

литературы (*fiction*), но, поскольку многое из описанного с большой вероятностью произойдет, она будет относиться к роду документальной прозы (*nonfiction*):

*This is a work of fiction. Nothing described herein actually happened, though much of it likely will. At that point, this will be a work of nonfiction*¹.

Вторая специфическая черта картины мира романа – сатирический тип художественности, актуальный для современной антиутопии, причем в сатирическом ключе описывается не только возможное будущее, но и уже существующее настоящее. Автор искусно сочетает сатиру-критику и сатирическую модальность повествования, при этом в последней используются такие средства, как ирония, абсурд, парадокс. Автор балансирует между беспощадной критикой явлений, которые он считает порочными, и тонкой иронией, описанием абсурдных сцен, парадоксальными сентенциями.

Сатира-критика прослеживается в описании атмосферы, царящей в компании *The Every*, которая, несмотря на все блага жизни, предоставляемые ее членам, оказывает на многих из них тяжелое моральное давление, о чем свидетельствуют самоубийства, точное число которых неизвестно, люди узнают о них по слухам и по сообщениям случайных свидетелей, которые быстро и беспощадно пресекаются:

*...any knowledge of the death at all was pieced together from rumor and quickly muffled accounts by those on the Bay who'd seen a body here or there washed ashore*².

Д. Эггерс подвергает сатире отказ от любых источников информации в пользу единственного новостного канала *The Every*, в котором превалирует реклама и пропаганда ее постулатов. В мире компании нет программ новостей, профессии журналистов вообще не существует, что, как объясняется, продиктовано необходимостью войны с субъективностью:

*...there was no local news, there were no journalists – all of that wiped out by social media, the advertising apocalypse and, more than anything else, the war on subjectivity*³.

В компании царят запреты, строгие правила общественного поведения, система слежения при помощи камер наблюдения, что, с одной стороны, имеет целью содействовать безопасности людей, является проявлением заботы об их благополучии, с другой – представляет собой тотальную слежку буквально за каждым членом общества, вторжение в личное пространство человека, ограничение его личной свободы, которыми на протяжении веков дорожило американское общество. Д. Эггерс показывает жизнь, в которой почти не осталось общественных мест без камер наблюдения. Если человек хочет побыть один, спрятаться от вездесущего ока компании, значит, он нарушает закон открытости – *the law of openness and glasnost*. Только в своеобразных гетто, населенных трогамми (*troggs*), не используются никакие современные технические средства, однако люди, обитающие в таких районах, вызывают всеобщее презрение. Неслучайно они именуется словом *trog*, т. е. хулиган, неотесанный человек, своего рода маргинал. Кроме того, такие члены общества постепенно выживаются путем финансового и экономического давления – арендная плата, налоговые выплаты, цены в магазинах в районах трогов выше, чем в среднем по стране.

Сатирическая модальность пронизывает описание гиперактивности в интернет-коммуникации (*hyperactive digital self*), которая культивируется компанией *The Every*. То, что люди постоянно находятся на связи со своими близкими, коллегами, подписчиками, само по себе неплохо и уже стало привычным в современной жизни, но, по мысли автора, люди настолько привязаны к своим гаджетам, что практически существуют не в реальной, а в виртуальной действительности, когда нормальным считается посылать до тысячи интернет-сообщений и сотни смайликов в день, делать около трех тысяч селфи, иметь тысячи подписчиков. Звонки универсального технического устройства (*an oval*) раздаются несколько раз в минуту, возвещая о том или ином сообщении, что оказывает влияние на психику людей, живущих в цифровом королевстве:

*Because their devices dinged them a few times a minute, their minds were reshaped to the jittery, needy psyche that ruled the digital realm*⁴.

¹ Eggers D. *The Every*. NY: Vintage, 2021. Front matter.

² Ibid. P. 19.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 64.

В этой же модальности говорится о том, что в личной и бизнес переписке используются смайлики и эмодзи вместо вербальных выражений, что ведет к обеднению словарного запаса людей, к утрате умения выражать свои мысли и чувства словами. Особенно возмущает автора то, что смайлики посылают в случаях, когда их появление совершенно неуместно, в частности в сообщениях о смерти близких, возмущение этим фактом он вкладывает в уста главной героини.

Третья специфическая черта художественной картины мира романа состоит в особом модусе повествования, сочетающем иронию, абсурд, парадокс. Многие части романа подаются с иронией, например, такое явление, как управление жизнью людей современными гаджетами и универсальными устройствами, которые постоянно оповещают их о медицинских и физических показателях, о том, сколько времени человек провел на солнце, смеялся, шутил, хмурился, о количестве произнесенных слов и о том, сколько из них было правильных или недопустимых, и мн. др.

С иронией описан выезд на пикник, организованный Делани. Еще на момент организации поездки ее участники забрасывают Делани многочисленными смехотворными вопросами, а во время поездки, вместо того чтобы наслаждаться видами природы и отдыхом на морском побережье, возмущаются по поводу якобы притеснения морских животных, загрязнения окружающей среды, неудобств, которые, как они считают, вызваны этим мероприятием. Ирония данной ситуации заключается в том, что развлекательная и познавательная прогулка привела к тому, что ее участники были раздражены, инициатор разочарован, руководство компании недовольно.

Автор также иронизирует по поводу процедуры вступления претендента в ряды компании *The Every*, которая предполагает прохождение до двенадцати интервью, что обычно занимает около шести месяцев.

Следующим приемом, который использует автор, является абсурд. Интересно сопоставить один из эпиграфов к роману, в котором говорится об абсурдных идеях, и их трактовку в самом романе. Слова эпиграфа провозглашают пользу абсурдных идей, содержат мысль о том, что смелые, новаторские идеи первоначально представляются абсурдными, но что именно такие идеи впоследствии ведут к величайшим открытиям человечества, причем эти слова

принадлежат всемирно признанному авторитету – Альберту Эйнштейну:

If at first the idea is not absurd, then there is no hope for it⁵.

Однако по контрасту с этим высказыванием абсурдные идеи, абсурдные ситуации, эпизоды, правила и законы жизни общества, показанные в романе, представлены далеко не в положительном свете.

Например, абсурдна теория игры, которая необычайно популярна в компании, включающая противоречащие, а иногда и взаимоисключающие друг друга принципы:

...multitasking, singletasking, ...saying no, saying yes, ...embracing simplicity, pursuing complexity, seeking zemblanity, creativity through radical individualism, creativity through groupthink⁶.

Абсурдным представляется предпочтение людей проходить медицинское обследование при помощи машин, обладающих искусственным интеллектом (AI), а не людей (*humans*), поскольку, как они считают, искусственный интеллект лишен субъективности:

...the vast majority of patients preferring AI diagnoses over those of humans, which they considered recklessly subjective⁷.

Еще более абсурдны ситуации, в которых показаны попытки Делани и ее друга Вэса разрушить компанию посредством внесения предложений о запуске новых программ. Нелепые по их задумке проекты вопреки их ожиданиям вызывают не негативное отношение окружающих, а одобрение и желание их внедрить как можно скорее. И чем абсурднее проект, тем восторженней он встречается. Один из таких проектов – программа по проверке искренности друзей *AuthentiFriend*, посредством которой можно установить подлинность чувств друзей и близких, определяемую по тону и вибрации голоса, выбору фраз, выражению лица.

И совсем абсурдным представляется уже существующий в компании проект по улучшению классических и современных произведений литературы. С помощью специальных программ становится возможным определить, какие эпизоды книг прочитываются невнимательно, всего лишь просматриваются или полностью

⁵ Ibid. Front matter.

⁶ Ibid. P. 14.

⁷ Ibid. P. 85.

пропускаются читателями. Делается это для того, чтобы на основании полученных данных удалить «неудачные» эпизоды из произведений прошлого или дать рекомендации современным писателям, что нужно изменить, подкорректировать в написанных ими книгах. Для создателей этого проекта все просто – несовершенное с точки зрения среднего, не вполне образованного читателя наследие прошлого может быть подвержено беспощадной корректировке. Например, поведение главного героя должно соответствовать желаниям публики:

*The main thing is that the main character should behave the way you want them to, and do what you want them to do*⁸.

Сам автор показывает использование технических средств при подаче художественной литературы, предваряя роман данными о времени прочтения каждой главы и всей книги, а также о количестве баллов, которые читатель получает за прочтение каждой главы, иронично обыгрывая таким образом правила компании *The Every* и прибегая к приему самоиронии.

Д. Эггерс продуктивно использует и прием парадокса. Картина мира его романа насыщена парадоксальными высказываниями и описаниями парадоксальных ситуаций. Парадокс заложен в третьем эпиграфе к роману:

*Is there not also, perhaps, besides the innate desire for freedom, an instinctive wish for submission?*⁹

Эти слова, принадлежащие Эриху Фромму, имеют форму риторического вопроса, который выражает отсутствие уверенности, сомнения автора этих слов по поводу данного утверждения. Тогда как содержание романа недвусмысленно подтверждает эту мысль – люди при всей риторике о стремлении к свободе на самом деле склонны к подчинению.

Парадоксален метод борьбы с несогласными, с противниками компании, который, однако, весьма успешно работает. С непокорными, оказывается, можно бороться вполне мирными, цивилизованными способами – самых неистовых противников привлекают в ряды компании, превращают в своих, предлагая те или иные блага, например возможность работать, публиковать свои труды, реализовывать свои идеи. Причем те, кто занимается такой вербовкой, прекрасно разбираются

в психологии людей, подбирая соответствующий ключ к каждому несогласному.

Все эти средства – ирония, абсурд, парадокс – подчинены главной цели автора, которая заключается в сатирической критике тотальной власти компании *The Every*. Финал романа звучит грозным предупреждением об опасности, которую несет в себе господство компаний, подобных *The Every*, из финала следует неизбежный вывод о том, что такие компании всемогущи и непобедимы.

Заключение

В романе Д. Эггерса "The Every" показано, что руководители одноименной компании и те, кто за ними стоят, ставят перед собой задачу создать идеальный общественный порядок, сначала – в рамках одной организации, затем – на уровне страны и даже мира. Тотальный контроль и создание благоприятных условий жизни, вызывающих желание людей подчиняться власти, – основные средства поддержания такого порядка. Однако, хорошо известно, что даже в идеальных условиях жизни у разных людей возникают разные мысли, чувства и желания, что неизбежно приводит к появлению разногласий, противоречий, конфликтов, а затем – и к распаду «идеального» общества.

Можно сделать вывод, что, по мнению многих авторов современных антиутопий, включая Д. Эггерса, идеальные общества способны существовать только на основе тирании, проявляющейся в разных формах, включая тиранию неограниченного выбора возможностей, которая, по сути, оказывается отсутствием выбора.

Художественная картина мира исследуемого произведения реализуется (1) через систему образов, понятий и концептов, (2) через авторскую модальность, а также (3) формируется в сознании читателя.

На концептуальном / интенциональном уровне в антиутопической картине мира рассматриваются утопические идеалы общественного устройства, в самом концепте утопии с горькой насмешкой описываются различные аспекты жизнедеятельности сообщества через иронический модус повествования, острую сатиру, приемы абсурда и парадокса.

На уровне модальности произведения антиутопическая картина мира характеризуется негативным отношением автора как к образам персонажей (возможно, за исключением главного героя, который

⁸ Ibid. P. 206.

⁹ Ibid. Front matter.

противостоит всем), так и в целом к образу общества или сообщества и его отдельных институтов.

На уровне текстовой эмотивности антиутопическая картина мира призвана вызывать эмоциональное потрясение читателя, глубокое осмысление и последующее отторжение описываемых принципов построения сообщества.

Созданная Дэйвом Эггерсом художественная картина мира в романе "The Every" характеризуется тем, что в ней переплетены черты антиутопического и реалистического, острая сатира сочетается с приемами иронии, абсурда и парадокса; она, несомненно, отражает ментальные образы реальности, возникшие в сознании автора.

Перспектива дальнейшего изучения проблемы видится в определении иных признаков антиутопии,

специфики их реализации и методов интерпретации в современных произведениях.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Бахича Э. А. Определение художественной картины мира в зеркале исследовательских парадигм. *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История*. 2018. № 3-4. С. 11–14. [Bahicha E. A. Definition the artistic picture of the world in the mirror of research paradigms. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seria: Filologiya. Istoriia*, 2018, (3-4): 11–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwnfci>
- Болотнова Н. С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста. *Сибирский филологический журнал*. 2003. № 3-4. С. 198–207. [Bolotnova N. S. A poetic world-image and its investigation stylistics of a text. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2003, (3-4): 198–207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owrpijr>
- Волков В. В., Волкова Н. В. Литературная утопия и антиутопия: жанровое своеобразие, аспекты герменевтического исследования. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2020. № 3. С. 26–40. [Volkov V. V., Volkova N. V. Literary utopia and dystopia: The peculiarities of genres, the aspects of hermeneutic research. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2020, (3): 26–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2020.3.026>
- Казарин Ю. В. Архетипическая природа текста (архетекстуальная парадигма). *Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: Междунар. науч. конф. (Москва-Екатеринбург, 28–30 сентября, 2016 г.)* Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2016. С. 108–119. [Kazarin Yu. V. Archetypal nature of the text (arch textual paradigm). *New Russia: Traditions and innovations in language and language science: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow-Ekaterinburg, 28–30 Sep 2016*. Ekaterinburg: Fabrika komiksov (imprint "Kabinetnyi uchenyi"), 2016, 108–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xsaznz>
- Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001. 270 с. [Krasnykh V. V. *Fundamentals of psycholinguistics and communication theory*. Moscow: Gnozis, 2001, 270. (In Russ.)]
- Лукашёнков И. Д. Антиутопия как социокультурный феномен начала XXI века. *Ярославский педагогический вестник*. 2010. Т. 1. № 4. С. 286–288. [Lukashionok I. D. Antiutopian discourse of the Russian culture at the beginning of the XXI-st century. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2010, 1(4): 286–288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohiivb>
- Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Тенденции метамодернизма в современной литературе (на материале романа Дэйва Эггерса «Сфера»). *Слово.ру: балтийский акцент*. 2022. Т. 13. № 3. С. 124–141. [Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu. Metamodernism in contemporary literature (on Dave Eggers' novel "The Circle"). *Slovo.ru: Baltic Accent*, 2022, 13(3): 124–141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/chqclck>
- Мирошниченко Н. М. Автор и авторское сознание как литературоведческие категории. *Вопросы русской литературы*. 2014а. № 27. С. 110–128. [Miroshnichenko N. M. Author and author's consciousness as literary studies categories. *Voprosy russkoi literatury*, 2014a, (27): 110–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjxmej>

- Мирошниченко Н. М. Авторское сознание и картина мира: теоретические аспекты. *Вопросы русской литературы*. 2014b. № 28. С. 102–115. [Miroshnichenko N. M. The author's consciousness and worldview: Theoretical aspects. *Voprosy russkoi literatury*, 2014b, (28): 102–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjtkib>
- Осадчая Т. Ю., Теребунцева М. А. Жанровая стратегия в романе Д. Эггерса «Сфера». *Филологический аспект*. 2024. № 5. С. 249–255. [Osadchaia T. Iu., Terebuntseva M. A. The genre strategy in the novel "The Circle" by D. Eggers. *Filologicheskii aspekt*, 2024, (5): 249–255. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udxkdt>
- Фомичева Ж. Е. Некоторые аспекты понятия «текстовая художественная картина мира». *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2013. № 1. С. 292–300. [Fomicheva Z. E. Some aspects of the term "textual artistic worldimage". *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2013, (1): 292–300. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbccud>
- Хартикова А. И. Художественная картина мира автора и текста. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение*. 2013. № 4. С. 102–107. [Khartikova A. V. Art picture of the author's world and the text. *Bulletin of Adyge State University, Ser. 2: Philology and Art Criticism*, 2013, (4): 102–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sababt>
- Шестакова Е. Ю. Художественная модель мира как предмет научного исследования. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 647–658. [Shestakova E. Yu. Artistic world model as a subject of scientific research. *SibScript*, 2024, 26(4): 647–658. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-647-658>
- Шишкина С. Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра. *Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета*. 2007. № 2. С. 199–208. [Shishkina, S. G. Literary anti-utopia: The issue of genre boundaries. *Vestnik gumanitarnogo fakulteta Ivanovskogo gosudarstvennogo khimiko-tekhnologicheskogo universiteta*, 2007, (2): 199–208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohlxgx>
- Baccolini R., Moylan T. Introduction: Dystopia and histories. *Dark horizons. Science fiction and dystopian imagination*, eds. Baccolini R., Moylan T. NY-L.: Routledge, 2003, 1–12.
- Bagchi N. *Human nature and politics in utopian and anti-utopian fiction*. Lanham: Lexington Books, 2018, 100.
- Davis L. Dystopia, utopia and Sancho Panza. *Dystopia(n) matters: On the page, on screen, on stage*, ed. Vieira F. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013, 23–27.
- Fayzullaeva M. The representation of the author's individual world picture in the literary text. *Bulletin of Science and Practice*, 2020, 6(6): 356–361. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/47>
- Herman P. C. More, Huxley, Eggers, and the utopian / dystopian tradition. *Renaissance and Reformation / Renaissance et Réforme*, 2018, 41(3): 165–193. <https://doi.org/10.33137/rr.v41i3.31560>
- Konstan D. Post-utopia: The long view. *Humanities*, 2021, 10(2). <https://doi.org/10.3390/h10020065>
- Moylan T. The necessity of hope in dystopian times: A critical reflection. *Utopian Studies*, 2020, 31(1): 164–193. <https://doi.org/10.5325/utopianstudies.31.1.0164>
- Nasrum N., Faiqah A. The author's worldview in Jack London's *The Call of The Wild*. *Journal of Culture, Language, and Literature*, 2020, 1(1): 30–46.
- Sargent L. T. Do dystopias matter? *Dystopia(n) matters: On the page, on screen, on stage*, ed. Vieira F. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013, 11–13.
- Sargent L. T. Three faces of utopianism revisited. *Utopian Studies*, 1994, 5(1): 1–37.
- Suvin D. *Metamorphoses of science fiction*. New Haven-L.: Yale University Press, 1979, 317.
- Vieira P. Utopia and dystopia in the age of the anthropocene. *Esboços Histórias Em Contextos Globais*, 2020, 27(46): 350–365. <https://doi.org/10.5007/2175-7976.2020.e72386>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/njohhc>

Моделирование ассоциативно-вербального поля *мигрант* в языковом сознании носителей русского языка

Самкова Мария Андреевна

Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск

eLibrary Author SPIN: 9066-9539

<http://orcid.org/0000-0001-6803-2701>

Scopus Author ID: 57110296000

_degi@mail.ru

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения специфики отношения носителей русского языка к миграции и мигрантам. Цель – экспериментально сконструировать ассоциативно-вербальное поле *мигрант* в языковом сознании носителей русского языка на материале зафиксированных в народных ассоциативных словарях реакций на слово-стимул *мигрант* для изучения синтагматических и парадигматических отношений языковых единиц, выделенных тематических групп и оценочных реакций. Новизна работы заключается в попытке моделирования фрагмента языкового сознания на материале народных ассоциативных словарей, основанных на игре в ассоциации, и анализа ценностных ориентаций в картине мира современного носителя русского языка. В результате анализа выявлены ядро и периферия ассоциативно-вербального поля *мигрант*, замечено преобладание парадигматической связи слов. Системная организация смысловых групп преимущественно включает отношение подобия, гипо-гиперонимические отношения и синонимию. Разветвленную организационную структуру имеют тематические группы, затрагивающие сферы деятельности мигрантов в России, нарушение закона, причины миграции, географическую и национальную принадлежность мигрантов. Национально-культурная специфика заключается в том, что под мигрантами понимают преимущественно людей из постсоветских стран, приехавших на заработки в Россию. В ценностной системе носителей русского языка зафиксирована толерантность. Наблюдается принятие российским обществом предметно воплощенных ценностей представителей других стран: национальных блюд и одежды. Выявлена асимметрия эмоционально-оценочных единиц и преобладание отрицательных ассоциаций-оценок, что доказывается наличием экспрессивных этнонимов, предметной и зооморфной метафоры в характеристике мигрантов. Результаты данного исследования могут быть использованы для формирования и дополнения статьи «Мигрант» в ассоциативных словарях.

Ключевые слова: языковое сознание, носители русского языка, ассоциативно-вербальное поле, ассоциативный эксперимент, народный ассоциативный словарь, мигрант

Цитирование: Самкова М. А. Моделирование ассоциативно-вербального поля мигрант в языковом сознании носителей русского языка. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 59–72. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-59-72>

Поступила в редакцию 03.08.2024. Принята после рецензирования 17.10.2024. Принята в печать 21.10.2024.

full article

Associative-Verbal Field *Migrant* in the Russian Linguistic Consciousness

Maria A. Samkova

Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

eLibrary Author SPIN: 9066-9539

<http://orcid.org/0000-0001-6803-2701>

Scopus Author ID: 57110296000

degi@mail.ru

Abstract: This article introduces the associative-verbal field *migrant* in linguistic consciousness based on the reactions of native Russian speakers to the word-stimulus *migrant*. The research determined the specifics of Russian speakers' attitudes towards migration and migrants. Relying on the value orientations of modern Russian speakers, the author modelled a fragment of linguistic consciousness using associative dictionaries based on the association game. The analysis revealed the core and periphery of the associative-verbal field *migrant* and the predominating paradigmatic connection between words. The systemic organization of semantic groups included similarity, hypo-hyperonymy, and synonymy. The thematic groups obtained focused on the spheres of migrants' activities in Russia, crime, reasons behind migration, and the geographical and national identity of migrants. The national and cultural specifics proved to be that under *migrants*, native Russian speakers mean workers from post-Soviet countries. The value system of the recipients demonstrated a certain degree of tolerance: they accepted the foreign cultural values if they were material, e.g., national cuisine or clothes. However, the emotional and evaluative words were mostly negative, e.g., expressive ethnonyms, depersonification, and zoomorphic metaphors. The results obtained can be used to compile and supplement the article *migrant* in associative dictionaries.

Keywords: linguistic consciousness, native Russian speakers, associative-verbal field, association experiment, people's associative dictionary, migrant

Citation: Samkova M. A. Associative-Verbal Field *Migrant* in the Russian Linguistic Consciousness. *SibScript*, 2025, 27(1): 59–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-59-72>

Received 3 Aug 2024. Accepted after peer review 17 Oct 2024. Accepted for publication 21 Oct 2024.

Введение

Миграционная проблематика является актуальной из-за масштабных миграционных процессов, которые требуют осмысления с целью определения специфики отношения современного российского общества к мигрантам. В настоящее время Российская Федерация нуждается в ежегодном приросте численности мигрантов, чтобы предотвратить убыль российского населения [Юмагузин, Винник 2023] и восполнить образовавшийся в стране дефицит кадров¹. Однако миграционные потоки нестабильны, и на фоне общей тенденции улучшения отношения к мигрантам

наблюдаются бурные всплески антимиграционных настроений.

Направленный тренд не выявлен, но представленные Всероссийским центром изучения общественного мнения результаты опроса об отношении россиян к трудовым мигрантам указывают на убежденность почти половины населения России в том, что трудовая миграция – это положительное явление². Но антимиграционные настроения сохраняются. Их всплески регистрируются после резонансных событий, например после теракта в «Крокус Сити

¹ Голикова: экономике РФ к 2030 году понадобится дополнительно 2 млн специалистов. ТАСС. 28.11.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19399837> (дата обращения: 06.07.2024).

² Иммигранты в России: за и против. ВЦИОМ Новости. 14.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 06.07.2024).

Холле», создавшего моральную панику³. Несмотря на нравственное воспитание в образовательных учреждениях, результаты свободного ассоциативного эксперимента среди учащихся также указывают на рост нетерпимости к мигрантам [Касаткина 2016: 132]. Влияние этих настроений обусловило актуальность изучения отношения россиян к мигрантам.

В последнее десятилетие тематика миграции изучается в области лингвистических исследований и обозначается как *миграционная лингвистика* (нем. *Migrationslinguistik*) [Шустова и др. 2020b]. *Мигрант* определен как базовый концепт миграционного дискурса и как коммуникативно-релевантный для российского общества [Зубарева 2018a: 39]. Концепт *мигрант* представляет собой одну из доминант современного массового сознания как в России, так и за рубежом [Комарова 2018]. Среди различных номинаций концепта *мигрант* выявлены оценочные. Наряду с номинативными, оценочные признаки концепта представляются актуальным аспектом изучения в рамках миграционной лингвистики, рассматривающей в том числе средства языковой актуализации агрессии.

Ассоциативный эксперимент в сопоставительном исследовании (на материале русского и французского языков) указывает на то, что носители обоих языков тесно связывают с миграцией этнические и расовые проблемы, но различие состоит в том, что носители русского языка без внутренней цензуры используют стереотипные выражения и термины языка вражды, даже если это не соответствует реальному национальному составу мигрантов [Дебрэнн, Фомель 2019: 131].

При добавлении в ассоциативный эксперимент элемента семейной идентичности мигрантов фокус внимания респондентов не смещается в сторону толерантности, о чем свидетельствуют недавние исследования новых категорий *дети-мигранты* и *родители-мигранты*. Анализ первой категории указывает на то, что дети-мигранты актуализируются как иные, что наблюдается в таких номинациях, как *иноэтнические, иноязычные, инофоны* [Шустова 2022; Шустова и др. 2020a]. Анализ второй категории показывает, что родители-мигранты воспринимаются через отрицание: *непонимание; неопределенность; неуверенность; социальная незащищенность; непонимающие; недовольные; незнание языка; не знают местный язык;*

работают не в своей стране; материальный недостаток; нет денег; нет образования; нерусские; не белая раса [Шустова, Красноборова 2020]. Чуть меньше половины (43 %) реакций на стимул *родители-мигранты* носят эмоциональный характер, среди которых доминируют отрицательные ассоциации-оценки, но, как отмечают исследователи, «среди них можно выделить реакции, связанные с сопереживанием» [Там же: 114], что является демонстрацией проявления сочувствия, следовательно, равнодушного отношения русскоязычных респондентов к мигрантам.

Цель – экспериментально сконструировать ассоциативно-вербальное поле *мигрант* на материале народных ассоциативных словарей для изучения синтагматических и парадигматических отношений языковых единиц, выделенных тематических групп и оценочных реакций.

Методы и материалы

В настоящем исследовании мы используем ассоциативный эксперимент как метод психолингвистического исследования, чтобы смоделировать ассоциативное поле для дальнейшего изучения обыденной семантики слова *мигрант*. Ассоциативный эксперимент считается «одним из перспективных методов изучения структуры концепта, так как позволяет изучать функционирование языка в реальной коммуникации» [Зубарева 2018a: 32]. Данный метод является надежным способом изучения языкового сознания, поскольку ассоциативно-вербальное поле, сформированное из реакций носителей языка, указывает на «содержание, входящее в национальный ментальный образ конкретного культурного предмета» [Уфимцева 1998: 142].

При использовании методики свободного ассоциативного эксперимента возникает проблема субъективности. Во-первых, «ассоциативные связи устанавливаются в процессе приобретения субъективного опыта» [Серкин 2009: 22]. Во-вторых, интерпретация результатов ассоциативного эксперимента носит субъективный характер. Данная проблема преодолевается тем, что в ядро ассоциативно-вербального поля входят частотные, т. е. совпадающие у большинства респондентов реакции. Помимо этого, у респондентов и интерпретатора – «сходная национальная когнитивная база, национальный менталитет» [Стернин 2020: 120],

³ Логинов В. «За последние 13–15 лет отношение к мигрантам в РФ существенно улучшилось». Директор ВЦИОМ Валерий Федоров – о том, как россияне пережили теракт в «Крокус Сити Холле», запросе на справедливый мир и политических последствиях паводков. *Известия*. 15.04.2024. URL: <https://iz.ru/1681460/valentin-loginov/za-poslednie-13-15-let-otnoshenie-k-migrantam-v-rf-sushchestvenno-uluchshilos> (дата обращения: 06.07.2024).

что способствует более объективному пониманию. Наконец, для решения проблемы субъективности мы решили использовать материалы народных ассоциативных словарей [Ворошилова 2018], чтобы получить разнообразный языковой материал от представителей разных поколений, пола и профессий для моделирования ассоциативно-вербального поля *мигрант*. В существующих ассоциативных словарях, созданных по результатам эксперимента с носителями русского языка⁴, отсутствует статья на слово-стимул *мигрант*. Новизна данной работы заключается в попытке моделирования фрагмента языкового сознания и анализа ценностных ориентаций в картине мира современного носителя русского языка. Результаты данного исследования могут быть использованы для формирования и дополнения статьи «Мигрант» в ассоциативных словарях.

Практический материал отобран с ресурсов, находящихся в открытом доступе и основанных на игре в ассоциации: Sociation.org⁵, sinonim.org⁶, kartaslov.ru⁷. Дополнительно мы обращались к словарям ассоциаций wordassociations.net⁸, OnlineSlovo.ru⁹, reright.ru¹⁰, созданным на основе анализа классических и современных художественных произведений на русском языке.

Очевидное несовершенство народных ассоциативных словарей – невозможность описать профиль респондентов. Однако участники проектов владеют русским письменным языком, поэтому рассматриваются как носители умственных и чувственных знаний русскоговорящего этноса. Значительными преимуществами такого рода ассоциативного эксперимента являются более свободно и творчески генерируемые реакции и объем данных, необходимый для первичного этапа анализа ассоциатов с целью определения их характера и частотности появления реакций на разных ресурсах: в настоящем исследовании рассматривается 1230 слов-реакций. Закрытость системы народных ассоциативных словарей не позволяет узнать точное число упоминаний того или иного слова-реакции. Однако известно, что на всех ресурсах

ассоциации расположены в порядке убывания частотности. Помимо этого, ресурс Sociation.org приводит популярность реакций, а sinonim.org – частоту на миллион употреблений. В связи с этим мы сформировали таблицы ассоциатов (табл. 1 и 2), указывая в круглых скобках число упоминаний каждого слова-реакции на каждом ресурсе. Поэтому в таблицах приводится усредненный результат лингвистического ассоциативного эксперимента.

На основе результатов данного этапа будут подготовлены вопросы для проведения ассоциативного эксперимента, выявляющего не просто свободные ассоциации на изолированное слово-стимул, а разные формы репрезентации семантики слова *мигрант* в обыденной лексикографии. На следующем этапе планируется изучить несколько слоев обыденной семантики слова *мигрант*: «чувственно-ассоциативной, понятийной, концептной» [Голев и др. 2015: 43].

Методика анализа народных ассоциативных словарей включает в себя четыре этапа анализа. Вначале был составлен общий список слов-реакций. Наиболее частотные – встречающиеся 5 и более раз на разных ресурсах – обозначаются как ядерные и выделяются в таблицах 1 и 2 жирным шрифтом. Выделенные реакции были разделены на две большие группы: парадигматические и синтагматические [Белянин 2007; Лурия 1979; Мартинович 1990; Щур 1974], которые подразделялись на подгруппы в зависимости от типа отношений. В отдельную группу были выделены эмоционально-оценочные ассоциации [Леонтьев 1977; Уфимцева 2011]. Наконец, слова-реакции были распределены по тематическим группам [Доценко 1998: 61; Клименко 1974: 29]. В отдельную категорию попали ассоциаты не выясненного (неясного) происхождения [Соколова 1996]. Таким образом, мы смогли создать ассоциативно-вербальное поле *мигрант* и смоделировать фрагмент языкового сознания усредненного носителя языка, опираясь преимущественно на логические и лингвистические принципы [Горошко 2001].

⁴ Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь: Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. М.: Астрель, 2002. 784 с.; Т. II. От реакции к стимулу: более 100 000 реакций. М.: Астрель; АСТ, 2002. 992 с.; Черкасова Г. А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М.: ИЯз РАН, 2008. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>; Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. М., 2014. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (дата обращения: 06.07.2024).

⁵ Sociation.org. URL: <https://sociation.org/> (accessed 6 Jul 2024).

⁶ Словарь синонимов русского языка – онлайн подбор. URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения: 06.07.2024).

⁷ КартаСлов.ру. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 06.07.2024).

⁸ Word Association Network. URL: <https://wordassociations.net/en> (accessed 6 Jul 2024).

⁹ Онлайн Слово.ру – словарь ассоциаций. URL: <https://www.onlineslovo.ru/> (дата обращения: 06.07.2024).

¹⁰ Словарь ассоциаций и синонимов «Рерайт». URL: <http://www.reright.ru/> (дата обращения: 06.07.2024).

Результаты

Сходств парадигматического характера преобладают над сходствами синтагматического характера. Это определяет своеобразие моделируемого ассоциативно-вербального поля *мигрант* и сформированность ядра поля. Слова-реакции распределены по группам и расположены по частотности в порядке убывания (табл. 1).

Превалирует парадигматический тип, актуализирующий отношения подобия, сходства: *иностранец, иммигрант, эмигрант, беженец* и менее частотные. Данные слова относятся к нейтральной лексике. Однако один из частотных ассоциатов – *гастарбайтер* – является средством уничижительного, пренебрежительного и даже оскорбительного наименования представителей рабочих из иностранных государств [Сагирян и др. 2021]. Стоит отметить, что эмоционально-оценочные реакции входят в состав ядра ассоциативно-вербального поля *мигрант*.

Слова-реакции выступают как гипонимы к слову-стимулу *мигрант*. Гипероним и гипонимы также выделены в отдельную группу парадигматических ассоциаций, например: *национальность – таджик, таджичка, узбек, узбеки, армянин, армяне, киргиз, татарин, калмык, чеченец, грузин, чукча, уйгур, немец, казах, туркмен, турок*. Отметим, что на слово-стимул в единственном числе даны слова-реакции во множественном числе. Из этого можно сделать вывод, что в ментальном лексиконе носителей русского языка зафиксировались представления о коллективизме как характерной черте узбекской и армянской культур. Также наблюдается наличие среди слов-реакций имен существительных женского рода. Ассоциат *таджичка* репрезентирует собирательный образ женщины-мигранта.

Значительной частотностью отличаются паронимы в силу звуковой и этимологической близости: *эмигрант, иммигрант, иммигрантка; эмиграция, иммиграция, эмигрировать, иммигрировать*. Зафиксирован синонимический тип отношений ассоциатов, например: *переселение – переезд, вынужденный переезд, перемещение, релокация*. Это самая большая цепочка синонимов, тесно связанная по смыслу со словом-стимулом *мигрант*. Синонимия слов-реакций преобладает и в синтагматических отношениях: *приезжий – приехавший, заезжий, пришлый*.

В самой малочисленной группе слов-реакций актуализируются антонимические отношения: *абориген, гражданин, житель, резидент, репатриант, местный, туземец, соотечественник*. В основе данных реакций лежит признак противоположности, как и в следующей группе антонимов, в которой мигрантам противопоставляются россияне: *русский, Иван, Иванов*. Негативное восприятие мигрантов наблюдается в ассоциате-глаголе в императивной форме *уезжай*.

Наблюдается разнообразие эмоционально-оценочных реакций, но в процентном соотношении их относительно немного (14 %). Большинство слов-реакций имеют отрицательную коннотацию. Коннотативные реакции можно подразделить на подгруппы экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) и идентиионимов. К этнофолизмам отнесены следующие уничижительные обозначения представителей народов Кавказа, Средней (Центральной) Азии: *чурка, хач*, родственные им слова или слова, основа которых сходна по звучанию и морфемному составу, например, *чур, чурка, чурбек, дочурка, чуркин, чурикова*; уничижительное, фамильярное название граждан Украины: *хохол*¹¹, *заробитчанин* [Савченко 2019: 1112]; уничижительные обозначения людей с темным оттенком кожи: *черномазый* и др. Также к этой группе отнесен эвфемизм *лицо кавказской национальности*, который является оскорбительным [Букова, Порхачев 2016].

К экспрессивным идентиионимам мы отнесли апеллятивные названия лиц по их принадлежности к какой-либо группе. В группу наименований лиц, выполняющих тяжелую работу и занимающих низкое социальное положение, входит слово *быдло*¹². Группа лексических единиц, характеризующих людей по их интеллектуальным способностям: *болванка, бревно, чурбан, дрова, дерево, древесина, доска, щепка, деревяшка, пень, полено, буратино, обрубок, брус, брус, кран, бахча, неуч, клюка, звери, обезьяна, баран, немощ, осел, наволочь*. Данные слова используются для пренебрежительного указания на низкий интеллектуальный уровень и отрицательные качества человека. Большинство из них являются предметной (*мусор, бревно, чурбан*) или зооморфной (*осел, баран*) метафорой, указывающей на уничижительное отношение

¹¹ Хохол. *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 17: Х–Я, ред. Л. С. Ковтун, В. П. Петушков. М.-Л.: Наука, 1965. Стб. 427.

¹² Быдло. In: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. URL: <https://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=БЫДЛО>; Быдло. *Большой толковый словарь русского языка: А–Я*, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=быдло&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=быдло&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 01.08.2024).

Табл. 1. Типы отношений актуализированных слов-реакций

Tab. 1. Types of relations between the verbal stimulus and its associates

Тип отношений	Слова-реакции (частотность)
<i>Синтагматические ассоциации</i>	
Синонимия	<ul style="list-style-type: none"> • приезжий (16) – выходец (6), прохожий (4), приехавший (2), пришлый (2), заезжий (2), аллохтон (2), невозвращенец (2), понаехавший (1), репатриант (1); • временный (4) – непостоянный (2); • нашествие (5) – наплыв (2), поток (1); • нелегальный (2), незаконный (2)
Антонимия	<ul style="list-style-type: none"> • эмигрировать (1) – иммигрировать (1); • приток (2) – отток (1); • прибыль (1) – убыль (1); • приезжать / приехать (3), приезд (1) – уехать (2), уезжай (1); • родина (3) – чужбина (2); • поселиться (1) – выселить (1)
<i>Парадигматические ассоциации</i>	
Гиперо-гипонимия	<ul style="list-style-type: none"> • страна (7) – Таджикистан (11), Узбекистан (11), Украина (3), Молдавия (3), Америка (3), Россия (3), Азербайджан (2), Пакистан (2), Китай (2), Афганистан (1), Киргизия (1), Татарстан (1), Туркменистан (1), Индонезия (1), Мексика (1), ФРГ (1), Ливия (1), Турция (1), Корея (1); • республики (1): Чечня (1), Дагестан (1); • регион (1): Кавказ (6), Центральная Азия (2), Средняя Азия (2); • столица (3) – Москва (8), Ташкент (3), Душанбе (4), Пекин (1); • город (2) – Одесса (2), Самарканд (2), Сырдарья (2), Андижан (1), Бухара (1), Алма-Ата (1), Квебек (1); • гора (1): Памир (1); • национальность (4) – таджик (20), таджичка (2), узбек / узбеки (17), узбечка (1), армянин / армяне (5), киргиз (3), татарин (3), татары (1), калмык (3), казах / казахи (2), абхазы (2), чеченец (2), грузин (2), туркмен (2), чукча (1), уйгур (1), немец (1), турок (1), персы (1), калмыки (1), чуваша (1), молдоване (1), китайцы (1), украинец (1); • человек (6), люди (4) – мужчина (4), парень (1), девочка (1); • популяция (1) – население (1); • деньги (1) – шаймуратики (1)
Паронимия	<ul style="list-style-type: none"> • эмигрант (15), иммигрант (14), иммигрантка (1); • миграция (9) – эмиграция (9), иммиграция (3), эмигрировать (1), иммигрировать (1)
Синонимия	<ul style="list-style-type: none"> • гастарбайтер (20) – лимитчик (3), трудовой иммигрант (5), трудовая миграция (2), гастер (2); • переселение (9) – переезд (4), вынужденный переезд (2), перемещение (1), релокация (1); • интеграция (7) – адаптация (7), ассимиляция (1); • работа (12) – труд (2), служба (1), занятость (1); • турист (7) – путешественник (4), интурист (2); • пришелец (3) – инопланетянин (2); • нация (3) – народ (1); • Азия (6) – восток (2); • бедствие (1) – катастрофа (2); • беда (1) – горе (1); • помощь (1) – гуманитарная помощь (1)

Тип отношений	Слова-реакции (частотность)
Антонимия	<ul style="list-style-type: none"> гражданин (3), абориген (3), туземец (3), житель (2), местный (2), резидент (1), репатриант (1), соотечественник (1), горожанин (1); русский язык (2), русское поле (2), русский (1), Иван (1), Иванов (1)
Сходство (подобие)	<ul style="list-style-type: none"> иностранец / иностранцы (19), иноземец (3), инородец (2); чужой (7), чужеземец (5), чужак (4), чужестранец (1); переселенец (13), беженец (10), путник (3), скиталец (2), кочевник (1); гость (4), постоялец (1), поселенец (1), жилец (1), сосед (1); новый (2), новенький (1), новичок (1), новоприбывший (1); маргинал (3); счастливчик (3); друг (2); незнакомец (2); погорелец (1); провинциал (1); имена собственные: Авиценна (2), Лед Зеппелин (2), Дип Пурпл (1), Бекмамбетов (1), Алладин (1), Беломондо (1), Илларион (1), Айзек (1), Джармуш (1), Ниязи (1), Мурка (1)
Эмоционально-оценочные ассоциации	
Экспрессивный этноним (этнофолизм)	<ul style="list-style-type: none"> чурка (12), чур (1), чурбек (1), дочурка (1), чуркин (1), чурикова (1); хач (5), хачик / хачики (5), Хачатурян (1); кич (1), кач (1), трюкач (1), ловкач (1); чучмек (6), чебурек (5), царь горы (3), азер (2), фрукт / фрукты (2), урюк (2), овощ / овощи (2), баклажан (2), йети (2), чушка (1), барабек (1), варвар (1), варварство (1), унтерменш (1), нерусский (1), хохол (1); черномазый / черномазые (2), чернота (2), сажа (2), негр (1), чернильница (1), чернож*ый (1), кочерга (1); лицо кавказской национальности (1)
Идентичность (название лиц, выполняющих тяжелую работу и занимающих низкое социальное положение)	<ul style="list-style-type: none"> заробитчанин (5), заробитчанство (1), быдло (3)
Идентичность (наименование лиц, акцентирующее внимание на интеллекте)	<ul style="list-style-type: none"> наволочь (3), немощь (2), неуч (1), бахча (1), клюка (1)
	предметная метафора: <ul style="list-style-type: none"> чурбан (3), болванка (1), бревно (1), дрова (1), дерево (1), древесина (1), доска (1), щепка (1), деревяшка (1), пень (1), полено (1), буратино (1), обрубок (1), брусок (1), брус (1); мусор (5), вред (2), кран (2)
	зооморфная метафора: <ul style="list-style-type: none"> заяц (3), бычара (2), осел (2), звери (1), обезьяна (1), баран (1), аист (1)
Эпонимы и антропонимы	<ul style="list-style-type: none"> джамшут (5), равшан (3), джимми (2), наша раша (1); магомет (2), улугбек (2), казбек (1), арам (1), шварценеггер (1), гамлет (1); ролтон (2), доширак (1)

к мигрантам. Ранее метафора мира животных была доказана как самая востребованная среди респондентов. Зооморфная метафора составляла 44 % всех полученных метафорических характеристик на слово-стимул *мигрант* [Веснина 2010: 34]. Это объясняется тем, что метафора мира животных является «традиционной для осмысления объектов окружающего мира носителями русского языка» [Там же].

На данный момент в лексикографических источниках не зафиксирована возрастающая частотность ассоциатов, содержащих эмоционально-оценочный компонент. Ядро концепта *мигрант* составляют нейтральные, положительные и рациональные оценки, а на периферии находятся отрицательные, нормативные, эстетические, этические, теологические и сенсорные

оценки [Зубарева 2018b]. В нашем исследовании зафиксировано стремление к отрицательной оценке в системе ассоциатов в силу отсутствия ограничения спектра реакций и анонимности авторов народных ассоциативных словарей (при регистрации на сайте можно использовать псевдоним).

К парадигматическим ассоциациям примыкают тематические ассоциации. Слова-реакции из таблицы 1 могут дополнить таблицу 2, но они намеренно были исключены, чтобы информация в таблице 2 не была избыточной. Рассмотрев тематику отношений слов-реакций, можно выделить пятнадцать групп (табл. 2), из которых первые пять групп – объемные. Именно эти тематические группы имеют разветвленную организационную структуру.

Табл. 2. Тематический тип отношений актуализированных слов-реакций

Tab. 2. Thematic types of associations

Тематическая группа	Слова-реакции (частотность)
Сфера деятельности	<ul style="list-style-type: none"> • место или вид деятельности: стройка (9), строительство (2), конструкция (2), строительный объект (1), новостройка (1), овощебаза (2), рынок (2), лавка (1), рукоделие (1), базар (2), ТЦ (1), ремонт (7), жэк (2), двор (1), уборка (1), такси (4), маршрутка (5), стоянка (1), плантация (1); • инструмент и материал: кирпич (5), бетон (5), лопата (3), каска (1), весы (2), штукатурка (2), плитка (2), кафель (2), стеклопакет (2), шпатель (1), краска (1), асфальт (3), щебень (1), метла (3), керосин (2), хлопок (3), вата (2), снегоуборочная машина (1); • наименование профессии и должности: дворник / дворники (10), прораб (5), строитель / строители (9), грузчик (4), начальник (3), цирюльник (2), маляр (2), бомбила (2), водитель (1), плотник (1), воины (1); • наименование лица и объединения: рабочий (13), работник / работники (5), разнорабочий (3), чернорабочий (2), наемник (2), работяга (1), работодатель (1); • артель (2)
Причины	<ul style="list-style-type: none"> • численность (1), потомок (1); • негативные факторы: депортация (4), война (3), бегство (1), кризис (1), колонизация (1), рассеяние (1), страх (1), изгнание (1), преследование (1), смертность (1); • позитивные факторы: <ul style="list-style-type: none"> – гражданство (4), ПМЖ (2), жительство (2), привлечение (1), увеличение (1); – трудоустройство (2), заработки (2), удаленная работа (1), зарплата (1), халтура (1); – поездка (1), путешествие (1), командировка (1), выезд (1)
Географическая и национальная принадлежность	<ul style="list-style-type: none"> • Европа (1), Африка (1), Австралия (1), Бирюлёво (2), Таж-Махал (2), персидский (1), Амударья (1); • зарубежье (3), заграница (2); • юг (1); • село (2), поселок (1); • азиат (4), среднеазиат (2), монголоид (2), тюрки (1), москвич (1)
Перемещение	<ul style="list-style-type: none"> • территория: граница (6), таможня (3), кордон (1), место (1), проживание (1), шелковый путь (1), въезд (1); • транспорт: самолет (4), дорога (3), вокзал (2), поезд (2), машина (1), автобус (1), фургон (1); • багаж: чемодан (2), вещи (1), посылки (1)

Тематическая группа	Слова-реакции (частотность)
Материальное и социальное положение	<ul style="list-style-type: none"> • бедность (4), нищета (2), нужда (2), бедный (1); • безработные (2), дешевка (2), неквалифицированность (2), низкоквалифицированный (1); • беззащитность (2), трудность (1); • бездомный (1); • скинхеды (1)
Политика и экономика	<ul style="list-style-type: none"> • государство (5), диаспора (3), убежище (2), политическое убежище (1), безопасность (1), спасение (1), международное право (1), талибан¹⁵ (1), хан (1), бек (1), меньшинство (1), учет (1), конвенция (1), СНГ (1), метрополия (1)
Кухня	<ul style="list-style-type: none"> • еда (4), плов (6), шурпа (3), хычин (1), аджика (1), дыня (2), арбуз (2), лаваш (1), инжир (1), черешня (1), лагман (1), хлеб (1), лепешка (1), хачапури (1), орехи (1), халва (1), приправы (1), пахлава (1), кувшин (2), казан (2), тандыр (1), гриль (1), чай (1), дегустация (1)
Документы и положение	<ul style="list-style-type: none"> • виза (8), паспорт (4), контракт (1), документы (1); • регистрация (9), квота (2), патент (1), статус (1), апатрид (1), грант (1), попечение (1), депозит (1); • экзамен (1)
Жилье	<ul style="list-style-type: none"> • прописка (7), квартира (3), чердак (3), жилье (1), дом (1), приют (1), лагерь (1), гостиница (1), постройка (1)
Изменения и чувства, связанные с ним	<ul style="list-style-type: none"> • новая жизнь (3), жизнь (2), жить (2), качество (2), исход (1), мечта (1); • ностальгия (2), тепло (1)
Внешность и качества	<ul style="list-style-type: none"> • бровь / брови (4), темнокожий (1), узкоглазый (1), улыбка (1), косички (1); • жадность (2), тупость (1), хитрость (1), аляповатость (1), одинаковость (1), акцент (1), молчун (1)
Одежда и другие артефакты	<ul style="list-style-type: none"> • халат (3), тубетейка (3), национальный костюм (1), сомони (1), мокасины (1), кинжал (1), варган (1), девятка (1), узор (1)
Интеграция	<ul style="list-style-type: none"> • мультикультурализм (3), культура (2), культурный шок (1), культурный обмен (1), смешение (1)
Религия и язык	<ul style="list-style-type: none"> • мусульманин (2), ислам (1), шайтан (1); • язык (1), фарси (1), диалект (1)

Тематическая группа *сфера деятельности* включает несколько подгрупп и содержит нейтральную и разговорную лексику: *чернорабочий, овощебаза, лопата* и т. д. Последнюю группу можно разделить по семантическому основанию на денотативные слова-реакции по соотносительности с местом работы мигрантов и виду деятельности; инструментом и материалом; наименованием профессии и должности; наименованием лица и объединения (табл. 2 – группа *сфера деятельности*). Исходя из семантики ассоциатов, можно сделать вывод, что под мигрантами понимаются лица, задействованные на низкоквалифицированной работе и / или занимающиеся физическим трудом.

Помимо этого, в языковом сознании носителей русского языка актуализируется тема нарушения закона. В исследовании С. Л. Кушнерук, изучающей проблему дискурсивной репрезентации трудовой миграции в российском телеграм-дискурсе, макрофрейм *закон и порядок* активизируется на высшем уровне генерализации смыслов и способствует тиражированию резко негативного образа трудового мигранта [Kushneruk 2024]. В смоделированном нами ассоциативно-вербальном поле преобладают слова, обозначающие преступников (*преступник, нарушитель, нелегал, беглец, беглянка, террорист*) или наименования преступлений (*побег, теракт, рабство*). Слово *рабство* относится

¹⁵ Организация признана террористической и запрещена на территории РФ. Решение Верховного Суда РФ № ГКПИ 03-116 от 14.02.2003. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 05.07.2024).

к преступлению, совершаемому против мигрантов, тогда как остальные слова указывают на действия, которые потенциально могут совершить мигранты. В отдельную группу слов-реакций можно выделить арготизмы наркобизнеса, вероятно, потому что незаконная миграция является фактором ухудшения наркоситуации в России [Багреева, Куцев 2023]: *купец* [Данилин 2003], *растаман*¹⁴, *ромашка*¹⁵.

Тематическая группа *причины* содержит разнообразную подборку слов-реакций. Мы разделили данную группу на две подгруппы: негативные и позитивные факторы. Последние, в свою очередь, направлены на смену места жительства: *гражданство, ПМЖ, жительство*; на работу: *трудоустройство, заработки, удаленная работа, зарплата*; на путешествия: *поездка, командировка*. Тесно связана с данной группой другая тематическая группа – *перемещение*, в которую вошли ассоциаты, описывающие территорию, транспорт и багаж.

Группа *географическая и национальная принадлежность* содержит наиболее частотные слова: *таджик, узбек, киргиз*. В основном данная группа включает наименование постсоветских стран, их граждан и городов.

Особый интерес представляют группы эпонимов, а точнее, антропонимов: *Хачик* [Быкова 1998: 130] – уменьшительный вариант от армянского мужского имени; *Равшан и Джамшут* – имена персонажей-гастарбайтеров из телепередачи «Наша Russia» [Борисов 2012: 135; Исхаков и др. 2015: 38], которые стали нарицательными именами, обозначающими пренебрежительное, уничижительное обращение к представителям народов Кавказа и Средней Азии. Можно предположить, что мужские имена *Улугбек и Казбек*, имеющие тюркское происхождение, и *Джимми* – прозвище героя видеоролика Баймурата Аллабердиева¹⁶ – могут стать нарицательными, т. е. являются частотными ассоциатами к словам-стимулам *мигрант* и *гастарбайтер* и написаны не с прописной, а со строчной буквы. В эту же группу, вероятно, можно включить фамилию *Шварценеггер*, если интерпретировать историю успеха Арнольда Шварценеггера, эмигрировавшего в США и достигшего высокого уровня в разных сферах, как положительный пример успеха мигранта.

В результате анализа были определены такие характеристики миграции, как преимущественно трудовая, вынужденная и незаконная. Присутствуют наименования лиц по профессии, места и вида деятельности; указываются причины миграции; наблюдается криминализация образа мигранта.

Обсуждение

Анализ широкого набора языковых единиц доказал коммуникативную релевантность концепта *мигрант* для российского общества, выявил национально-культурную специфику и ценностные представления о мигрантах в языковом сознании носителей русского языка. Под мигрантами в основном подразумеваются люди из постсоветских стран (Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Армения, Азербайджан, Украина), приехавшие на заработки в Россию. Реже имеются в виду россияне, мигрировавшие в другие страны.

Наиболее зримое принятие российским обществом ценностей представителей других стран прослеживается в словах-реакциях, именующих предметно воплощенные ценности, например национальные блюда: *плов, шурпа, хычин, аджика, лаваш, лагман*; предметы одежды: *тюбетейка, сомони*. Также наличие среди ассоциатов таких терминов межкультурной коммуникации, как *мультикультурализм, интеграция, адаптация, ассимиляция, культурный обмен*, свидетельствует о толерантности в ценностной системе носителей русского языка. Однако в результате анализа выделены отрицательные ассоциации-оценки, которые преобладают. Они распределены по тематическим группам *нарушение закона, материальное и социальное положение, внешность и качества*. Наблюдается разнообразная палитра оттенков эмоционально-экспрессивной окраски: пренебрежительное и уничижительное, фамильярное и вульгарное наименование лиц по их этнической принадлежности или отрицательное метафорическое обозначение мигрантов с использованием предметной и зооморфной метафоры.

Единичные ассоциаты не были связаны со словом-стимулом семантически или имели много значений, поэтому нам не удалось определить тип семантических отношений между словом-стимулом *мигрант*

¹⁴ Растаман. *Помощь здесь*. URL: <https://pomoshzdes.ru/rastaman/> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁵ Памятка родителям о современных наркотиках. *Городская больница Эжвинского района г. Сыктывкара*. URL: <https://gberkomi.ru/ramyatka-roditelyam-o-sovremennyyh-n> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁶ Из охранника в актеры: как уроженец Курган-Тюбе стал Таджикином Джимми. 20.03.2018. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20180320/tadizhk-dzhimmi-migrant-tajikistan-1025053451.html> (дата обращения: 01.08.2024).

и следующими реакциями: *одноклассник* (2), *каменный цветок* (2), *мимо* (1), *земля* (1), *глобус* (1), *снег* (1), *колода* (1), *сказка* (1), *Терция* (1). Наличие трудно интерпретируемых или неинтерпретируемых ассоциатов доказывает, что ассоциативно-вербальное поле *мигрант* является неоднородным и многослойным образованием и представляет собой незамкнутую систему. В нее могут входить как типичные, так и субъективные слова-реакции.

Заключение

Анализ народных ассоциативных словарей позволил выявить содержательные изменения в ассоциативно-вербальном поле *мигрант*. Выявлена асимметрия эмоционально-оценочных единиц и численное преобладание слов-реакций негативной семантики. В языковом сознании современного носителя русского языка актуализируется компонент *чужой* дихотомии *свой – чужой*. Это доказывается использованием таких номинаций концепта *мигрант*, как *приезжие* и *иностранцы*. Разнообразие тематических групп указывает на разветвленную структуру ассоциативно-вербального поля и определяет приоритетные компоненты в восприятии семантики слова *мигрант* в языковом сознании носителей русского языка. Разнообразие тематических групп свидетельствует об их лингвокультурологической значимости. Отмечается представленность следующих тематических групп: причины миграции, сфера деятельности мигрантов и нарушение закона.

Состав тематических групп использован нами для экспликации знаний усредненного носителя русского языка об актуальных проблемах мигрантов: вынужденная миграция, отрицательное отношение к мигрантам, низкая квалификация трудовых мигрантов. Подводя итог, отметим перспективность моделирования ассоциативно-вербального поля *мигрант* с целью выявления доминирующих смысловых опор и объемного представления аспектов семантики слова *мигрант* в обыденной лексикографии.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00134 «Индикаторы конфликтности межкультурного взаимодействия в цифровой текстuality Telegram», <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00134: Indicators of the conflictogenicity of intercultural interaction in the digital textuality of Telegram, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00134/>

Литература / References

- Багреева Е. Г., Куцев В. В. Незаконная миграция как фактор распространения наркотических средств. *Вопросы безопасности*. 2023. № 2. С. 57–67. [Bagreeva E. G., Kutsev V. V. On the issue of mobilizing citizens to preserve traditional values. *Security Issues*, 2023, (2): 57–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2023.2.43456>
- Белянин В. П. Психоллингвистика. М.: Флинта, 2007. 232 с. [Belyanin V. P. *Psycholinguistics*. Moscow: Flinta, 2007, 232. (In Russ.)]
- Борисов В. С. Привлечение иностранной рабочей силы в Россию: золотая середина. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2012. № 1. С. 134–136. [Borisov V. S. Attracting foreign labor force to Russia: the golden mean. *The Caspian region: Politics, Economics, Culture*, 2012, (1): 134–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/penutd>
- Букова М. И., Порхачев И. И. Стигма и норма: три дискурса «лица кавказской национальности» в России. *Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI века: опыт и перспективы*: V Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 30 ноября – 2 декабря 2015 г.) Красноярск: СФУ, 2016. С. 176–181. [Bukova M. I., Porkhachev I. I. Stigma and norm: Three discourses of people from the Caucasus in Russia. *Specifics of ethnic migration processes on the territory of Central Siberia in XX–XXI centuries: Experience and prospects*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf., Krasnoyarsk, 30 Nov – 2 Dec 2015. Krasnoyarsk: SFU, 2016, 176–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfysyn>
- Быкова Г. В. Внутриязыковая лакунарность в лексической системе русского языка. Благовещенск: БГПУ, 1998. 217 с. [Bykova G. V. *Intra-linguistic lacunarity in the lexical system of the Russian language*. Blagoveshchensk: BSPU, 1998, 217. (In Russ.)]

- Веснина Л. Е. Метафорическое представление миграции в реакциях свободного ассоциативного эксперимента. *Лингвокультурология*. 2010. № 4. С. 31–47. [Vesnina L. E. Metaphorical representation of migration in replies in free associative experiment. *Lingvokulturologiia*, 2010, (4): 31–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puwuyj>
- Ворошилова М. Б. «Народный ассоциативный словарь» как инструмент анализа неформальной политической коммуникации. *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2018. № 2. С. 115–123. [Voroshilova M. B. "People's associative dictionary" as a tool for informal political communication analysis. *Uralskiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa*, 2018, (2): 115–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uoizdo>
- Голев Н. Д., Ким Л. Г., Стеванович С. В. Разноязычный словарь как отражение славянского ментально-языкового единства и межкультурных различий. *Русин*. 2015. № 3. С. 39–54. [Golev N. D., Kim L. G., Stevanovich S. V. A multilingual dictionary as a reflection of Slavic mental-linguistic unity and cross cultural differences. *Rusin*, 2015, (3): 39–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18572685/41/3>
- Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков-М.: РА-Каравелла, 2001. 320 с. [Goroshko E. I. *Integrative model of free associative experiment*. Kharkov-Moscow: RA-Karavella, 2001, 320. (In Russ.)] URL: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?ID=38> (accessed 1 Aug 2024).
- Данилин А. Г. LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости. М.: Центрполиграф, 2003. 520 с. [Danilin A. G. *LSD. Hallucinogens, psychedelia, and addiction*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2003, 520. (In Russ.)]
- Дебрэнн М., Фомель К. С. Психолингвистический ассоциативный эксперимент для изучения отношения французских и российских студентов к интернационализации высшего образования. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. Т. 17. № 2. С. 124–134. [Debrenne M., Fomel K. S. Psycholinguistic study of the attitude of French and Russian students to internationalization in higher education. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, 17(2): 124–134. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-2-124-134>
- Доценко Т. И. Влияние экспериментальной ситуации на процесс и характер ассоциирования. *XXVII межвузовская научно-методическая конференция преподавателей и аспирантов. Вып. 13. Секция общего языкознания*. (Санкт-Петербург, 16–22 марта 1998 г.) СПб.: СПбГУ, 1998. С. 57–62. [Dotsenko T. I. Effect of the experimental situation on the process and character of association. *Proceedings of XXVII interuniversity scientific-methodical conference of teachers and graduate students. Iss. 13. Section of General Linguistics*, St. Petersburg, 16–22 Mar 1998. St. Petersburg: SPbSU, 1998, 57–62. (In Russ.)]
- Зубарева Е. О. Концепт «мигрант» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента). *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2018а. Т. 4. № 4. С. 29–41. [Zubareva E. O. Concept "Migrant" in migration discourse (on the material of a free associative experiment). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2018а, 4(4): 29–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-4>
- Зубарева Е. О. Оценочный компонент концепта «мигрант». *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2018б. Т. 4. № 4. С. 27–35. [Zubareva E. O. The evaluation component of the "Migrant" concept. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2018b, 4(4): 27–35. (In Russ.)] https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_4_27_35
- Исхаков Р. Л., Старостин А. Н., Шадрин Н. В. Освещение трудовой миграции в российских средствах массовой информации (образ гастарбайтера в ленте информационных агентств). *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2015. Т. 135. № 1. С. 33–49. [Iskhakov R. L., Starostin A. N., Shadrina N. V. The coverage of the migrant workers in the Russian media. *Izvestiia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kultury*, 2015, 135(1): 33–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlocdp>
- Касаткина Н. Н. Свободный ассоциативный эксперимент лексемы «мигрант» как показатель роста intolerance среди учащихся. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 1-2. С. 132–134. [Kasatkina N. N. A free associative experiment of the lexeme "migrant" as an indicator of the growth of intolerance among students. *Philology. Theory & Practice*, 2016, (1-2): 132–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcvqqn>
- Клименко А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Мн.: МПИИЯ, 1974. 108 с. [Klimentenko A. P. *Lexical systematicity and its psycholinguistic study*. Minsk: MPIFL, 1974, 108. (In Russ.)]

- Комарова Е. В. Концепт «Мигрант» и его языковая реализация в современной британской прессе. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 18. С. 168–178. [Komarova E. V. The concept "migrant" in the British periodical publications and its linguistic characteristics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, (18): 168–178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jdyez1>
- Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах. *Словарь ассоциативных норм русского языка*, ред. А. А. Леонтьев. М.: МГУ, 1977. С. 5–16. [Leontiev A. A. General information about associations and associative norms. *Dictionary of associative norms of the Russian language*, ed. Leontiev A. A. Moscow: MSU, 1977, 5–16. (In Russ.)]
- Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979. 320 с. [Luria A. R. *Language and consciousness*. Moscow: MSU, 1979, 320. (In Russ.)]
- Мартинovich Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле. *Вопросы психологии*. 1990. № 2. С. 143–147. [Martinovich G. A. Types of verbal connections and relations in the associative field. *Voprosy Psikhologii*, 1990, (2): 143–147. (In Russ.)]
- Савченко А. В. Лексико-семантические украинизмы в русском языке: стилистико-прагматический аспект. *Коммуникативные исследования*. 2019. Т. 6. № 4. С. 1105–1124. [Savchenko A. V. Lexico-semantic Ukrainisms in Russian: Stylistic and pragmatic aspect. *Communication Studies*, 2019, 6(4): 1105–1124. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2019.6\(4\).1105-1124](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2019.6(4).1105-1124)
- Сагирян И. Г., Кузина С. И., Краснова Е. А. Лексема «гастарбайтер» как средство унижения чести и достоинства личности. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2021. № 10. С. 90–93. [Sagiryan I. G., Kuzina S. I., Krasnova E. A. Lexeme gastarbaiter as a means of humiliation of honor and dignity. *Science and education: Economy and economics; entrepreneurship; law and governance*, 2021, (10): 90–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mlgoxf>
- Серкин В. П. Решение задачи о случайности / неслучайности ассоциаций: критерий оценки и валидный набор ассоциаций. *Психологическая диагностика*. 2009. № 4. С. 22–31. [Serkin V. P. Solving the randomness / non-randomness problem of the number of group association: Assessment criterion and valid set of associations. *Psikhologicheskaja diagnostika*, 2009, (4): 22–31. (In Russ.)]
- Соколова Т. В. К проблеме описания ассоциативного тезауруса ребенка. *Говор: альманах*. 1996. № 3. С. 108–110. [Sokolova T. V. The problem of describing a child's associative thesaurus. *Govor: almanakh*, 1996, (3): 108–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyvwxw>
- Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов. *Вопросы психолингвистики*. 2020. № 3. С. 110–125. [Sternin I. A. Interpretation problems of associative experiments. *Journal of Psycholinguistics*, 2020, (3): 110–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125>
- Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских. *Языковое сознание: формирование и функционирование*, отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯз РАН, 1998. С. 135–170. [Ufimtseva N. V. Ethnic character, self image and language consciousness Russian. *Language consciousness: Formation and functioning*, ed. Ufimtseva N. V. Moscow: IL RAS, 1998, 135–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swzfyf>
- Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: ИЯз РАН, 2011. 251 с. [Ufimtseva N. V. *Language consciousness: Dynamics and variability*. Moscow: IL RAS, 2011, 251. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwtftn>
- Шустова С. В. Языковая репрезентация социальных агентов в миграционном дискурсе. *Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков*. 2022. Т. 16. № 1. С. 91–98. [Shustova S. V. Linguistic representation of social agents in migration discourse. *Topical issues of philology and methods of foreign language teaching*, 2022, 16(1): 91–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/weurnl>
- Шустова С. В., Зубарева Е. О., Хорошева Н. В. «Дети-мигранты» как социальные агенты миграционного дискурса. In: Шустова С. В., Зубарева Е. О., Хорошева Н. В., Костева В. М., Мощанская Е. Ю., Киндеркнехт А. С., Кёк Й. *Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика*. Пермь: ПГНИУ, 2020а. С. 5–35. [Shustova S. V., Zubareva E. O., Khorosheva N. V. Migrant children as social agents of migration discourse. In: Shustova S. V., Zubareva E. O., Khorosheva N. V., Kosteva V. M., Moshchanskaya E. Y., Kinderknecht A. S., Köck J. *Migration linguistics in the modern scientific paradigm: Discursive practices, translation, and didactics*. Perm: PSU, 2020a, 5–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kkzenq>

- Шустова С. В., Зубарева Е. О., Хорошева Н. В., Костева В. М., Мощанская Е. Ю., Киндеркнехт А. С., Кёк Й. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика. Пермь: ПГНИУ, 2020b. 180 с. [Shustova S. V., Zubareva E. O., Khorosheva N. V., Kosteva V. M., Moshchanskaya E. Yu., Kinderknekht A. S., Köck J. *Migration linguistics in the modern scientific paradigm: Discursive practices, translation, and didactics*. Perm: PSU, 2020b, 180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ahycue>
- Шустова С. В., Красноборова Л. А. Концепт «родители-мигранты» в языковом сознании носителей русского языка (на материале свободного ассоциативного эксперимента). *Язык и культура*. 2020. № 51. С. 106–118. [Shustova S. V., Krasnoborova L. A. Concept of "Migrant Parents" in the language consciousness of the Russian language carriers (on the material of a free associative experiment). *Yazyk i kultura*, 2020, (51): 106–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19996195/51/5>
- Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 254 с. [Shchur G. S. *Field theory in linguistics*. Moscow: Nauka, 1974, 254. (In Russ.)]
- Юмагузин В. В., Винник М. В. Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2023. № 1. С. 48–64. [Yumaguzin V. V., Vinnik M. V. Long-term forecast of the replacement migration in Russia. *Journal of the New Economic Association*, (1): 48–64. (In Russ.)] https://doi.org/10.31737/22212264_2023_1_48
- Kushneruk S. L. Framing labour migration as a social problem on Russian Telegram. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2024, 10(1): 31–46. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2024-10-1-0-3>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/plaeuv>

Синонимия и копионимия текстов в аспекте категорий *тождество – сходство – различие*

Дударева Яна Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7934-3613

<https://orcid.org/0000-0003-4326-3305>

Scopus Author ID: 58066771800

dudareva-yana@yandex.ru

Аннотация: Проблема изучения сходства текстов является актуальной для современной лингвистики, поскольку позволяет представить синонимические отношения на самом высоком и сложном языковом уровне – синтаксическом, в том числе для юридической лингвистики – междисциплинарного направления, ориентированного на решение реально возникающих спорных ситуаций. Практическая потребность, связанная с производством сравнительно-сопоставительных исследований текстов с целью выявления сходства и различия между ними, приводит в прикладном аспекте к разработке новых методик и оформлению нового вида экспертных исследований – судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности. Цель статьи – показать, как формальное и содержательное сходство между текстами приводит к их сходству в лингвоперсонологическом аспекте. В соответствии с методическими подходами, используемыми лингвистами-экспертами при проведении сравнительно-сопоставительных исследований объектов интеллектуальной собственности, было изучено пять текстов, имеющих близкие наименования и функционирующих в интернет-пространстве как материалы разных блогеров. Установлено, что планы содержания текстов имеют существенное сходство, а планы выражения – тождественные компоненты и несущественные дифференциальные. Языковое сходство текстов приводит к лингвоперсонологической нейтрализации авторов этих текстов. Явление существенного сходства текстов в формальном и содержательном планах, сопровождающееся лингвоперсонологической нейтрализацией (то есть неразличением) их авторов, мы предложили называть копионимией.

Ключевые слова: синонимия, лингвоперсонология, лингвоэкспертология, сходство текстов, сравнение речевых произведений, объекты интеллектуальной собственности

Цитирование: Дударева Я. А. Синонимия и копионимия текстов в аспекте категорий *тождество – сходство – различие*. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 73–84. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-73-84>

Поступила в редакцию 30.11.2024. Принята после рецензирования 27.01.2025. Принята в печать 27.01.2025.

full article

Textual Synonymy and Copyonymy from the Perspective *of Identity – Similarity – Difference*

Yana A. Dudareva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7934-3613

<https://orcid.org/0000-0003-4326-3305>

Scopus Author ID: 58066771800

dudareva-yana@yandex.ru

Abstract: Contemporary comparative studies present synonymous relations between texts at the highest and most complex linguistic level of syntax. This approach is especially important in legal linguistics, an interdisciplinary direction that focuses on resolving real-life disputes. The practical need for new comparative and contrastive methods yields a new type of expert research, i.e., forensic examination of intellectual property. Formal and substantive

similarity between texts leads to their similarity in the aspect of linguistic personality. The research featured five texts analyzed in line with the contemporary methods applied by linguistic experts to comparative and contrastive copyright studies. The texts had similar names but belonged to different internet bloggers. The contents demonstrated significant similarity, with almost identical formal components and minor differences. So great was the linguistic similarity that it neutralized the linguistic personality of the authors. The authors proposed *copyonymy* as a term for this phenomenon: texts that are so similar in form and content that the linguistic personalities of their authors disappear.

Keywords: synonymy, linguistic personality, linguistic expertise, similarity of texts, comparison of speech products, intellectual property

Citation: Dudareva Ya. A. Textual Synonymy and Copyonymy from the Perspective of *Identity – Similarity – Difference*. *SibScript*, 2025, 27(1): 73–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-73-84>

Received 30 Nov 2024. Accepted after peer review 27 Jan 2025. Accepted for publication 27 Jan 2025.

Введение

Категория сходства текстов в силу своего существования включена в парадигму *тождество – сходство – различие*, члены которой связаны разными соотношениями означающего и означаемого, описанными Ф. де Соссюром. Изучение сходства языковых единиц на разных уровнях не перестает быть актуальным. В связи с тем что лингвисты многие годы основное внимание уделяли сходству между лексическими единицами, значимость приобретает рассмотрение синтаксического уровня, особенно текстов. Об актуальности изучения сходства текстов свидетельствует появление нового направления экспертных исследований – судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности [Савенко 2020; Смирнова и др. 2018]. В рамках данного направления выделяется широкий круг вопросов по сопоставлению лексических единиц, являющихся наименованиями, сравнению речевых произведений между собой с целью обнаружения полного и частичного сходства, тождества и различия. Для проведения сравнительных исследований необходимы новые методики, предназначенные для работы с материалами разного типа.

Цель статьи – показать, как формальное и содержательное сходство между текстами приводит к их сходству в лингвоперсоналогическом аспекте.

Синонимия синтаксических конструкций.

Изучение синонимии текстов

Категория сходства на грамматическом уровне впервые была описана А. М. Пешковским через понятие *грамматические синонимы* – «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу» [Пешковский 1927: 56]. Ученым была представлена классификация морфологических

синонимичных форм, состоящая из 4 групп: «1) сыра – сыру, 2) в лесе – в лесу, в крови – в крови, 3) аптекари – аптекаря, 4) добрый – добр» [Там же], и классификация «важнейших разрядов синтаксических синонимов» [Там же: 57], состоящая более чем из 30 пар, включающих предложные и беспредложные сочетания, глагол и деепричастие, повелительное наклонение без местоимения и с ним и т. д. Изменение порядка слов внутри одного и того же предложения А. М. Пешковский также рассматривал как способ образования синтаксических синонимов. Поскольку исследователь ставил целью своей работы описание синонимического богатства грамматических конструкций русского языка, а не теоретическое обоснование каждого из видов синонимов и их разграничение от смежных явлений, мы видим весьма широкое авторское представление о грамматическом проявлении синонимии.

На основе многочисленных концепций (А. Н. Гвоздев, И. И. Ковтунова, Н. М. Меделец, Е. Н. Морозова, В. П. Сухотин и др.) можно выделить три подхода к синтаксической синонимии. Первая точка зрения основана на тождестве общесмыслового значения, одинаковости содержания синтаксических синонимов. Например, Е. М. Галкина-Федорук иллюстрирует примерами *отцовский дом – дом отца, человек с кривым носом – кривоносый человек* синтаксические синонимы с тождественным общесмысловым значением [по: Жилин 1974: 8]. Согласно второму подходу, критерием синонимичности синтаксических конструкций является сходство грамматического значения и структурная близость. Такую формулировку использовала В. Н. Ярцева, выступавшая против включения критерия взаимозаменяемости «в качестве одного из показателей синонимичности синтаксических

единиц» [Жилин 1974: 12]. Третий вариант концепции синтаксической синонимии является комплексным. Так, И. М. Жилин сформулировал пять критериев синонимичности синтаксических моделей, первый из которых – «возможность взаимозаменяемости синтаксических моделей в одинаковом синтаксическом окружении» [Там же] – обозначен как самый важный. Дискуссионность вопроса о критериях синтаксических синонимов сохраняется и в современной лингвистике. А. П. Чуланова признает модели сходства синтаксических конструкций на основе их морфологического и словообразовательного варьирования «альтернативными, но не синонимичными, поскольку дифференциальные признаки моделей всегда релевантны в отношении синтаксиса» [Чуланова 2009: 27].

В. П. Белошапкина обращает внимание на явление синтаксической синонимии. Исследователь, описывая различительные признаки синтаксических единиц, отмечает случаи, когда по своему вещественному содержанию словосочетание, простое предложение и сложное предложение совпадают, а различия между синтаксическими единицами оказываются лишь грамматическими. П. В. Чесноковым представлена классификация синтаксических синонимов как гносеологических и онтологических. Н. А. Дзюба, разделяя и развивая идеи названных исследователей, считает, что «предложение и словосочетание, отражающие один и тот же факт действительности, по отношению друг к другу выступают в качестве онтологических синонимов» [Дзюба 2007: 104], предложения со сходным значением «являются одновременно и онтологическими синонимами и гносеологическими» [Там же], а словосочетания могут являться одновременно гносеологическими и онтологическими синонимами или только онтологическими синонимами по отношению друг к другу.

Как видим, долгое время научная дискуссия, связанная с поиском критериев, которые могут применяться для квалификации синтаксических конструкций как синонимичных, велась на материале словосочетаний и простых предложений, но не на уровне текстов. Также представляются весьма значимыми идеи об исследованиях, посвященных иным, помимо синонимичных, видам отношений в парадигме *тождество – сходство – различие* между синтаксическими единицами. Так, Н. Б. Кошкаревой проведено последовательное сопоставление лексемы и элементарного простого предложения как языковых единиц, в ходе которого был описан двусторонний

характер синтаксической единицы: «Планом выражения ЭПП [элементарного простого предложения] служит структурная схема... Планом содержания ЭПП является пропозиция» [Кошкарева 2012: 165]. Исследователь установил, что в силу семантической деривации по одной и той же структурной схеме могут быть образованы разнообразные синтаксические единицы. Рассмотрев отношения тождества, сходства и различия между элементарными простыми предложениями как единицами языка, а не единицами речи, как это традиционно было принято в лингвистике, Н. Б. Кошкарева сформулировала вывод о возможности «использования понятийно-терминологической системы лексической семантики» для описания системных отношений «на синтаксическом уровне языка – полисемия, синонимия, антонимия, омонимия синтаксических единиц» [Там же: 164].

К настоящему времени целенаправленному изучению синонимии на текстовом уровне посвящено не так много трудов, но при этом имеется широкий круг работ, в которых сходные тексты являются объектами исследований, проведенных на различном языковом материале в русле деривационного функционирования текстов и их вариативно-интерпретационного варьирования [Голев, Ким 2023; Дударева 2022; Ким 2023; Савельева, Мельник 2024; Шпильная 2022]. Новым и весьма перспективным научным направлением является сопоставление употребления терминов и их интерпретаций в разных коммуникативных ситуациях [Каменева и др. 2023]. Предпринимаемое исследование позволяет рассмотреть явление синонимии и смежные с ним на уровне дискурса.

Согласно концепции А. А. Белоноговой, работы которой посвящены текстовой синонимии, «тексты, имеющие в основе один и тот же текст-компакт, могут рассматриваться как тексты-синонимы» [Белоногова 2007: 4]. Используемый термин *текст-компакт* близок к описанным Л. В. Сахарным текстам-примитивам. Тексты-компаکتы продуцируются языковыми личностями и потому могут представлять собой разные слова и словосочетания. На основе анализа результатов экспериментов исследователь продемонстрировал, что сходство текстов-компактов дает возможность установить степень синонимичности исходного текста и переводного.

А. С. Кузнецова представила оригинальную идею выделения синонимичных групп персонотекстов в соответствии с моделями реагирования (вступления в диалог) при продуцировании интернет-комментария как вторичного текста [Кузнецова 2016].

Деривация текста и явление копионимии

Н. Д. Голев и Н. В. Сайкова, описывая общую концепцию порождения вторичных текстов, отмечают, что «производство вторичных текстов имеет деривационный характер по той причине, что в его основе лежат процедуры свертывания и развертывания» [Голев, Сайкова 2001: 22]. В связи с тем что процесс продуцирования вторичного текста может затрагивать как поверхностный, так и глубинный уровень текста-основы, исследователи классифицируют вторичные тексты по степени деривационности. Лингвисты при объяснении механизма продуцирования вторичных текстов по результатам проведенных экспериментов выделяют особый вид текстов почти «с нулевым новым означаемым» [Там же: 23] и характеризуют их как написанные языковой личностью копиального типа, деперсонализированной, т. е. «слабо проявившей себя в языковом плане при текстопорождении» [Мельник, Богачанова 2015: 140]. «Вторичные тексты с доминированием воспроизводства» [Голев, Сайкова 2001: 23] наименее информативны с точки зрения лингвоперсонологической проявленности, но представляют наибольший исследовательский интерес при рассмотрении ситуаций, связанных с их одновременным функционированием в общем коммуникативном пространстве. В теоретическом плане является значимым, что исследования механизмов деривации текста выполняются на стыке с лингвоперсонологией, вследствие чего на основе категорий *тождество – сходство – различие* описываются модели текстопорождения (семасиологическая и ономасиологическая модели) и лингвоперсонологическое варьирование вторичных текстов.

Так, весьма показательными являются результаты эксперимента, описанного Н. В. Мельник и Т. Д. Богачановой. Помимо традиционного для подобного типа исследований этапа, связанного с написанием вторичного текста, был проведен второй этап, в ходе которого устанавливалось авторство каждого из полученных текстов. В результате получилось описать проявление тенденций к персонализации и деперсонализации языковых личностей и представить их новую типологию: персонализированной / деперсонализированной при порождении текста, персонализирующей / деперсонализирующей при текстовосприятии [Мельник, Богачанова 2015].

Вторичные тексты, которые создают персонализированные и деперсонализированные языковые личности, строятся на разных моделях. С. В. Ионовой описаны две модели построения вторичных текстов.

Первая модель включает «процессы вторичной концептуализации ситуации, отраженной в тексте-прототипе (как референта производного текста), и вторичной репрезентации ее значимых компонентов (образования проекции текста)» [Ионова 2006: 73]. Результатом этих этапов является вторичный текст как «новое речевое произведение» [Там же]. Вторая модель основывается «на механизмах субституции и транспозиции – значимых подстановках и перестановках элементов содержания текста» [Там же].

Персонализированная языковая личность создает вторичный текст на основе процессов концептуализации и репрезентации компонентов ситуации, в результате чего возникает вторичный (производный) текст, отличающийся от своего прототипа качественным изменением лексико-деривационной структуры. Как отмечает Ю. В. Трубникова, такое качественное изменение структуры исходного текста во вторичном связано с появлением текстообразовательного форманта, благодаря которому происходит приращение смысла и формы [Трубникова 2011]. Деперсонализированная языковая личность продуцирует вторичный текст на основе субституции и транспозиции, вследствие чего возникают тексты-варианты с минимальными трансформациями структуры исходного текста, тексты копиального типа (тексты-копии) [Сайкова 2003], копиальные тексты [Голев и др. 2004], тексты-клоны [Бельская 2014; 2015].

Копионимия текстов рассматривается нами как явление существенного сходства текстов, при котором возникает лингвоперсонологическая нейтрализация языковых личностей, создавших эти тексты. Существенность сходства текстов проявляется в совпадении их тематики, композиции, фактологической информации, модальности. Наличие перечисленного сходства выявляется путем сопоставления текстов и обнаружения в них тождественных, частично сходных и различающихся компонентов. Копионимия текстов отличается от синонимии текстов эффектом лингвоперсонологической нейтрализации автора как языковой личности, возникающей при текстовосприятии. Если на этапе текстопорождения языковая личность была деперсонализированной, то на этапе текстовосприятия неизбежно явление лингвоперсонологической нейтрализации, т. е. невозможности идентификации автора по его тексту.

Знаковая природа текста позволяет рассматривать сходство текстов в качестве явления, обусловленного асимметрией языкового знака. Изучение сходства текстов в современной лингвистике осуществляется

в рамках описания его деривационного функционирования и лингвоперсоналогического варьирования. На основе существующих моделей образования вторичных текстов, высказанных идей о классификации вторичных текстов по шкале их деривационности, а также описанных типов проявления языковой личности в процессе создания вторичного текста можно сформулировать, как осуществляется переход от тождественных текстов к текстам, имеющим между собой существенное сходство, и далее к текстам, у которых различие достигает такого предела, в результате которого образуется новый текст. Вторичные тексты, степень деривационности которых приближена к нулю, создаются деперсонализированными языковыми личностями, использующими механизм субституции и транспозиции. В результате продуцируются копиальные тексты. Персонализация языковой личности приводит к созданию вторичного текста на основе механизма концептуализации и репрезентации, вследствие чего возникает такой вторичный текст, который хоть и сохраняет связи со своим прототипом, но уже представляет собой новое речевое произведение.

Методы и материалы

В открытом доступе в Интернете по запросу «5 шагов после погашения ипотеки» было обнаружено 5 аудиовизуальных произведений со сходным названием. Материалы размещены на разных ресурсах как короткие видео разных блогеров. Тексты, представленные на каждом из видео, стали материалом для проведения сравнительно-сопоставительного анализа: текст 1 – 5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки¹; текст 2 – Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки²; текст 3 – 5 шагов после погашения ипотеки³; текст 4 – 5 вещей которые необходимо сделать после закрытия ипотеки, а то могут быть проблемы⁴; текст 5 – точное название неизвестно⁵.

Методики определения сходства текстов, используемые в судебной экспертизе

В лингвоэкспертологии явление сходства текстов получило осмысление как в теоретическом, так и в методическом аспектах. В судебно-экспертной деятельности Минюста России появилось новое направление – «судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности», а перечень экспертных специальностей дополнился пунктом 29.1 – Исследование продуктов интеллектуальной собственности⁶. В рамках названного направления рассматриваются вопросы об установлении полного или частичного сходства, тождества или различия между коммерческими обозначениями, товарными знаками, различными произведениями. Многочисленные спорные ситуации, связанные с рассмотрением дел о плагиате (в научной среде, сфере политики, рекламы и шоу-бизнеса, блогосфере и т. п.), вызвали необходимость разграничения компетенций эксперта-лингвиста и эксперта-автороведа и привлечения «новейших подходов и методик текстологического анализа» [Голев 2003] для «сравнения текстов на предмет выявления в них совпадающих фрагментов, наличия заимствования, его направления» [Кузнецов, Крюк 2019].

Несмотря на то что автороведческие и сравнительно-сопоставительные исследования имеют свою специфику и разграничиваются между собой, их объединяет лингвоперсоналогический аспект рассмотрения, а следовательно, методы анализа текстов и связанные с этим одинаковые исследовательские проблемы. Т. А. Литвинова и А. В. Громова, описывая проблемы проведения автороведческой экспертизы, высказали мнение о том, что «в экспертной практике не в полной мере используются достижения корпусной, компьютерной и количественной лингвистики» [Литвинова, Громова 2020: 84], и отметили важность создания корпусов текстов как источников для изучения идиолекта, источников «информации о частотности тех или иных

¹ 5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки. *Страница пользователя «Светлана Заикина»*. URL: <https://ok.ru/video/5858938849986> (дата обращения: 30.10.2024).

² Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки. *Канал «Арт-студия»*. URL: <https://rutube.ru/video/4700411af81ea261185c17558bd9e7a/?t=0> (дата обращения: 30.10.2024).

³ 5 шагов после погашения ипотеки. *Канал «Секреты знаменитостей»*. URL: <https://rutube.ru/video/03fd0988b1f80e87a7491e3e73c9a369/> (дата обращения: 30.10.2024).

⁴ 5 вещей которые необходимо сделать после закрытия ипотеки, а то могут быть проблемы. *Канал «Доброта и радость»*. URL: <https://rutube.ru/shorts/46d18146d6368f8318a590d03b7aa006/> (дата обращения: 30.10.2024).

⁵ Сайт life.ru. URL: <https://life.ru/p/1656973> (дата обращения: 30.10.2024).

⁶ Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (Зарегистрировано в Минюсте России 24.04.2023. № 73133). Приказ Минюста России № 72 от 20.04.2023 (ред. от 31.01.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

языковых единиц», «для совершенствования методов социопсихолингвистического моделирования автора текста» [Там же], что является актуальным и для сравнительно-сопоставительных исследований текстов.

На материале научных текстов Т. С. Садова описала «методику выявления плагиата на основе логического анализа отдельного предложения» [Садова 2019], Т. И. Стексова предложила анализировать сходство и различие модусной организации научных текстов [Стексова 2005].

Поскольку проверка текстов на сходство может быть весьма трудоемкой, то для эксперта-лингвиста оказываются полезными интернет-ресурсы автоматического сопоставления текстов для последующего анализа полученных результатов. П. Е. Белова представила обзор современных электронных инструментов, которые могут быть выбраны экспертом в зависимости от объема материала, подлежащего анализу, и конкретных прикладных задач [Белова 2023].

С. И. Красса предлагает методику установления «меры сходства между объектами в речеведческих экспертизах... на основе сочетания качественных и количественных методов» [Красса 2023: 110]. Исследователь при сопоставлении текстов вычисляет меру сходства между ними на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях с использованием коэффициентов Жаккара, Серенсена и Кульчинского.

В рамках настоящего исследования мы проводим сопоставление текстов согласно методическим подходам, представленным экспертами при Министерстве юстиции РФ В. О. Кузнецовым и Е. К. Крюк [Кузнецов, Крюк 2019]. Ответ на вопрос о наличии / отсутствии в текстах совпадений основывается на использовании сравнительно-сопоставительного метода и методов лингвистической семантики.

Результаты

Все сопоставляемые тексты посвящены одной и той же теме и относятся к одному и тому же жанру – тексты-инструкции, представляющие порядок действия гражданина после погашения ипотеки.

Наименования текстов 1, 2, 3 и 4 обладают существенным сходством, которое возникает за счет использования синонимичных слов и сходных синтаксических конструкций. Текст 5 в силу неизвестности наименования в проводимое сопоставление не включается. Наименования текстов 1, 2 и 4 имеют тождественную синтаксическую структуру –

сложноподчиненное предложение с союзным словом *который*. Текст 3 имеет сходное с ними грамматическое строение. Тождественным для всех сопоставляемых текстов является инициальная часть наименования в виде подлежащего, выраженного грамматической конструкцией числительного с существительным в родительном падеже.

Наименования текстов 2 и 3 содержат синонимические лексические единицы *действие* и *шаг*, а тексты 1 и 4 включают в свои наименования лексему *вещь*, которая в силу диффузности семантики является контекстуально синонимичной со словами *действие* и *шаг*. Тексты 1, 2, 3 и 4 содержат тождественное для них числительное пять, отличие заключается лишь в форме его записи. Также в наименованиях текстов 1, 2 и 4 содержатся синонимичные модальные слова *нужно*, *надо*, *необходимо*. Текст 3 не содержит ни одного из перечисленных модальных слов, поскольку синтаксическая конструкция этого наименования представляет собой простое предложение в отличие от текстов 1, 2 и 4.

Композиционная структура текстов: текст 1 – введение и 6 пунктов инструкции; текст 2 – введение, 6 пунктов инструкции и заключение; текст 3 – 5 пунктов инструкции и заключение; текст 4 – введение, 5 пунктов инструкции и заключение; текст 5 – введение, 5 пунктов инструкции и заключение. Таким образом, композиционная структура текстов не является тождественной, но имеет существенное сходство, выразившееся в наличии в каждом тексте пяти пунктов инструкции. Наличие шестого пункта зафиксировано в текстах 1 и 2, заключение имеется в текстах 2, 3, 4 и 5, но отсутствует в тексте 1. Композиционное сопоставление демонстрирует тождественность основных частей сравниваемых текстов. Введение, заключение и шестой пункт инструкции являются композиционными элементами, по наличию / отсутствию которых тексты различаются.

Тексты содержат тождественную фактологическую информацию, которая представлена в модальности долженствования, типичной для жанра инструкции (табл.⁷).

Между введением в текстах 1, 2 и 4 имеется существенное сходство, которое обусловлено дословными совпадениями и сходством, основанным на лексической синонимии (модальные слова *нужно* и *необходимо*), грамматической синонимии придаточных предложений (*иначе могут возникнуть проблемы*; *чтобы потом не возникли проблемы*) и изменении

⁷ Тексты представлены для сопоставления с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Табл. Сопоставление текстов

Tab. Comparative analysis of experimental texts

Текст 1	Текст 2	Текст 3	Текст 4	Текст 5
Введение				
ПОСЛЕ ПОГАШЕНИЯ ИПОТЕКИ ОБЯЗАТЕЛЬНО НУЖНО СДЕЛАТЬ ЭТИ 5 ВЕЩЕЙ, ИНАЧЕ МОГУТ ВОЗНИКНУТЬ ПРОБЛЕМЫ Квартира будет вашей после выполнения этой инструкции Просто внести сумму долга недостаточно Поэтому сохраняйте ее себе	После погашения ипотеки нужно сделать Пять этих вещей Чтобы потом не возникли проблемы Квартира будет Вашей только после выполнения Этой инструкции	–	После погашения ипотеки необходимо сделать эти пять вещей, иначе могут возникнуть проблемы квартира будет вашей после выполнения этой инструкции просто внести сумму долга недостаточно	Что делать, когда погасил ипотеку
Первый пункт инструкций				
1. Правильно совершите последний платёж по ипотеке Спросите у банка точную сумму последнего платежа, чтобы не переплатить и не остаться должным пару копеек	Первое Правильно совершите последний платеж по ипотеке Спросите у банка точную сумму последнего платежа Чтобы не переплатить и не остаться должным пару копеек	Шаг первый Совершая последний платеж обязательно выясните у банка точную сумму платежа, чтобы не переплатить или остаться должным пару копеек.	первое правильно совершите последний платёж узнайте у банка сумму последнего платежа чтобы не переплатить или не остаться должным паре копеек	1.Правильно совершите последний платёж по ипотеке Запросите точную сумму у банка, чтобы не переплатить лишнего и не остаться должником из-за пары копеек
Второй пункт инструкций				
2. Закажите в банке справку об отсутствии задолженности и выписку подтверждающую, что на счете нет средств	Второе Закажите у банка справку об отсутствии задолженности И выписку, подтверждающую Об отсутствии на счете средств	Шаг второй Закажите в банке справку об отсутствии задолженности и выписку о том, что на счёте нет средств.	запросите в банке выписку об отсутствии задолженности и справку подтверждающую что на счете нет средств	2. Возьмите в банке справку об отсутствии задолженности, а также выписку, что на счете нет средств
Третий пункт инструкций				
3. Не забудьте забрать из банка закладную Там должно быть написано, что вы выполнили все обязательства и у банка нет к вам претензий	Третье Не забудьте забрать из банка закладную Там должно быть написано, что Вы выполнили все обязательства И у банка нет к Вам претензий	Шаг третий Не забудьте забрать из банка закладную в которой чётко должно быть прописано, что у банка нет к вам никаких претензий, и что вы выполнили все обязательства	запросите у банка закладную там должно быть написано что вы выполнили все обязательства или у банка нет к вам претензий	3. Заберите из банка закладную Там должно быть указано, что вы выполнили все обязательства и у банка нет к вам претензий

Текст 1	Текст 2	Текст 3	Текст 4	Текст 5
Четвертый пункт инструкций				
4. Снимите обременение с квартиры для этого всего лишь стоит обратиться МФЦ	Четвертое Снимите обременение с квартиры Для этого всего лишь нужно обратиться в МФЦ	Шаг четвертый Обратитесь в МФЦ чтобы снять обременение с квартиры	снимите обременение с квартиры это нужно сделать в МФЦ	4.Снимите обременение с квартиры Для этого необходимо подать документы в МФЦ Какие документы нужны - смотрите в описании к этому видео
Пятый пункт инструкций				
5. Закажите выписку в Росреестре, чтобы обременение снято	Пятое Закажите выписку в росреестре, чтобы убедиться, Что обременение снято	Шаг пятый Закажите выписку в Росреестре о том что обременение снято	и закажите справку о том что обременение снято	5.Закажите выписку из Росреестра о том, что обременение снято
Шестой пункт инструкций				
6. Надо сразу брать новую ипотеку 😊	Ну и шестое Нужно сразу брать новую ипотеку	–	–	–
Заключение				
–	А если у Вас есть долги свыше 200 000₽ И Вы хотите их законно списать Пишите свой номер к нам в сообщения И мы проведем для Вас бесплатную консультацию	Контактные данные компании «ЮРИДЕАЛЬ»	На канале вы найдете много полезного подписывайтесь	На этом все! Дело сделано 😊 Открывайте шампанское 🍾

словопорядка, сопровождающемся незначительными грамматическими трансформациями (*эти 5 вещей, пять этих вещей, эти пять вещей*). Введение в тексте 1 является самым объемным, но при этом содержит незначительное количество вербальных компонентов, которые отсутствуют в других текстах. Различие возникает благодаря наличию в тексте 1 наречия *обязательно*, имеющего усилительное значение, и фразы-вывода с императивным значением – *поэтому сохраняйте ее себе*. Введение в тексте 3 отсутствует, а в тексте 5 введение является кратким, имеющим чисто информационный характер.

Сопоставляемые фрагменты текстов имеют между собой существенное сходство, которое основано

на их дословном совпадении, явлении лексической и словообразовательной синонимии (*спросите у банка, выясните у банка, узнайте у банка, запросите у банка*), незначительных грамматических трансформациях: использовании формы глагола в повелительном наклонении и формы деепричастия (*правильно совершите последний платеж; совершая последний платеж*); союзов *и / или* (*чтобы не переплатить и не остаться должным; чтобы не переплатить или остаться должным*); однокоренных слов, относящихся к разным частям речи (*не остаться должным; не остаться должником*); модификации связей управления без предлога и с использованием предлога (*должным пару копеек; должником из-за пары копеек*). Лексические модификации сопоставляемых

текстов проявляются в вариативности использования конструкций с именем прилагательным и без него (*точную сумму последнего платежа; сумму последнего платежа*), с наречием *обязательно*, обладающим усиленным значением, и без него.

Вторые пункты всех инструкций имеют существенное сходство между собой, основанное на дословном совпадении и явлении лексической синонимии словосочетаний *закажите в банке, запросите в банке, возьмите в банке*; имен существительных *выписка и справка*; союзов *и, а также*. Кроме того, сходство между сопоставляемыми предложениями возникает за счет использования синтаксической трансформации словосочетаний *закажите в банке и закажите у банка*. Сопоставляемые предложения являются одинаковыми по смыслу, но формально они различаются, поскольку в них используются придаточные предложения разного типа (то изъяснительное придаточное предложение, то определительное, то с причастием *подтверждающую*, то без него). В тексте 2 в придаточной части предложения допущена грамматическая ошибка, связанная с нарушением связи управления (подтверждающая что? – отсутствие средств на счете). Наличие грамматической ошибки является показателем изменения текста, одним из способов его формальной трансформации.

Третьи пункты инструкций между собой имеют существенное сходство, основанное на дословном совпадении, синтаксической трансформации фраз путем создания из нескольких предложений сложноподчиненного с союзным словом *который*. Также сходство обусловлено синонимией грамматических конструкций с императивным значением *не забудьте забрать, запросите, заберите*, вариативным представлением однородных придаточных предложений с повторением союза *что* и его однократным использованием; сходством предложно-падежных конструкций *из банка – у банка*. Кроме того, при сопоставлении приведенных выше фрагментов в тексте 3 обнаружен вариант последовательности расположения придаточных предложений и дополнение содержания высказывания отрицательным местоимением *никаких*, которое не вносит существенного нового смысла, а только усиливает уже имеющееся значение.

Четвертые пункты инструкций обладают существенным сходством, возникающим на основе дословных совпадений. Также в данных высказываниях используются модальные глаголы *стоит обратиться, нужно обратиться, нужно сделать, необходимо подать* с синонимичными значениями. В тексте 3 в отличие

от других текстов представлена синтаксическая конструкция с придаточным цели, в результате чего предложения внутри фразы переставлены местами. Текст 5 содержит отсылку к тексту-описанию, в связи с чем названный текст получает расширение в виде нового текстообразующего фрагмента, отсутствующего у сопоставляемых с ним текстов.

Сопоставление пятого пункта инструкций свидетельствует о наличии между ними существенного сходства в силу дословного совпадения, передачи одного и того же смысла через сходные синтаксические конструкции, составленные с целевыми или изъяснительными придаточными. Имеется контекстуальная синонимия слов *выписка* и *справка*, а также предложно-падежных конструкций *в Росреестре, из Росреестра*. В тексте 4 существительное *Росреестр* отсутствует, но это не создает существенного смыслового различия.

Только тексты 1 и 2 имеют шестой пункт инструкций, являющийся для них почти тождественным в силу значительного дословного совпадения. Формально отличающиеся модальные слова *надо* и *нужно* являются синонимичными. Порядок пунктов в тексте 1 отсутствует, но устно в видео он озвучивается. К различиям также относится использование в тексте 1 эмоджикона, но поскольку в данном случае он дублирует позитивно-ироничное содержание шестого пункта инструкции, то его отсутствие в тексте 2 принципиального различия между сопоставляемыми фрагментами не создает. В шестом пункте текстов 1 и 2 отмечается проявление языковой личности. Названный фрагмент является оригинальным, и его наличие в текстах 1 и 2 позволяет говорить о высокой степени близости между ними.

Заключения инструкций различаются: текст 1 – заключение отсутствует; текст 2 – информация об услугах по списанию долгов; текст 3 – контактные данные юридической компании; текст 4 – призыв подписаться на канал; текст 5 – информация о завершенности действий и с помощью пиктограмм передается смысл поздравления в связи с успешным закрытием ипотеки.

Таким образом, в результате сравнительно-сопоставительного исследования текстов было установлено совпадение тем, на которые они созданы; их существенное композиционное сходство; совпадение и сходство основной фактологической информации, которое возникает в результате дословного сходства фраз, лексической и грамматической синонимии, перестановок порядка расположения слов и предложений в составе сложных синтаксических конструкций.

Заключение

Сравнение серии близких по наименованиям текстов выявило, что между ними имеется существенное сходство, основанное на совпадении композиции и фактологической информации. Имеющиеся различия являются периферийными. Тексты связаны между собой модификационными, а не мутационными изменениями. В связи с тем что создатели текстов как языковые личности выбрали деперсонализированную стратегию продуцирования текстов, между текстами возникло «фамильное» сходство, проявляющееся в многомерных связях между ними. Лингвистически невозможно однозначно утверждать, что у всех текстов имеется один и тот же текст-прототип. По аналогии с «плавающей доминантой» [Шумилова 2009] синонимического поля можно говорить о «плавающем прототипе» сходных текстов, функционирующих в коммуникативном пространстве.

Проведенное исследование позволило представить новое явление – копионию текстов, проявляющуюся в существенном сходстве между текстами и сопровождающуюся лингвоперсоналогической нейтрализацией, которая позволяет дифференцировать синонимию текстов от явления копионии. Копиальные тексты продуцируются деперсонализированными языковыми личностями на основе механизмов субституции и транспозиции.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Белова П. Е. Способы автоматизации сравнительного анализа текстов при выявлении признаков плагиата в экспертизах по делам о нарушении авторских и смежных прав. *Юрислингвистика*. 2023. № 27. С. 94–98. [Belova P. E. Methods for automated comparative analysis of texts when detecting signs of plagiarism in expert case examinations of copyright and related rights infringement. *Legal Linguistics*, 2023, (27): 94–98. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2717](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2717)
- Белогова А. А. Исследование характеристик текста-компакта в условиях межкультурной коммуникации. *Основные проблемы лингвистики и лингводидактики: I Междунар. науч. конф. (Астрахань, 15 октября 2007 г.)* Астрахань: АГУ, 2007. С. 3–5. [Belonogova A. A. Compact text in conditions of intercultural communication. *Major issues of linguistics and linguistic didactics: Proc. I Intern. Sci. Conf., Astrakhan, 15 Oct 2007.* Astrakhan: ASU, 2007, 3–5. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qhwmgv>
- Бельская Н. С. К разработке методики лингвистической экспертизы экстремистских материалов, произведенных посредством рерайтинга и автоматической генерации текстов. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2015. № 7. С. 118–123. [Belskaya N. S. Considering the issue of the methodology of the linguistic expertise of the extremist materials produced by rewriting and automatic texts production. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (7): 118–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uzbhz>
- Бельская Н. С. Применение аналитико-описательных методов в решении сравнительных задач судебного лингвистического исследования речевых произведений. *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 381. С. 5–10. [Belskaya N. S. Application of analytical and descriptive methods for comparative task solution in forensic linguistics. *Tomsk State University Journal*, 2014, (381): 5–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sbtusd>
- Голев Н. Д. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах. *Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Межрегион. науч.-практ. семинар. (Москва, 7–8 декабря 2002 г.)* М.: Галерея, 2003. Ч. 2. С. 64–73. [Golev N. D. Expertise of conflict texts in modern linguistic and legal paradigms. *Theory and practice of linguistic analysis of media texts in forensic examinations and information disputes: Proc. Interregion. Sci.-Prac. Seminar, Moscow, 7–8 Dec 2002.* Moscow: Galeriia, 2003, pt. 2, 64–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxjvyp>
- Голев Н. Д., Бринев К. И., Киркинская Т. И. Опыт лингвоперсоналогического описания производных текстов (к типологии антропотекстов). *Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты: науч.-практ. конф. (Барнаул, 24–26 января 2003 г.)* Барнаул: АлтГУ, 2004. Ч. 3. С. 58–64.

- [Golev N. D., Brinev K. I., Kirkinskaya T. I. Experience of linguopersonological description of derivative texts (towards the typology of anthropotexts). *Natural written Russian speech: Research and education: Sci.-Prac. Conf.*, Barnaul, 24–26 Jan 2003. Barnaul: ASU, 2004, pt. 3, 58–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swzljij>
- Голев Н. Д., Ким Л. Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев). *Медиалингвистика*. 2023. Т. 10. № 1. С. 4–26. [Golev N. D., Kim L. G. Dictum-mode pluralism of virtual dialogic discourse (based on Internet comments). *Medialingvistika*, 2023, 10(1): 4–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.101>
- Голев Н. Д., Сайкова Н. В. Изложение, пародия, перевод... к основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов. *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты*, ред. В. А. Пищальникова. Барнаул: ААЭП, 2001. Вып. 3. С. 20–27. [Golev N. D., Saykova N. V. Presentation, parody, translation... On the basis of derivational interpretation of secondary texts. *Linguistic existence of a person and ethnos: Psycholinguistic and cognitive aspects*, ed. Pishchalnikova V. A. Barnaul: AAEL, 2001, iss. 3, 20–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rismjtr>
- Дзюба Н. А. Синонимия простого предложения и словосочетания. *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2007. № 52. С. 100–105. [Dzyuba N. A. Synonymy of a simple sentence and phrase. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, (52): 100–105. (In Russ.)]
- Дударева Я. А. Сходство языковых знаков до степени смешения и лингвоперсонологическое сходство текстов (на материале политических аккаунтов в социальных сетях на русском языке). *Культура и текст*. 2022. № 1. С. 199–211. [Dudareva Ya. A. Similarity of linguistic signs to the point of confusion and linguo-personological similarity of texts (on the material of political accounts in social networks in the Russian language). *Kul'tura i tekst*, 2022, (1): 199–211. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2022-1-199-211>
- Жилин И. М. Синонимика в синтаксисе современного немецкого языка. Краснодар: КубГУ, 1974. 184 с. [Zhilin I. M. *Synonymy in the syntax of the modern German language*. Krasnodar: KubSU, 1974, 184. (In Russ.)]
- Ионова С. В. О двух моделях построения вторичных текстов. *Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание*. 2006. № 5. С. 69–76. [Ionova S. V. Two models for constructing secondary texts. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2006, (5): 69–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuxdrv>
- Каменева В. А., Потапова Н. В., Румянцева А. А. Лексико-грамматические трансформации терминов при смене коммуникативной ситуации «врач – врач» на «врач – ребенок – родитель». *Научный диалог*. 2023. Т. 12. № 2. С. 27–44. [Kameneva V. A., Potapova N. V., Rumyantseva A. A. Lexical and grammatical transformations of terms when changing communicative situation "doctor – doctor" to "doctor – child – parent". *Nauchnyi Dialog*, 2023, 12(2): 27–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-27-44>
- Ким Л. Г. Конфликт интерпретаций текста как следствие когнитивного диссонанса участников интернет-обсуждений. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2023. Т. 2. № 4. С. 222–228. [Kim L. G. Conflict of text interpretations as a consequence of cognitive dissonance in Internet disputes. *Virtual Communication and Social Networks*, 2023, 2(4): 222–228. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-222-228>
- Кошкарёва Н. Б. О полисемии синтаксических единиц. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2012. Т. 11. № 9. С. 164–171. [Koshkareva N. B. On the polysemy of syntactic units. *Vestnik NGU, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2012, 11(9): 164–171. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pnmfaj>
- Красса С. И. Методика определения меры сходства между объектами речеведческих экспертиз. *Юрислингвистика*. 2023. № 27. С. 106–110. [Krassa S. I. The procedure of determining degree of similarity between objects in linguistic examination. *Legal Linguistics*, 2023, (27): 106–110. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2719](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2719)
- Кузнецов В. О., Крюк Е. К. Разграничение компетенций эксперта-лингвиста и эксперта-автороведа при исследовании объектов авторского права и объектов смежных прав. *Теория и практика судебной экспертизы*. 2019. Т. 14. № 3. С. 15–25. [Kuznetsov V. O., Kryuk E. K. Demarcating a linguistic expert's and an authorship investigator's competencies when examining copyright and related rights objects. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2019, 14(3): 15–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-3-15-25>
- Кузнецова А. С. Синонимия текстов как предмет лингвистического изучения. *Пятый этаж*. 2016. № 2. С. 13–18. [Kuznesova A. S. Synonymy of texts as a subject of linguistic research. *Piatyi etazh*, 2016, (2): 13–18. (In Russ.)]
- Литвинова Т. А., Громова А. В. Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования. *Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание*. 2020. Т. 19. № 1.

- C. 77–88. [Litvinova T. A., Gromova A. V. Current problems of forensic authorship analysis and the possibility of their solution with the use of computer methods: Problems and prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2020, 19(1): 77–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.7>
- Мельник Н. В., Богачанова Т. Д. Корреляция степеней проявленности метаязыкового сознания в тексте и тенденций к персонализации и деперсонализации. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 4-4. С. 138–142. [Melnik N. V., Bogatchanova T. D. Correlation of degrees of emergence of metalinguistic consciousness in the text and tendencies to personalization and depersonalization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (4-4): 138–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbwubj>
- Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. М.: ГАХН, 1927. 68 с. [Peshkovskiy A. M. *Principles and techniques of stylistic analysis and evaluation of fiction*. Moscow: SAAS, 1927, 68. (In Russ.)]
- Савельева И. В., Мельник Н. В. Рецептивно-продуктивная деятельность субъектов непрофессионального интернет-дискурса. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2024. Т. 10. № 3. С. 42–69. [Savelyeva I. V., Melnik N. V. Receptive and productive activity of non-professional Internet discourse participants. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2024, 10(3): 42–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2024-10-3-0-3>
- Савенко А. С. Предмет, объекты и задачи судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2020. Т. 16. № 5. С. 318–321. [Savenko A. S. Subject, objects and tasks of forensic examination of intellectual property objects. *Economic Problems and Legal Practice*, 2020, 16(5): 318–321. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xkdtbt>
- Садова Т. С. Текстовые заимствования (плагиат) как предмет лингвистической экспертизы. *Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2019. Т. 1. № 15. С. 184–194. [Sadova T. S. Textual borrowings (plagiarism) as a matter of linguistic expertise. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2019, 1(15): 184–194. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30842/alp2306573715109>
- Сайкова Н. В. Модели построения вторичных текстов. *Человек и его язык*, отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово: Графика, 2003. Т. 4. С. 162–169. [Saykova N. V. Models for secondary texts. *People and Their Language*, eds. Pimenov E. A., Pimenova M. V. Kemerovo: Grafika, 2003, vol. 4, 162–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgqemn>
- Смирнова С. А., Гулевская В. В., Омелянюк Г. Г. Судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России. *Теория и практика судебной экспертизы*. 2018. Т. 13. № 2. С. 16–26. [Smirnova S. A., Gulevskaya V. V., Omel'yanyuk G. G. Intellectual property investigations: A new area of forensic Practice in the System of the Russian Ministry of Justice. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2018, 13(2): 16–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-2-16-26>
- Стексова Т. И. Дело о плагиате: опыт лингвистической экспертизы. *Юрислингвистика*. 2005. № 6. С. 269–272. [Steksova T. I. The plagiarism case: Experience of linguistic expertise. *Legal Linguistics*, 2005, (6): 269–272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcmryr>
- Трубникова Ю. В. Лексико-деривационная структура текста. *Филология и человек*. 2011. № 1. С. 16–25. [Trubnikova Yu. V. Lexical-derivational structure of the text. *Filologiya i chelovek*, 2011, (1): 16–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nyoqmp>
- Чуланова А. П. К вопросу о целесообразности и значении термина «синтаксическая синонимия». *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 320. С. 27–30. [Chulanova A. P. Regarding the question of expediency and significance of the term "syntactical synonymy". *Tomsk State University Journal*, 2009, (320): 27–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/llvxxz>
- Шпильная Н. Н. Интенции реплицирования, реализуемые в диалоге. *Филологический класс*. 2022. Т. 27. № 2. С. 68–76. [Shpilnaya N. N. Response generation intentions realized in dialogue. *Philological Class*, 2022, 27(2): 68–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gpfxax>
- Шумилова А. А. Лексическая синонимия: традиционное и когнитивное видение проблемы. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 22. С. 144–148. [Shumilova A. A. Lexical synonymy: Traditional and cognitive vision of the problem. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, (22): 144–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwbbov>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cthccs>

Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: от объекта рефлексии к типологии рефлексивов

Кравченко Михаил Александрович

Ростовский государственный университет путей сообщения, Россия, Ростов-на-Дону

eLibrary Author SPIN: 5459-1225

<https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Scopus Author ID: 57797640500

mak@rgups.ru

Аннотация: Феномен метарефлексии изучается на стыке научных направлений (психология, психолингвистика, традиционная лингвистика, коммуникативистика), тем самым актуальность исследования обусловлена его междисциплинарностью. Цель работы состоит в установлении и описании классификационных признаков рефлексивов, выделяемых с учетом особенностей объекта и уровня метаязыковой рефлексии. Методы исследования соответствуют цели и эмпирической базе исследования, которая сформирована путем сплошной и направленной выборки рефлексивов из текстов художественных произведений современных русских писателей. Основным общенаучным методом, используемым в работе, является метод типологизации. Из числа собственно лингвистических методов наиболее последовательно применялись методы семантического и дискурсивного анализа. Результатом стало создание многоуровневой системной типологии рефлексивов. Признак объекта рефлексии формирует предпосылки для деления рефлексивов на высказывания о форме знака и значении знака. На втором ярусе типологии высказывания о форме знака подразделяются на рефлексивы внешней и внутренней формы, а высказывания о значении знака – на рефлексивы ближнего и дальнего значения. Названная классификация дополняется таксономией, построенной вокруг признака функционирования метаязыковой рефлексии. В соответствии с данным признаком рефлексия может носить поверхностный или глубинный характер. Поверхностная метаязыковая рефлексия порождает констатирующие рефлексивы, в которых фиксируются наблюдаемые характеристики знака. Глубинная метаязыковая рефлексия приводит к образованию операциональных рефлексивов, в которых отражаются результаты осмысления знака. Полученные в работе результаты открывают перспективы для дальнейшей научной интерпретации онтологических и гносеологических характеристик метаязыковой рефлексии, а также вносят вклад в изучение автореферентной функции языка. Сделан вывод, что результаты метаязыковой рефлексии, отраженные в художественных текстах, отличаются содержательной неоднородностью. В ходе исследования удалось установить, что базовыми признаками, определяющими деление рефлексивов на отдельные таксономические группы, выступают особенности объекта и особенности протекания метаязыковой рефлексии.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, рефлексивы, когнитивно-дискурсивная ситуация, теория обыденной лингвистики, таксономические группы рефлексивов

Цитирование: Кравченко М. А. Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: от объекта рефлексии к типологии рефлексивов. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 85–96. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-85-96>

Поступила в редакцию 21.06.2024. Принята после рецензирования 14.08.2024. Принята в печать 19.08.2024.

full article

Metalanguage Reflection in Fiction: From the Object of Reflection to the Typology of Reflexives

Mikhail A. Kravchenko

Rostov State Transport University, Russia, Rostov-on-Don

eLibrary Author SPIN: 5459-1225

<https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Scopus Author ID: 57797640500

mak@rgups.ru

Abstract: Meta-reflexivity is an interdisciplinary object of psychology, psycholinguistics, traditional linguistics, and communication studies. The authors classified reflexives sampled from contemporary Russian fiction based on the features of the object and the level of metalanguage reflection. They used the method of typologization, as well as the semantic and discursive analyses, to develop a multilevel typology of reflexives. Based on the object of reflection, the reflexives were divided into the statements about the sign form and the statements about its meaning. On the second tier of typology, the statements about the sign form were divided into reflexives of external and internal forms whereas the statements about the meaning were divided into reflexives of close and distant meaning. Another taxonomy was based on the metalanguage reflection process as superficial or deep. The superficial metalanguage reflection generated stating reflexives that recorded the observed characteristics of the sign. The deep metalanguage reflection yielded operational reflexives that reflected the comprehension results. The research opens up new prospects for further scientific interpretation of the ontology and epistemology of metalanguage reflection, as well as contributes to the autoreference studies. The results of metalanguage reflection in fiction proved to be heterogenic in content. The taxonomy depended on the features of the object and the peculiarities of the metalanguage reflection process.

Keywords: metalanguage reflection, reflexive, cognitive-discursive situation, theory of naive linguistics, taxonomy of reflexives

Citation: Kravchenko M. A. Metalanguage Reflection in Fiction: From the Object of Reflection to the Typology of Reflexives. *SibScript*, 2025, 27(1): 85–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-85-96>

Received 21 Jun 2024. Accepted after peer review 14 Aug 2024. Accepted for publication 19 Aug 2024.

Введение

Рефлексия представляет собой свойство сознания. Именно она выполняет важнейшую функцию регулятора деятельности, программируемой сознанием. Рефлексия относится к числу операций, осуществляемых в «светлом поле» психики. Несмотря на этимологическое родство, в понятийном плане *рефлексия* противостоит термину *рефлекс*, который указывает на неосознанную, подсознательную природу психических операций. Современные психологи рассматривают рефлексии «как способ ориентирования и совершения выбора из множества возможностей, необходимого и достаточного для самоорганизации жизнедеятельности органических систем» [Сизикова 2018: 9].

Рефлексия выступает в качестве предмета изучения в различных науках. Многовековая исследовательская традиция в отношении рефлексии зародилась в недрах

философии. При этом проблемы рефлексии ставились и решались в рамках целого ряда онтологических и гносеологических направлений. В новой и новейшей истории на статус главной науки, изучающей феномен рефлексии, стала претендовать психология. В связи с важностью процессов рефлексии в обучении и развитии личности исследование рефлексии выходит на первый план в педагогике. Следует также констатировать, что в последние несколько десятилетий предметный интерес к исследованию рефлексии начал проявлять лингвистика. В настоящий момент лингвистика входит в число основных гуманитарных наук, предметом исследования которых выступает феномен рефлексии.

Обращение лингвистики к исследованию рефлексии во многом объясняется онтологической природой

последней. Одним из важнейших способов выражения рефлексии являются разного рода семиотические средства, в первую очередь знаки естественного языка. Поэтому рефлексия зачастую реализуется в коммуникативной форме, что делает вполне оправданным привлечение лингвистических методов и приемов для ее изучения и описания.

Необходимо отметить, что в современный лингвистический дискурс прочно вошли термины *языковая рефлексия* и *метаязыковая рефлексия*. Вместе с тем понятийные параметры названных терминов и границы их денотативной отнесенности не входят в число общепризнанных констант. Проблема разграничения указанных понятий решалась на страницах специальных исследований [Залевская 2015; 2016]. В данной работе мы не ставим перед собой задачи всестороннего освещения сложившихся на данный момент научно обоснованных мнений и точек зрения по вопросу соотношения этих терминов. Ограничимся лишь указанием на то, что содержательное различие терминов базируется на объектных характеристиках рефлексии. Так, если к проявлениям языковой рефлексии мы относим языковые факты, в которых в семантической форме зафиксированы результаты осмысления сознанием фрагментов внеязыковой действительности, то метаязыковая рефлексия представляет собой размышления над языком и по поводу языка. В дальнейшем мы подробно остановимся на особенностях феномена метаязыковой рефлексии.

Сложность изучения и описания метаязыковой рефлексии определяется тем фактом, что ее характеристики не являются однородными и имманентными для всех актов рефлексии. Неоднородность метаязыковой рефлексии объясняется, во-первых, индивидуальными особенностями сознания, производящего метаязыковые операции. Каждый акт метаязыковой рефлексии несет в себе индивидуальные черты коммуникативной личности. Исследование индивидуальных особенностей метаязыковой рефлексии носителей языка входит в круг задач лингвистической персонологии. Во-вторых, содержание метаязыковой рефлексии существенно отличается в зависимости от ее целей и используемой когнитивной базы. В современной лингвистике практически общепринятым является точка зрения о том, что метаязыковая рефлексия может протекать в трех формах или существует в трех видах: обыденная метаязыковая рефлексия (продукт деятельности сознания

рядовых носителей языка), научная метаязыковая рефлексия (продукт деятельности сознания профессиональных лингвистов), творческая метаязыковая рефлексия (продукт деятельности сознания работников творческих профессий: рекламистов, журналистов, специалистов в области связей с общественностью и т. д.). Наше исследование посвящено изучению содержательных аспектов обыденной метаязыковой рефлексии и ведется в русле сложившейся в последние десятилетия теории обыденной лингвистики. Оно сопряжено с проблематикой естественного метаязыка, т. к. «рефлексивность обыденного сознания обеспечивает основу (мета)когнитивных процессов и создает условия для использования метаязыка» [Золотова 2019: 57].

На феномен естественного метаязыка впервые обратил внимание Р. Якобсон. В докладе "Metalanguage as a Linguistic Problem" [Jakobson 1985], подготовленном для Американского лингвистического общества в 1956 г., он охарактеризовал метаязык не как специальный конструкт, создаваемый в процессе научного изучения и описания языка, а как имманентную способность самого языка, использующего собственные ресурсы для самоописания и самоинтерпретации. Однако идеи Р. Якобсона долгое время оставались на периферии исследовательского внимания и не получали должного осмысления и развития. «Второе рождение» понятие естественного метаязыка получило благодаря знаменитой работе А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» [Wierzbicka 1971]. На современном этапе развития науки широкие метаязыковые возможности естественного языка отмечаются как отечественными [Вепрева 2005; Кузнецова 2020; Мечковская 2006; Рябцева 2005; Шумарина 2011], так и зарубежными [Goddard 2021; Jaworski et al. 2004; Niedzielski, Preston 2003] лингвистами.

Результаты метаязыковой рефлексии отражаются в речи (тексте) в виде рефлексивов. Данным термином, введенным в научный оборот И. Т. Вепревой, обозначаются разнообразные метаязыковые контексты внутри текстов различного происхождения и функциональной направленности. При этом синтагматическая протяженность и структурные характеристики подобных метаязыковых комментариев могут существенно варьироваться. Как правило, рефлексив состоит из двух базовых компонентов: знака (последовательности знаков), подвергающегося рефлексии, и метаязыкового комментария, содержащего семантическую информацию об объекте рефлексии.

Теоретическая база исследования заложена философскими трудами по онтологии и гносеологии рефлексии Э. Гуссерля, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского, Г. П. Шедровицкого и др.; работами по психической сущности рефлексии С. Л. Рубинштейна, Б. Д. Эльконина, В. П. Зинченко, И. Н. Семенова и др.; а также лингвистическими трудами по функционированию языкового сознания и языковой рефлексии Г. И. Богина, Е. Ф. Тарасова, К. Ф. Седова, А. А. Залевской, Н. Д. Голева и др.

Актуальность предпринятого исследования объясняется, во-первых, его междисциплинарностью. Основной прирост нового знания в последние годы происходит благодаря поиску на стыке научных направлений. Изучение проблем метаязыковой рефлексии предполагает активное привлечение данных психологии, психолингвистики и традиционной лингвистики. Во-вторых, интерес к изучению метаязыковой рефлексии лежит в плоскости коммуникативной практики, которая характеризуется значительным ростом метаязыковых высказываний. Указанный факт вписывается в «общую и широкую тенденцию, имеющую место в истории коммуникации, – тенденцию к возрастанию насыщенности повседневной письменной и устной речи метаязыковыми значениями» [Мечковская 2006: 175].

Объектом исследования являются рефлексивы, функционирующие в текстах художественных произведений современных русских писателей. Предметом исследования выступают содержательные особенности рефлексивов.

Цель работы заключается в установлении и описании классификационных признаков рефлексивов, выделяемых с учетом особенностей объекта и уровня метаязыковой рефлексии. Задачи: определение таксономических групп рефлексивов на основании особенностей (1) объекта метаязыковой рефлексии, (2) протекания метаязыковой рефлексии.

Научная новизна работы состоит в представлении оригинальной типологии рефлексивов, которая базируется на таксономических признаках, характеризующих объект и глубину метаязыковой рефлексии.

Краткий обзор исследований метаязыковой рефлексии в художественном тексте

Исследования метаязыковой рефлексии в художественном тексте осуществляются в русле широкого лингвистического контекста, связанного с изучением феномена обыденного метаязыкового сознания. На рубеже тысячелетий в отечественном языкознании

сформировалась целостная научная парадигма, известная под именем наивной (обыденной, стихийной, народной) лингвистики. В фокусе ее внимания оказалось рассмотрение вопросов отражения метаязыковой рефлексии в языке. Теоретические основы названного направления были заложены в трудах [Арутюнова 2000; Булыгина, Шмелев 1999; Вепрева 2005; Кашкин 2002; Ростова 2000]. Бурный рост интереса к естественному метаязыку и его субстрату – метаязыковому сознанию, пик которого пришелся на первое десятилетие текущего столетия, выразился в издании ряда специализированных сборников работ и коллективных монографий [Обыденное метаязыковое сознание... 2008; 2009; Язык о языке 2000].

Современный этап развития обыденной лингвистики характеризуется дальнейшим расширением предметного поля исследования метаязыковой рефлексии. На сегодняшний день можно констатировать выделение следующих аспектов в исследовании обыденной метаязыковой рефлексии: функционально-стилистический, социолингвистический, психолингвистический, когнитивно-дискурсивный (подробный обзор актуального состояния исследовательского направления представлен нами в статье [Кравченко 2023b]). Важная особенность работ, выполненных в рамках функционально-стилистического подхода, заключается в определении метаязыковых комментариев не как изолированных единиц, но как содержательных компонентов целостного текста, несущих значимую смысловую нагрузку. Учеными установлено, что текстовые проявления метаязыковой рефлексии могут выступать в качестве стилистических приемов, преследующих специальные художественные цели, а в отдельных случаях – восприниматься маркерами идиостиля писателя [Бабенко, Корешкова 2021; Кравченко 2023а; 2024]. В исследованиях социолингвистической направленности метаязыковая рефлексия рассматривается как конденсатор важной социокультурной информации, как показатель изменений, происходящих в общественных отношениях [Александров 2020; Вепрева 2020; Vepreva, Kuprina 2021]. Психолингвистический аспект исследований проявляется при описании соответствующих механизмов метаязыковой деятельности носителей языка, применяемых в различных коммуникативных практиках [Кунщикова 2021; Фролова 2021]. Вопросы воплощения в тексте обыденной метаязыковой рефлексии зачастую получают истолкование в когнитивно-дискурсивном ключе. Это связано с тем, что метаязыковая

деятельность по своей сути носит интерпретационный характер и опирается на когнитивную базу говорящего (слушающего), а также анализ дискурсивной ситуации [Никитина, Гейко 2021].

Проиллюстрировав многоаспектный характер исследований, проводимых в русле теории обыденной лингвистики, разберем их эмпирическую базу. Необходимо отметить, что тексты художественных произведений (наряду с разговорной речью, интернет-коммуникацией, публицистикой) относятся к числу традиционных источников эмпирического материала. Рефлективы, функционирующие в художественных произведениях, представляют собой художественно-специфический материал, что объясняет его релевантность при рассмотрении вопросов семантики и стилистики текста. Так, зависимость содержания и форм выражения метаязыковой рефлексии от эстетической направленности текста была установлена при изучении рефлексивов в текстах русского авангардизма [Черняков 2012], в текстах произведений массовой литературы [Батулина 2017], в текстах литературных произведений абсурдистской эстетики [Кравченко, Кравченко 2022]. Значительная часть исследований ограничивается привлечением рефлексивов из художественных произведений одного автора. Каждая из такого рода работ, помимо основной цели исследования, обращается к вопросам характеристики идиостиля писателя, т. к. использование метаязыковых контекстов создает неповторимый почерк произведений, формирует авторский стиль. Например, метаязыковая рефлексия изучалась на примере творчества В. П. Астафьева [Андрусенко 2011], М. Е. Салтыкова-Щедрина [Николина 2016], В. П. Крапивина [Лабунец, Кочнева 2019], Н. В. Гоголя [Шумарина 2019], А. И. Солженицына [Черняк 2019], И. А. Бунина [Николина 2020], К. Г. Паустовского [Родионова 2021], Е. Г. Водолазкина [Бабенко, Корешкова 2021].

Методы и материалы

Методология настоящего исследования образована комплексом применяемых теоретических и эмпирических методов. В качестве теоретических использовались методы анализа и критической интерпретации научных работ по тематике исследования. Основным эмпирическим методом выступил описательный метод, включающий приемы обобщения, систематизации и типологизации эмпирических данных. Названный метод дополнялся элементами контекстуального, функционально-семантического и функционально-прагматического анализа текста.

Материалом для исследования послужили тексты художественных произведений современных русских писателей. Указанный материал содержит многочисленные примеры рефлексивной деятельности метаязыкового сознания. Эмпирические данные собирались методами сплошной и направленной выборки рефлексивов из текстов произведений. В результате многолетних наблюдений за отражением метаязыковой рефлексии в художественных текстах нами была собрана коллекция примеров, которая на момент проведения исследования и подготовки статьи состояла более чем из 2200 рефлексивов. Сбор примеров осуществлялся из произведений самой разнообразной художественной и тематической направленности. Вместе с тем следует отметить, что ядро собранного корпуса примеров образуют рефлексивы, извлеченные из текстов произведений Е. Г. Водолазкина, Р. В. Сенчина, Ю. М. Полякова, В. О. Пелевина, Т. Н. Толстой, Д. И. Рубиной, М. Л. Степновой. Тексты произведений названных авторов характеризуются особенно высокой степенью рефлексивности.

Результаты

Настоящее исследование метаязыковой рефлексии в художественном тексте выходит за рамки функционально-стилистической проблематики и обращается к типологическому аспекту осмысления рефлексивов. Мы остановимся на изучении содержательных аспектов метаязыковой рефлексии, описание которых будет способствовать построению таксономии рефлексивов. Отправной точкой для появления рефлексива является наличие объекта рефлексии. На первый взгляд ситуация кажется очевидной: объектом метаязыковой рефлексии выступает знак или последовательность знаков. Однако при более детальном рассмотрении вопроса появляются аргументы в пользу уточнения и дифференциации объекта рефлексии. Анализ собранного корпуса рефлексивов показал, что в качестве объекта рефлексии, как правило, выступают либо форма знака, либо его содержание. При этом семантика рефлексива (продукта метаязыковой деятельности) во многом определяется особенностями объекта рефлексии. Поэтому считаем обоснованным положить признак объекта рефлексии в основу таксономии рефлексивов. Тем самым первый ярус типологии составят рефлексивы, представляющие собой метаязыковые комментарии к форме знака, и рефлексивы, образованные метаязыковыми высказываниями о значении знака.

Рефлексивы, комментирующие признаки формы слова, в свою очередь, подразделяются на рефлексивы внешней формы и рефлексивы внутренней формы, образуя следующий ярус типологии. Рефлексивы внешней формы представляют собой метаязыковые высказывания, характеризующие материальную оболочку знака в ее фонетическом или графическом исполнении. Результаты сравнительного анализа рефлексивов, относящихся к данной группе, свидетельствуют об их неоднородности. Эта гетерогенность объясняется уже не свойствами объекта рефлексии, а связана с особенностями функционирования механизма самой метаязыковой рефлексии. При этом манифестируется второй системный признак, определяющий таксономию рефлексивов, – признак глубины метаязыковой рефлексии.

Проведенное нами исследование рефлексивов позволяет прийти к заключению о том, что метаязыковая рефлексия может носить как поверхностный, так и глубинный характер. В данном контексте прилагательные *поверхностный* и *глубинный* имеют не оценочный, а исключительно дескриптивный смысл. Под поверхностной рефлексией мы понимаем такие случаи деятельности метаязыкового сознания, при которых фокус рефлексии остается в границах буквального восприятия объекта. Иными словами, такой метаязыковой комментарий повторяет, констатирует или в определенных целях подчеркивает объективные характеристики оболочки знака. Такого рода рефлексивы мы будем называть *констатирующими*. Примерами констатирующих рефлексивов являются метаязыковые высказывания, референциально соотносимые с объективными фонетическими (графическими) характеристиками знаков или их отрезков (таксон, обозначенный индексом АС1 в приведенной ниже таблице):

- *...Глеб осознал, что смерть не просто прекращала прекрасную жизнь: она делала бессмысленным уже прожитое и достигнутое. Бес-смыс-лен-ным: целых три с, плюс к тому два е, два ы, два н и два м – даже такое богатое слово в конечном счете уходило в небытие* (Водолазкин Е. Г. Брисбен);
- *...и все там было прекрасно: и чистые линии стен и проемов... и общее ощущение пустоты, простора, прохлады, покоя и еще многих понятий на букву «п»* (Толстая Т. Н. Прожиточный минимализм).

Глубинной метаязыковой рефлексией становится в результате своего перехода на операциональный

уровень. При этом ее функция трансформируется от констатирующей к исследовательской. Поиск нового знания осуществляется через когнитивные операции, связанные с оценкой, сравнением, классификацией объекта рефлексии, а также с его помещением в разного рода ассоциативные ряды. Рефлексивы, отражающие результаты глубинной метаязыковой рефлексии, мы будем называть *операциональными*. К рефлексивам операционального уровня следует относить метаязыковые комментарии, содержащие оценку внешней формы знака (таксон, обозначенный индексом ВС1):

- *Первым делом Галина Петровна повезла Лидочку к врачу. В длинной белой машине с плавным названием «Волга»* (Степнова М. Л. Женщины Лазаря);
- *Допустим, название привлекает – Гиссарлык, очень даже музыкально...* (Водолазкин Е. Г. Чагин).

Глубинная рефлексия над формой слова может порождать фоносемантические ассоциации. В рефлексиве раскрывается неконвенциональная связь между оболочкой знака и потенциальным денотатом. В большинстве случаев выведенные на поверхность текста ассоциативные ряды носят сугубо индивидуальный характер:

- *Жили у бабушкиных друзей в Кооперативном переулке. Два кооперативных о в восприятии Глеба соединялись с гулкостью парадного. И с прохладой, когдаходишь с раскаленной улицы* (Водолазкин Е. Г. Брисбен);
- *В слове «БЛО» чувствовались неиссякаемые запасы жизненной силы и одновременно что-то негуманно-идное...* (Пелевин В. О. Generation «П»).

Выделение в отдельную группу рефлексивов внутренней формы обусловлено спецификой объекта рефлексии. Внутренняя форма знака сочетает в себе признаки означающего и означаемого, занимая промежуточное положение между законносителем и его содержанием. Фактически внутренняя форма слова представляет собой морфосемантическую структуру языковой единицы. Она эксплицирует связь звучания и значения слова. Именно через внутреннюю форму реализуется свойство мотивированности языкового знака. Внутренняя форма знака выступает как одна из узловых точек метаязыковой рефлексии носителей языка. Научная метаязыковая рефлексия создает базу для этимологических исследований в лингвистике. Рядовые носители языка также проявляют интерес

к осмыслению внутренней формы слова, который, в частности, находит выражение в феномене наивной этимологии.

При решении задач настоящего исследования нами было установлено, что метаязыковые высказывания о внутренней форме знака могут отражать результаты как поверхностной, так и глубинной метаязыковой рефлексии. Констатирующие рефлексивы фиксируют, выводят на поверхность, представляют в эксплицитной форме морфосинтаксическую структуру слова (таксон, обозначенный индексом АС2):

- *Столпотворение – это столп и творение. Творение столпа, причем не строительство, а именно творение* (Пелевин В. О. Generation «П»);
- *Тотьма – то тьма, говорила Даша о своей малой родине* (Водолазкин Е. Г. Брисбен).

Операциональные рефлексивы идут дальше в осмыслении внутренней формы слова. Так, они могут содержать информацию оценочного характера о внутренней форме знака. В приведенных ниже примерах прилагательные *громоздкий* и *трудный* представляют собой оценку, данную носителем языка не внешней форме знака, а его внутренней структуре (таксон, обозначенный индексом ВС2):

- – *Слово громоздкое, – сказал я Гейгеру о телевизоре* (Водолазкин Е. Г. Авиатор);
- *Ну, пожалей ты мое больное сердце! – и он дрожащими руками из маленькой пробирочки стал вытряхивать на бугристую ладонь крохотные белые таблетки нитроглицерина. Я запомнил это трудное название ...* (Поляков Ю. М. Советство).

Разновидностью операциональных рефлексивов являются метаязыковые высказывания, в которых находят выражение обыденные представления об этимологии слов (зачастую ложные с точки зрения научной картины мира):

- – *Ха-ха! Не море, а Русский Океан. Схлынул. Остались только реки. Ока... Океан. Улавливаешь, откуда название?* (Поляков Ю. М. Любовь в эпоху перемен);
- *На Западе по-другому думают? На то они и Запад. От слова «западня»!* (Поляков Ю. М. Козленок в молоке).

От рефлексивов, описывающих формальные стороны знака, перейдем к рассмотрению рефлексивов,

образованных в результате рефлексии над семантикой слов. Данная группа рефлексивов также не является однородной ввиду того, что метаязыковая рефлексия может быть направлена на осмысление разных пластов семантической информации. Метаязыковой поиск может осуществляться как в пределах тех сущностей, которые принято называть языковыми (лексическими или грамматическими) значениями, так и выходить за их пределы, погружаясь во внеязыковое семантическое пространство. Тем самым рефлексивы способны комментировать то, что в лингвистической литературе вслед за А. А. Потебней называют ближним и дальним, или языковым и энциклопедическим значениями слова. Поэтому предлагаем называть их *рефлексивами ближнего значения* и *рефлексивами дальнего значения* соответственно.

Помимо особенностей, связанных с объектом рефлексии, семантические рефлексивы (аналогично формальным) различаются по признаку глубины рефлексии. Так, констатирующие рефлексивы ближнего значения представляют собой примеры обыденных толкований значений слов. Как правило, такого рода толкования обусловлены собственно коммуникативными причинами и выполняют функцию пояснения значений слов, не относящихся к ядру словарного состава языка (таксон, обозначенный индексом AD1):

- *Кошмарик стал жужжать про кредитные ставки и плохую работу группы коллекторов, проще говоря, выбивальщиков долгов* (Поляков Ю. М. Любовь в эпоху перемен);
- *...он уже успел приложиться, теперь закусывал «курятиной» – смолит едкую сигарету...* (Алешковский П. М. Крепость).

Операциональные рефлексивы способны передавать информацию оценочного характера. При этом в приведенных ниже примерах оценка формируется в результате рефлексии не над внешней или внутренней формой слова, а в результате осмысления его семантических признаков. Определение слов как *страшного* и *сладостного*, *вечнозеленого* объясняется особенностями их лексического значения и их субъективным восприятием носителями языка (таксон, обозначенный индексом BD1):

- *Дирекция по подготовке к затоплению останки взять разрешила, но для этого нужно было присутствие при эксгумации* (страшное слово, которое

в деревне произносили шепотом) родных покойного (Сенчин Р. В. Зона затопления);

- ...уже очнулось и распустилось сладостное, вечно-зеленое слово «любовь» (Поляков Ю. М. Гипсовый трубач).

Операции рефлексии над ближней семантикой слова могут порождать образы, смежные значению знака, и вызывать семантические ассоциации, которые отражаются в рефлексивах:

- Я не люблю слова долг. Оно представляется мне в виде скорбного отсчитывания купюр (Водолазкин Е. Г. Чагин);
- Из временных указаний все чаще ему приходило на ум слово однажды. Это слово нравилось ему тем, что преодолевало проклятие временем. И утверждало единственность и неповторимость всего произошедшего – однажды (Водолазкин Е. Г. Лавр).

В рефлексивах дальнего значения отражается семантическая информация, относящаяся к периферии лексического значения, или информация, вовсе лежащая за пределами плана содержания знака, актуализация которой в фокусе рефлексии становится возможна благодаря встроенности языковой единицы в когнитивно-дискурсивное поле текста. Констатирующие рефлексивы, как правило, расширяют информацию, данную в предметно-понятийном поле ядра лексического значения за счет комментариев

внеязыкового, энциклопедического характера. Обычно функциональное назначение такого рода рефлексивов связано с уточнением значений слов за счет расширения данных об их денотативной отнесенности (таксон, обозначенный индексом AD2):

- У нас слепень – это такая большая муха. Серая. Летает почти бесшумно и потому кусает неожиданно. А оводы мельче, цветастые, с острыми крыльями. Жужжат жалобно, вьются над головой. Скорость у них невысокая, можно ловить на лету в кулак... (Сенчин Р. В. В залипе);
- ...у него до сих пор нет ни жены, ни герлфренд. (Его, кстати, поначалу коробило это «герлфренд», а потом понял, что для девушек такой статус куда круче жены: жена – что-то такое в халате у плиты, а герлфренд – совсем другое, но такое же близкое и дорогое, как жена.) (Сенчин Р. В. Дождь в Париже).

Глубинная метаязыковая рефлексия над дальним значением слова задействует механизмы инференции. Операциональный рефлексив представляет собой результат вывода знания, произведенного на основании глубокого анализа когнитивно-дискурсивной ситуации, в которой употребляется слово. Так, в приведенных ниже примерах определения *вороватый* и *волшебный*, используемые в отношении слов *ваучер* и *последний*, эксплицируются только на фоне внеязыкового контекста. Определение *вороватый* базируется на распространенных в массовом сознании представлениях о коррупционной природе

Табл. Таксономия рефлексивов

Tab. Taxonomy of reflexives

		Признак объекта рефлексии			
		Форма знака (C)		Содержание знака (D)	
		Внешняя форма (C1)	Внутренняя форма (C2)	Ближнее значение (D1)	Дальнее значение (D2)
Признак глубины рефлексии	Поверхностная (A)	Констатирующие рефлексивы			
		Констатирующие рефлексивы внешней формы (AC1)	Констатирующие рефлексивы внутренней формы (AC2)	Констатирующие рефлексивы ближнего значения (AD1)	Констатирующие рефлексивы дальнего значения (AD2)
	Глубинная (B)	Операциональные рефлексивы			
		Операциональные рефлексивы внешней формы (BC1)	Операциональные рефлексивы внутренней формы (BC2)	Операциональные рефлексивы ближнего значения (BD1)	Операциональные рефлексивы дальнего значения (BD2)

приватизации в России и накладывается, как ярлык, на слово *ваучер*; ироничное восприятие прилагательного *последний* как *волшебного слова* продиктовано представлениями об экономических реалиях, имевших место в советском государстве (таксон, обозначенный индексом BD2):

- *Замелькало вороватое словечко «ваучер»* (Поляков Ю. М. Как я построил «Демгородок»);
- *Но есть одно волшебное слово, которое заставляет Лиду мгновенно выхватить кошелек и метнуться в кассу. Это слово – «последний»* (Поляков Ю. М. Советство).

С целью обеспечения наглядности полученных результатов исследования разработанная типология рефлексивов представлена в виде таблицы, в которой таксономические группы формируются на пересечении классификационных признаков, характеризующих объект и глубину метаязыковой рефлексии.

Заключение

Переходя к подведению итогов, отметим, что результаты метаязыковой рефлексии, отраженные в художественных текстах, отличаются содержательной неоднородностью. В ходе исследования удалось установить, что базовыми признаками, определяющими деление рефлексивов на отдельные таксономические группы, выступают особенности объекта и особенности протекания метаязыковой рефлексии.

Признак объекта рефлексии формирует предпосылки для деления рефлексивов на высказывания о форме

знака и высказывания о значении знака. На втором ярусе типологии высказывания о форме знака подразделяются на рефлексивы внешней и внутренней формы, а высказывания о значении знака – на рефлексивы ближнего и дальнего значения.

Намеченная типология дополняется таксономией, построенной вокруг признака функционирования метаязыковой рефлексии. Основным функциональным признаком метаязыковой рефлексии является ее глубина. В соответствии с данным признаком рефлексия может носить поверхностный или глубинный характер. Поверхностная метаязыковая рефлексия порождает констатирующие рефлексивы, в которых фиксируются наблюдаемые характеристики знака. Глубинная метаязыковая рефлексия приводит к образованию операциональных рефлексивов, в которых отражаются результаты разноаспектного осмысления знака.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в создание системной типологии рефлексивов. Результаты способствуют дальнейшему осмыслению онтологических и гносеологических характеристик метаязыковой рефлексии, вносят вклад в изучение автореферентной функции языка.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Александров О. А. «Наивная» фольклористика как форма проявления обыденного метаязыкового сознания (на материале прецедентных текстов российских немцев). *Российский гуманитарный журнал*. 2020. Т. 9. № 5. С. 342–351. [Aleksandrov O. A. "Naive" folklore studies as a form of manifestation of ordinary metalanguage consciousness (based on the precedent texts of the Russian Germans). *Liberal Arts in Russia*, 2020, 9(5): 342–351. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15643/libartrus-2020.5.7>
- Андрусенко Е. А. Функции метатекста в художественном тексте (на материале произведений В. Астафьева). *Сибирский филологический журнал*. 2011. № 1. С. 89–94. [Andrusenko E. A. The functions of metatext in works of fiction (based on works by V. Astafiev). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2011, (1): 89–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/numvan>
- Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка. *Язык о языке*, ред. Н. Д. Арутюнова. М.: ЯРК, 2000. С. 7–19. [Arutiunova N. D. Naive reflections on the naive linguistic worldview. *Language about the language*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: IaRK, 2000, 7–19. (In Russ.)]
- Бабенко Н. Г., Корешкова Е. К. Функциональный анализ языковой рефлексии в романе Евгения Водолазкина «Оправдание острова». *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. 2021. № 4. С. 24–32. [Babenko N. G., Koreshkova E. K. Functional analysis of linguistic

- reflection in Evgeny Vodolazkin's "Justification of the Island". *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2021, (4): 24–32. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kyvvpdk>
- Батулина А. В. О метаязыковых контекстах в массовой литературе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8. № 4. С. 1041–1050. [Batulina A. V. To the problem of metalinguistic contexts in mass literature. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2017, 8(4): 1041–1050. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-1041-1050>
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах). *Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке*, отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 146–161. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. People about language: metalanguage reflection in non-linguistic texts. *Logical analysis of language: The image of human in culture and language*, eds. Arutiunova N. D., Levontina I. B. Moscow: Indrik, 1999, 146–161. (In Russ.)]
- Вепрева И. Т. Метаязыковые высказывания как сигналы социально-психологического климата периода корона-вирусной пандемии. *Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: Междунар. науч. конф. (Москва, 28–29 октября 2020 г.)*. М.: РУДН, 2020. С. 46–48. [Vepreva I. T. Metalinguistic utterances as signals of the socio-psychological climate during the COVID-19 pandemic. *Russian language in modern scientific and educational space: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, 28–29 Oct 2020*. Moscow: PFUR, 2020, 46–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cbmоем>
- Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. 384 с. [Vepreva I. T. *Linguistic reflection in Post-Soviet period*. Moscow: OLMA-Press, 2005, 384. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrvksr>
- Залевская А. А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2015. № 4. С. 29–36. [Zalevskaya A. A. "Language reflection" and "language consciousness": Problems of terminology. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2015, (4): 29–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkeukj>
- Залевская А. А. К проблеме разграничения языковой ситуации и метаязыковой ситуации. *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 112–120. [Zalevskaya A. A. To distinguishing linguistic and metalinguistic awareness. *Language, consciousness, and communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKS Press, 2016, iss. 53, 112–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjfxmx>
- Золотова Н. О. Рефлексивность обыденного сознания и естественный метаязык. *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 4. С. 50–61. [Zolotova N. O. Reflexivity of everyday consciousness and natural metalanguage. *Journal of Psycholinguistics*, 2019, (4): 50–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-42-4-52-63>
- Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты. *Теоретическая и прикладная лингвистика*, отв. ред. В. Б. Кашкин. Воронеж: ВГТУ, 2002. Вып. 3. С. 4–34. [Kashkin V. B. Mundane philosophy of language and linguistic contrasts. *Theoretical and applied linguistics*, ed. Kashkin V. B. Voronezh: VSTU, 2002, iss. 3, 4–34. (In Russ.)]
- Кравченко М. А. Конструктивный vs деструктивный метатекст в произведениях современной русской прозы. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2024. Т. 21. № 1. С. 34–41. [Kravchenko M. A. Constructive vs destructive metatext in works of modern Russian prose. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2024, 21(1): 34–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ling240105>
- Кравченко М. А. От поиска слова к поиску смысла жизни, или Грани метаязыковой рефлексии в романе Р. Сенчина «Дождь в Париже». *Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский Междунар. лингвистич. саммит. (Казань, 14–19 ноября 2022 г.)* Казань: Казан. ун-т, 2023а. Т. 2. С. 90–94. [Kravchenko M. A. From the search for a word to the search for the meaning of life, or The facets of metalanguage reflection in R. Senchin's Rain in Paris. *Modern linguistics: From theory to practice: Proc. III Kazan Intern. Linguistic Summit, Kazan, 14–19 Nov 2022*. Kazan: Kazan University, 2023a, vol. 2, 90–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uuriro>
- Кравченко М. А. Теория обыденной лингвистики: систематический обзор современного состояния исследовательского направления. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023б. Т. 16. № 3. С. 773–779. [Kravchenko M. A. Theory of mundane linguistics: Systematic review of the current research direction. *Philology. Theory & Practice*, 2023b, 16(3): 773–779. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20230153>

- Кравченко М. А., Кравченко О. В. Абсурд как метаязыковой код (на материале художественных текстов абсурдистской эстетики). *Критика и семиотика*. 2022. № 1. С. 400–421. [Kravchenko M. A., Kravchenko O. V. The absurd as a metalanguage code (based on the material of artistic texts of absurdist aesthetics). *Kritika i Semiotika*, 2022, (1): 400–421. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-1-400-421>
- Кузнецова А. В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 9. С. 265–269. [Kuznetsova A. V. Meta-text in fiction text: Pragmatics and functions. *Philology. Theory & Practice*, 2020, 13(9): 265–269. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.49>
- Кунщикова М. О. Метаязыковая активность креатора языковой игры в диалогах искусственных билингов. *Научный диалог*. 2021. № 12. С. 71–88. [Kunshchikova M. O. Metalinguistic activity of wordplay creator in classroom bilingual dialogs. *Nauchnyi Dialog*, 2021, (12): 71–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-71-88>
- Лабунец Н. В., Кочнева Н. С. Ономастическая рефлексия в произведениях В. П. Крапивина. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2019. Т. 5. № 2. С. 6–19. [Labunets N. V., Kochneva N. S. Onomastic reflection in works of V. P. Krapivin. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2019, 5(2): 6–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2019-5-2-6-19>
- Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета. *Русский язык в научном освещении*. 2006. № 2. С. 165–185. [Mechkovskaya N. B. Natural language and metalanguage reflection in the age of the Internet. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2006, (2): 165–185. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hyzsdh>
- Никитина Л. Б., Гейко Е. В. Когнитивная природа и номинативные механизмы интеллектуальной игры (на примере кроссвордов). *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2021. № 2. С. 117–122. [Nikitina L. B., Geiko E. V. Cognitive nature and nominative mechanisms of intellectual play (on the example of crosswords). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2021, (2): 117–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-31-117-122>
- Николина Н. А. Метаязыковые комментарии в прозе И. А. Бунина. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2020. № 4. С. 35–42. [Nikolina N. A. Metalanguage comments in I. Bunin's prose. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, (4): 35–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tijjcg>
- Николина Н. А. Метаязыковые комментарии в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. *Русский язык в школе*. 2016. № 2. С. 40–45. [Nikolina N. A. Metalanguage comments in the works of M. E. Saltykov-Shchedrin. *Russian Language at School*, 2016, (2): 40–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvwnkr>
- Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика, отв. ред. А. Н. Ростова. Кемерово-Барнаул: АлтГУ, 2008. 480 с. [Ordinary metalinguistic consciousness and naive linguistics, ed. Rostova A. N. Кемерово-Барнаул: ASU, 2008, 480. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rmmctr>
- Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты, отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово-Барнаул: АлтГУ, 2009. Ч. I. 532 с. [Ordinary metalinguistic consciousness: Ontological and epistemological aspects, ed. Golev N. D. Кемерово-Барнаул: ASU, 2009, pt. I, 532. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmmqdp>
- Родионова И. Г. Метаязыковая функция вводных предложений с союзом *если* в произведениях К. Г. Паустовского. *Тулский научный вестник. Серия: История. Языкознание*. 2021. № 2. С. 109–118. [Rodionova I. G. The metalanguage function of introductory sentences with the conjunction *yesli (if)* in the works of K. G. Paustovsky. *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, 2021, (2): 109–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-2-109>
- Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: ТГУ, 2000. 193 с. [Rostova A. N. *Metatext as a form of explication of metalanguage consciousness in Russian dialects of Siberia*. Томск: TSU, 2000, 193. (In Russ.)]
- Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с. [Ryabtseva N. K. *Language and natural intelligence*. Moscow: Academia, 2005, 640. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrmsyh>
- Сизикова Т. Э. Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии. *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 68. С. 6–31. [Sizikova T. E. Meta-model of reflection within the framework of meta-ontology. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal*, 2018, (68): 6–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/68/1>
- Фролова О. Е. Некорректное речевое воздействие: текст и метатекст. *Филологические заметки*. 2021. Т. 19. № 2. С. 63–76. [Frolova O. E. Incorrect speech impact: Text and metatext. *Philological Notes*, 2021, 19(2): 63–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/1857-6060-2021-19-2-63-76>

- Черняк В. Д. Речевой портрет автора и метаязыковая деятельность персонажей (на материале творчества А. И. Солженицына). *Филология в XXI веке*. 2019. № S1. С. 305–310. [Chernyak V. D. A verbal portrait of the author and metalinguistic activities of characters (a study in the works by Alexandr Solzhenitsyn). *Filologiya v XXI veke*, 2019, (S1): 305–310. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cuvvcix>
- Черняков А. Н. Два фрагмента «поэтической филологии» русского авангардизма. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2012. № 8. С. 87–93. [Chernyakov A. N. Two fragments of "poetic philology" of Russian avant-garde. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*, 2012, (8): 87–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pclbbt>
- Шумарина М. Р. «Что ни звук, то и подарок...»: метаязыковые комментарии в прозе Н. В. Гоголя (к 210-летию со Дня рождения). *Русский язык в школе*. 2019. Т. 80. № 2. С. 53–61. [Shumarina M. R. "Whatever a sound, then a gift...": Metalinguistic comments in prose of N. V. Gogol (for the 210th birth anniversary). *Russian Language at School*, 2019, (2): 53–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-2-53-61>
- Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста: (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.: Флинта; Наука, 2011. 328 с. [Shumarina M. R. *Language in the mirror of fiction: Metalanguage reflection in Russian prose*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011, 328. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/utwqlb>
- Язык о языке, ред. Н. Д. Арутюнова. М.: ЯПК, 2000. 624 с. [*Language about the language*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: IaRK, 2000, 624. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtdqrr>
- Goddard C. Natural semantic metalanguage. *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics*, eds. Xu W., Taylor J. R. NY: Routledge, 2021, 93–110.
- Jakobson R. Metalanguage as a linguistic problem. In: Jakobson R. *Selected writings. Vol. VII. Contributions to comparative mythology. Studies in Linguistics and Philology, 1972–1982*. Berlin-Boston: De Gruyter Mouton, 1985, 113–121. <https://doi.org/10.1515/9783110855463.113>
- Jaworski A., Coupland N., Galasinski D. *Metalanguage: Social and ideological perspectives*. The Hague: Walter de Gruyter, 2004, 324.
- Niedzielski N. A., Preston D. R. *Folk linguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003, 375.
- Vepreva I., Kuprina T. Coronavirus and us: Metalinguistic portrait of Covid-19 pandemic. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). Vol. 115. The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment (RLMSEE-2020)*, ed. Shaklein V. M. European Publisher, 2021, 342–354. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.09.38>
- Wierzbicka A. Metatekst w tekście. *O spójności tekstu*, ed. Mayenowa M. R. Wrocław, 1971, 105–121.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/aishpt>

Опыт создания лингвистического корпуса цифровых лексических единиц (на примере социально-политических протестных движений)

Алексеев Александр Владимирович

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1384-2003

<https://orcid.org/0000-0002-8193-8740>

Scopus Author ID: 57214124708

alexander1990alekseev@gmail.com

Беляев Александр Владимирович

Happitech, Нидерланды, Роттердам

eLibrary Author SPIN: 8252-0022

Аннотация: Глобализация и цифровизация способствуют тому, что текстовые данные в современном виртуальном пространстве все в большей степени отражают значимые события, происходящие на планете, в частности, протестные движения способны менять вектор политического и социокультурного развития стран и регионов. Цель – описать опыт создания лингвистического корпуса цифровых лексических единиц (на примере социально-политических протестных движений) и проиллюстрировать алгоритм работы с ним. Единицей исследования является цифровая лексическая единица, под которой понимается гипертекстовый конструкт, обладающий денотатом, сигнификатом, лексемой, включающий набор других цифровых и обычных лексических единиц, а также различные медиафайлы (фото, изображения, аудио, видеоряд и др.), функционирующий в виртуальном пространстве. Анализ использования цифровых лексических единиц представлен на примере нескольких социально-политических кейсов. Выявлены три тематические группы цифровых лексических единиц протестных движений в виртуальной коммуникации: социальные протесты, политические протесты и протесты коренных народов стран. Обоснована значимость исследования протестных движений с точки зрения их коммуникативного воздействия на современный социум в различных странах мира. Разработанные технические параметры корпуса позволяют осуществлять поиск по нескольким параметрам: социальная сеть, имя пользователя, url-адрес пользователя, дата поста, текст, тип (аудио, ссылка, видео и др.), коннотация и расчет популярности. Экстралингвистический анализ цифровых лексических единиц позволяет определить место движения, зафиксированного в корпусе, в социальной и политической жизни населения различных стран. Описан алгоритм создания технической базы для формирования основы корпуса, установлены особенности применения данного лингвистического корпуса на различных операционных системах.

Ключевые слова: цифровая лексическая единица, лингвистический корпус, протестная коммуникация, социально-политическое движение, социальные сети

Цитирование: Алексеев А. В., Беляев А. В. Опыт создания лингвистического корпуса цифровых лексических единиц (на примере социально-политических протестных движений). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 97–109. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-97-109>

Поступила в редакцию 01.12.2024. Принята после рецензирования 23.01.2025. Принята в печать 27.01.2025.

full article

Linguistic Corpus of Digital Lexical Units Related to Socio-Political Protest Movements

Alexander V. Alekshev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO),

Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 1384-2003

<https://orcid.org/0000-0002-8193-8740>

Scopus Author ID: 57214124708

alexander1990alekseev@gmail.com

Alexander V. Belyaev

Happitech, Netherlands, Rotterdam

eLibrary Author SPIN: 8252-0022

Abstract: The current globalization and digitalization keep reducing the gap between the virtual text and the event it describes. Protest movements are capable of changing the vector of national or regional political and socio-cultural development. They have a serious communicative impact on modern society. The article describes a new linguistic corpus of digital lexical units based on socio-political protest movements and illustrates its operating algorithm. A digital lexical unit is a virtual hypertextual construction with a denotation, a signifier, and a lexeme. It includes a set of other digital and regular lexical units, as well as various media files, e.g., photos, images, audio, video, etc. The authors analyzed several socio-political cases to illustrate the fundamental principles of creating a corpus of digital lexical units based on protest socio-political movements. The digital lexical units were represented by three thematic groups: social protests, political protests, and protests of indigenous peoples. The technical parameters made it possible to limit the search by social network, user name, URL, date, text, type (audio, link, video, etc.), connotation, and popularity count. The extralinguistic analysis of digital lexical units may reveal the role of a particular protest movement in the social and political life of the country. The corpus algorithm can be applied to various operating systems.

Keywords: digital lexical unit, linguistic corpus, protest communication, socio-political movement, social networks

Citation: Alekshev A. V., Belyaev A. V. Linguistic Corpus of Digital Lexical Units Related to Socio-Political Protest Movements. *SibScript*, 2025, 27(1): 97–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-97-109>

Received 1 Dec 2024. Accepted after peer review 23 Jan 2025. Accepted for publication 27 Jan 2025.

Введение

В настоящее время мировой социум активно вошел в эру глобализации и цифровизации, текстовые данные в современном виртуальном пространстве все в большей степени отражают значимые события, происходящие на планете. К таковым относятся, например, протестные движения, акцентирующие внимание на конфликтных ситуациях, способных менять вектор политического и социокультурного развития стран и регионов. В связи с этим особую актуальность приобретают изыскания, направленные на анализ лексико-семантического описания понятия *массовый протест* [Корецкая 2020], рассмотрение фреймовой структуры концепта *протест* [Грушевская, Тягловская 2023], описание конфликтной мобилизации как практики протестной коммуникации [Ребрина 2021], изучение реализации коммуникативных стратегий протеста в социальных сетях [Гавра, Быкова 2021]. Следует отметить работы, в которых

представлен лингвокогнитивный подход к анализу манипулятивного протестного дискурса, где изучаются также особенности невербального ряда семиотических систем [Будаев и др. 2022]. Краткий обзор основных проблем, связанных с изучением коммуникативной природы современного протеста, в приведенных выше работах позволяет определить два ключевых момента: феномен протеста изучается на современном этапе с позиции различных лингвистических направлений; феномен коммуникативного протеста в цифровом пространстве как «новая модель порождения знания междисциплинарна и генерируется в прикладном аспекте» [Заботкина и др. 2015: 15–16].

Значительная часть общества, вошедшая в информационную эпоху, не только сгенерировала большой пласт текстов, но и оказалась подверженной влиянию со стороны информационных и коммуникационных

технологий. Исследователями отмечаются изменения в поведении, деятельности и коммуникации в условиях сетевого общества [Бакаев и др. 2018]. Немаловажное значение при этом имели и имеют социальные платформы, основной характеристикой которых является политизация, что делает их исключительными «по уровню воздействия "на политическую картину мира"» [Альбо 2021: 39]. С одной стороны, социальные платформы способствуют исследованию языка, т.к. отображают естественную коммуникацию, а с другой – устанавливают виджет гипертекстового материала. Наличие гипертекстуальности принципиально отличает сеть Интернет от предшествующих средств освещения информации [Никитенко 2009]. Это свойство разработчики предложили пользователям Сети как интуитивно понятный инструмент для переключения внимания от одних данных к другим. Следующим этапом развития гипертекста становится процесс хэштегирования определенных лексем [Калашникова, Поселенкова 2023], что во многом обусловлено в основном развитием различных социальных платформ. Изначально хэштеги использовались в информационно-развлекательных целях, где хэштегированные лексемы объединяли текстовую информацию с аудио-, фото- и видеорядами. Позднее стало очевидным, что сфера применения хэштегов имеет социально-политическую направленность, в частности при организации и проведении протестных политических движений с использованием лексических единиц, выраженных по форме и по функционалу хэштегами [Алексеев 2024; Баранов 2020]. В результате появляется обширный пласт текстовых данных, связанных с протестными движениями, которые ученые осмысливают, анализируют и описывают [Агурова, Тихонова 2019; Баранов 2020; Восканян 2017; Ребрина 2022; Шамне и др. 2020].

Особого внимания при этом заслуживают цифровые лексические единицы (ЦЛЕ). Учет не только лингвистических механизмов, но и экстралингвистических предпосылок возникновения и формирования протестных движений в виртуальной коммуникации дает возможность собрать большое количество примеров, проанализировать функционирование ЦЛЕ, сформировать комплексную картину цифрового протеста в коммуникации. В этой связи целесообразно обратиться к методам корпусной лингвистики.

На данный момент ученые при проведении исследований отмечают значительную роль лингвистических корпусов [Горожанов 2022; Заботкина и др. 2015; Копотев 2021]. При этом если в начале развития корпусных технологий исследования были

сфокусированы преимущественно на подсчете встречаемости языковых единиц, то накопленное за последние десятилетия количество примеров и наблюдений позволяет сфокусировать внимание на «описании – и индивидуальных, и самых общих – параметров употребления, представляющих собой единый континуум» [Копотев 2021: 100]. Вообще проблема цифровой обработки использования языка и коммуникативного процесса не является новой. Осмысление цифровых технологий, связанных с анализом больших данных в обработке текста, представлено в работах лингвистов [Басанин 2020; Захаров 2015; Колмогорова и др. 2022] и мн. др. Однако в данных работах внимание фокусируется преимущественно на функционировании больших данных в рамках корпусной лингвистики и семантики вне контекста протестного дискурса на социальных платформах.

Создание любого лингвистического корпуса (и корпуса ЦЛЕ протестных движений, как в нашем случае) включает несколько этапов и предполагает наличие удобной системы управления. Одной из основных задач при создании корпуса является определение назначения его дальнейшего использования. Так, группой исследователей был создан лингвистический корпус эпидемий EPIC30M, содержащий 11,8 млн твитов, датированных 2006–2020 гг. Тематикой корпуса стали три заболевания и одно множество, включающее информацию о шести эпидемических вспышках. Созданная в данном корпусе система управления позволила исследователям выявить тесную корреляцию эпидемий и их геолокаций [Liu et al. 2020].

В связи с нашим исследованием интересны результаты корпусных изысканий и отечественных ученых, методологической задачей которых стало выявление возможностей лингвостатистического подхода при работе с большими данными [Kulikov et al. 2023]. Здесь были использованы ресурсы Национального корпуса русского языка, включающего тексты письменной и устной речи различных стилей, а также тексты пользователей в медиапространстве. Установлено, что, например, в публицистических текстах лексема *протест* чаще употребляется при обсуждении политики и истории (как российской, так и мировой).

Знакомство с современными изысканиями позволяет утверждать, что цифровую протестную коммуникацию необходимо анализировать комплексно. Исследование протестной коммуникации, выполняемое на стыке таких дисциплин, как лингвистика, политология, социология, корпусная лингвистика, требует применения интегрированной методики. Таковую

методику возможно представить с позиции корпусной лингвистики, т. е. с использованием современных лингвистических информационных ресурсов, где предлагаемые инструменты обладают существенным потенциалом для автоматической обработки больших статистических данных о языковых и речевых единицах [Захаров 2005: 3]. Вышеизложенное позволяет обозначить новизну предлагаемого исследования, которая видится авторами в том, что оно впервые комплексно описывает методику лингвистического измерения принципов современной цифровой протестной коммуникации с помощью технологий корпусной лингвистики, теории языковой компрессии, политической лингвистики, социолингвистики и ареальной лингвистики. В настоящем исследовании вводятся в оборот новые данные о цифровой протестной коммуникации, анализируются данные, которые позволяют переосмыслить рассмотрение такого явления, как цифровой коммуникативный протест (не подвергавшийся ранее исследованию с позиций корпусного анализа), открываются новые перспективы для дальнейших изысканий цифровой протестной коммуникации.

Цель – описать опыт создания лингвистического корпуса цифровых лексических единиц (на примере социально-политических протестных движений) и алгоритм работы с ним. Задачи:

- дать определение понятию *цифровая лексическая единица* в качестве ключевого в современной виртуальной протестной коммуникации;
- обосновать выбор корпусного исследования ЦЛЕ;
- описать лингвистический корпус ЦЛЕ, где иллюстративно-практическая часть исследования демонстрирует таксономию современных протестных движений в виртуальной коммуникации.

Методы и материалы

Современная цифровая сфера социальных медиа является областью формирования протестных движений социального и политического характера. Знакомство с современными изысканиями коммуникативного протеста позволяет утверждать, что цифровую протестную коммуникацию необходимо анализировать комплексно. По этой причине в предлагаемом исследовании ключевая роль отводится методам корпусной лингвистики. При этом методика создания и дальнейшей работы с лингвистическим корпусом ЦЛЕ включала следующие этапы:

- 1) сбор практического материала, а именно ЦЛЕ в социальных сетях: Facebook¹, DailyMotion (заблокирован в РФ), Flickr, Instagram, Reddit, Tumblr, X (заблокирован в РФ), Vimeo (объявил об уходе из РФ), VKontakte, Web, YouTube;
- 2) обоснование использования операционной системы Windows и высокоуровневого интерпретируемого языка программирования MATLAB;
- 3) формирование картотеки ЦЛЕ, тем, концептов, типов текстов, посвященных различным социально-политическим протестным движениям;
- 4) определение оснований для параметризации, дальнейшего анализа и обобщения результатов.

В основу корпуса положены:

- 1) материалы социальных протестных акций на социальных платформах;
- 2) материалы политических протестных акций на социальных платформах;
- 3) материалы протестов коренных народов на социальных платформах.

При отборе практического материала (всего была собрана и проанализирована 21 ЦЛЕ) для корпусной разметки учитывались следующие основные параметры: социальная сеть, в которой функционирует цифровая лексическая единица; время и геолокация ее использования; функционально-семиотические особенности текста. Под цифровой лексической единицей понимается гипертекстовый конструкт, обладающий денотатом, сигнификатом, лексемой, включающий набор других цифровых и обычных лексических единиц, а также различные медиафайлы (фото, изображения, аудио, видеоряд и др.), функционирующий в виртуальном пространстве.

Кроме методов корпусной лингвистики применялись методы наблюдения, рефлексии и интерпретации; контекстуальный анализ, обобщение, аналогия и вероятностно-статистический метод.

Результаты

В ряде наших работ с помощью корпусных технологий раскрывается содержание термина *лексико-семантическое поле* в протестных движениях, соотносимое с термином *облако тэгов* как коррелирующими с лексемами, выраженными по форме хэштегами [Алексеев, Ленец 2024; Alekshev 2023]. Было установлено, что только анализ ЦЛЕ единого семантического поля во время работы с большими данными

¹ Компания *Meta Platforms*, владеющая социальными сетями *Facebook* и *Instagram*, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 по делу № 02-2473/2022.

способен отражать верифицируемую информацию об исследуемом протестном социально-политическом движении. Рассмотрим созданный лингвистический корпус ЦЛЕ, проиллюстрируем с помощью примеров некоторые результаты.

Исследовав различные протесты на социальных платформах, мы выделили основные тематики протестных кампаний: социальные, политические, протесты коренных народов. Также была выявлена таксономия, демонстрирующая детализацию протестных движений, на основании которой был создан лингвистический корпус.

На рисунке 1 представлены ключевые лексико-тематические группы, которые послужили основой для предлагаемого лингвистического корпуса. Цифровая протестная коммуникация в современном виртуальном пространстве представлена тремя лексико-тематическими группами ЦЛЕ: хэштеги протестных социальных кампаний, хэштеги протестных политических кампаний, хэштеги протестов коренных народов, – которые имеют свои подгруппы. Так, ЦЛЕ протестных социальных акций охватывают такие сферы, как *дискриминация по полу, расовая дискриминация, медиа, экологические проблемы, проблема вооружения граждан*, по каждой из подгрупп в качестве примеров приведены соответствующие хэштеги. Данные ЦЛЕ были наиболее значимыми для социума, исходя из анализа, который был проведен нами на основании протестных акций, проходящих с 2010 г. по настоящее время, посредством ресурсов Google trends, Hashtagify, Social Searcher и Getdaytrends.

Мы отобрали самые распространенные ЦЛЕ, опираясь на университетский курс «Социальные движения и социальные медиа»². Вследствие этого необходимо указать, что предлагаемый лингвистический корпус насчитывает лимитированное число цифровых лексем (всего 21 единица в 7759 текстах), однако имеет возможность расширения. Для этого нами была разработана программа в среде MATLAB, которая была выбрана по следующим причинам: имеет широкий спектр готовых графических решений для работы с таблицами данных и возможностью работы на устройствах на системе Windows; позволяет оперативно разрабатывать приложение с интуитивно понятным графическим интерфейсом. Отметим, что в рамках применения данной программы на устройствах на операционных системах MacOS и Linux необходима предварительная установка MATLAB на компьютер. В корпусе при анализе ЦЛЕ становится важным процесс выявления элементов ядра и периферии. Программа позволяет обрабатывать текстовую информацию в формате .csv с помощью машинных алгоритмов и выводит по каждой ЦЛЕ следующие параметры:

- Network (Социальная сеть);
- User_name (Имя пользователя);
- User_url (Url-адрес пользователя);
- Posted (Дата поста);
- Text (Текст);
- Type (Тип) (видео, фото, аудио, статус или гиперссылка);
- Sentiment (Коннотация);
- Popularity count (Расчет популярности).

Рис. 1. Таксономия цифровых лексических единиц протестной тематики, выраженных по форме хэштегами
 Fig. 1. Taxonomy of digital lexical units in protest-related hashtags

² #Moveme. A Guide to Social Movements & Social Media. URL: <https://moveme.berkeley.edu/about-us/course-syllabus/> (accessed 2 Oct 2024).

Рассмотрим каждый из параметров более детально (фрагмент лингвистического корпуса представлен на рисунке 2). Параметр Network представляет социальную платформу (всего в корпусе – 12 социальных платформ), на которой данная ЦЛЕ была актуализирована. В результате широкого спектра социальных платформ у пользователя или исследователя появляется возможность применять сопоставительный анализ конкретной ЦЛЕ на различных социальных платформах.

Следующие два параметра – User_name и User_url – связаны с конкретным участником протестной коммуникации. Так, параметр User_name предоставляет информацию относительно никнейма пользователя, где важным аспектом здесь становится сочетание указанного выше параметра с параметром Popularity_count. Сопоставляя в лингвистическом корпусе эти поля, возможно получить информацию относительно лидеров мнений, работающих с данной ЦЛЕ. Параметр User_url предоставляет подробную информацию относительно месторасположения коммуниканта. Этот аспект исследования может быть применен для идентификации не только местонахождения и национальности коммуниканта, использующего ЦЛЕ, но и узнать более детальную информацию (например, если речь идет о соцсетях – Facebook, VKontakte и Instagram). К такой информации следует отнести пол, возраст и интересы коммуниканта. В некоторых случаях эти данные могут быть скрыты пользователем. Важной характеристикой

работы исследователя в секторе User_url становится его деятельность по определению контингента аудитории, т. к. для идентификации наиболее точных данных следует выйти за рамки лингвистического анализа, прибегнув к экстралингвистическому анализу, направленному на идентификацию личности автора текста.

Параметр Posted предоставляет информацию о дате опубликования поста как важном показателе при исследовании протестной коммуникации в диахронии. Поясним, что в представленном корпусе собраны примеры преимущественно за период 2021–2024 гг., в то же время они отображают протестные движения, сформировавшиеся в цифровом дискурсе с 2011 г. (например, протесты в период Арабской весны).

Параметр Sentiment отображает эмотивный компонент, применяемый коммуникантом. Сегмент таблицы позволяет установить коннотацию по шкале *негативная – нейтральная – позитивная*. Данный параметр является, на наш взгляд, ключевым в контексте применения метода семантического дифференциала Ч. Осгуда для описания оценки пользователем протестного движения [Osgood et al. 1961].

Параметры Type и Text непосредственно связаны с текстом. Так, параметр Type отражает информацию о том, в каком именно формате встречается цифровая лексема (в корпусе выделены четыре класса – фото, видео, ссылка, статус). Здесь классы *ссылка* и *статус* имеют принципиальное значение, т. к. они обладают наибольшей текстовой информацией, которая подробно

#hashtags	network	user_name	user_url	posted	text	url	type
#ArabSpring	twitter	Aisha Gelana	https://twitter.com/AishaMo21498021	2022-07-20 13:12:12 +0	RT @gadaa_hunde :OSFNA 25th Anniversary! Sum...	https://twitter.com/AishaMo21498021/status/154974...	photo
#BlackLivesMatter	twitter	Aisha Gelana	https://twitter.com/AishaMo21498021	2022-07-20 13:02:42 +0	RT @jirraji1 :#OSFNA 25th Anniversary! Summer of ...	https://twitter.com/AishaMo21498021/status/154974...	photo
#LeleNao	twitter	Nisaa	https://twitter.com/Nisa58106879	2022-07-20 12:52:04 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summer of ...	https://twitter.com/Nisa58106879/status/1549738915...	photo
#FakeNews	twitter	Nisaa	https://twitter.com/Nisa58106879	2022-07-20 12:16:50 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/Nisa58106879/status/1549730047...	photo
#FireDrillFridays	twitter	-	https://twitter.com/00430i	2022-07-20 10:14:23 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/00430i/status/1549699232386408...	photo
#IdleNoMore	twitter	Misgaanaa Bantli	https://twitter.com/MisgaanaaBantli	2022-07-20 09:06:38 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/MisgaanaaBantli/status/15496821...	photo
#MAGA	twitter	Said Najo	https://twitter.com/SaidNajo8	2022-07-20 08:51:05 +0	RT @jirraji1 :#OSFNA 25th Anniversary! Summer of ...	https://twitter.com/SaidNajo/status/1549678267413...	photo
#MarchforOurLive	twitter	urji likaa	https://twitter.com/SuraneShifera	2022-07-20 08:20:11 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/SuraneShifera/status/1549670492...	photo
#MeToo	twitter	gadaa_hunde	https://twitter.com/gadaa_hunde	2022-07-20 07:51:07 +0	OSFNA 25th Anniversary! Summer of Unity! Tokku...	https://twitter.com/gadaa_hunde/status/1549653178...	photo
#NODAPL	twitter	Saartuu	https://twitter.com/F9Ghh20005976	2022-07-20 07:26:59 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/F9Ghh20005976/status/15496571...	photo
#NoBanNoWall	twitter	Caaltuu	https://twitter.com/Sensat54369094	2022-07-20 07:00:46 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/Sensat54369094/status/1549650...	photo
#NotOneMore	twitter	Lemlem	https://twitter.com/Lemlem87200788	2022-07-20 05:40:59 +0	RT @GumaaQeerroot :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/Lemlem87200788/status/1549630...	status
#Oromoprotests	twitter	Aisha Gelana	https://twitter.com/AishaMo21498021	2022-07-20 04:51:05 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/AishaMo21498021/status/154961...	status
#PrayForParis	twitter	Yohanis Megersa	https://twitter.com/YohanisMegersa2	2022-07-20 04:36:37 +0	RT @GumaaQeerroot :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/YohanisMegersa2/status/1549614...	photo
#ShoutYourAbort	twitter	Dhibbisaa	https://twitter.com/LDhibbisaa	2022-07-20 04:19:36 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/LDhibbisaa/status/154960994837...	photo
#ShooshaAustralia	twitter	young jirra	https://twitter.com/jirraji1	2022-07-20 03:52:25 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summer of Unity! Tokku...	https://twitter.com/jirraji1/status/15496031053141524...	photo
#TakeAnee	twitter	young jirra	https://twitter.com/jirraji1	2022-07-20 03:51:34 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/jirraji1/status/15496028927132794...	photo
#UmbrellaRevolut	twitter	Oromia For Life	https://twitter.com/Oromia_LOVE	2022-07-20 02:26:32 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/Oromia_LOVE/status/1549581494...	photo
#VomensMarch	twitter	Yeroon Anmaa	https://twitter.com/YeroonAnmaa3	2022-07-20 02:23:07 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/YeroonAnmaa3/status/154958063...	photo
#YesAllWomen	twitter	*****	https://twitter.com/HawwiliLiban	2022-07-20 02:11:41 +0	RT @FiraKilaa :#OSFNA 25th Anniversary! Summe...	https://twitter.com/HawwiliLiban/status/1549577549...	photo
#kony2012	instagram	*****	*****	2022-07-24 11:06:02 +0	---#oromobeauty #oromostyle #oromoculture #frees...	https://www.instagram.com/pgZi2K-LUUE	photo
	instagram	*****	*****	2022-07-23 06:40:07 +0	Pc by @amsaad_13 Makeup @fayaa_makeup_artis...	https://www.instagram.com/pgWVWVvthX	photo
	instagram	*****	*****	2022-07-22 08:16:53 +0	Cute oromo -❤️#oromoprotest #oromoprotests #...	https://www.instagram.com/pgTroStIDSn	photo
	instagram	*****	*****	2022-07-20 20:55:45 +0@kush_koo :#romia #oromo #oromobe...	https://www.instagram.com/pgP44mEjyz	photo
	instagram	*****	*****	2022-07-20 20:53:52 +0@kush_koo :#romia #oromo #oromobe...	https://www.instagram.com/pgP44xMDiK	photo
	instagram	*****	*****	2022-07-18 08:31:49 +0	#ethiopia-- #ethiopia #ethiopianboy #ethiopianpho...	https://www.instagram.com/pgJakiLOEz	photo
	instagram	*****	*****	2022-07-17 09:34:35 +0	#ethiopia #ethiopianfood #ethiopian #ethiopiati...	https://www.instagram.com/pgG88gdrJN	photo
	instagram	*****	*****	2022-07-13 18:30:43 +0@kush_koo :#romia #oromo #oromobe...	https://www.instagram.com/pgF9mul1DF-	photo

Рис. 2. Фрагмент лингвистического корпуса цифровых лексических единиц социально-политических протестных движений
Fig. 2. Linguistic corpus of digital lexical units of socio-political protest movements

транслируется в секторе корпуса Text. Программа позволяет не только выводить вышеописанные данные для лексем, выраженных хэштегами, но и имеет возможности для дальнейшего расширения корпуса путем экспорта файлов формата .csv с сайта *Social Searcher*³. Закрывая общее описание предлагаемого корпуса, поясним, что программа представляет собой автономный и исполняемый файл (.exe) для операционной системы Windows и свободна к распространению, позволяет копировать информацию и сортировать ее по колонкам для поиска.

В представленном выше лингвистическом корпусе фигурируют ЦЛЕ, оказавшие значительное влияние на мировой социум в виртуальном пространстве. К первой группе были отнесены следующие лексемы: *#ArabSpring*, *#Kony2012*, *#BlackLivesMatter*, *#EleNão*, *#MeToo*, *#PrayforParis*. *#Sosblakaustralia* и *#Umbrella Revolution*. Считаем важным дать синопсис данных акций, появившихся как итог распространения указанных выше лексем. Так, ЦЛЕ *#ArabSpring*, *#Kony2012*, *#PrayforParis* и *#UmbrellaRevolution* принадлежат к категории политических. Из них каждая отображает события государственного или регионального масштаба. Цифровая лексема *#ArabSpring* функционировала на соцплатформах в 2010–2011 гг., освещая информацию об антиправительственных протестах в арабском мире, начавшихся в ответ на экономический застой и коррупцию в странах данного региона⁴. ЦЛЕ *#Kony2012*, целью которой стало изобличение Дж. Кони, совершившего ряд издевательств и убийств мирного населения в Уганде, была запущена в 2012 г.⁵ В 2014 г. был запущен хэштег *#UmbrellaRevolution*, являвшийся лозунгом протестного движения в Гонконге, в ответ на ужесточение избирательной системы со стороны КНР. В 2015 г. протестная акция с ЦЛЕ *#PrayforParis* охватила более 70 млн человек, выступивших против терактов во Франции и в поддержку жертв атак.

Другую тематическую группу ЦЛЕ представляют, например, *#MeToo* и *#EleNão* (тематическая группа *дискриминация по полу*). С помощью ЦЛЕ *#MeToo* коммуниканты выступали против насилия над женским полом и дискриминации женщин вообще, она стала

одной из наиболее распространенных в современном виртуальном пространстве. Отметим, что ЦЛЕ *#MeToo* – прототип акции *#EleNão*. В качестве участников данной протестной акции выступили женщины, осуждавшие президентскую кампанию Ж. Болсонару, который, согласно их мнению, не раз пренебрежительно высказывался в отношении женщин. Итак, ЦЛЕ тематики *дискриминация по полу* тесно связаны с группой политических цифровых лексем.

Присутствие такой корреляции было установлено и в тематической группе *расовая дискриминация*, где представлена цифровая лексема *#BlackLivesMatter*, которая стала лозунгом против дискриминации африканцев преимущественно в США и в целом в других странах. Данный лозунг играл важную роль в политической жизни страны в период противостояния американских демократов и республиканцев. Движение с ЦЛЕ *#SosBlakAustralia* относится к категории *протесты коренных народов*, куда были отнесены также хэштеги, ставшие лозунгами политических протестов коренного населения ряда стран против действий государства. Так, ЦЛЕ *#Sosblakaustralia*, например, выражает борьбу местного населения с инициативой правительства, которая была нацелена на закрытие порядка 150 сельских общин аборигенов. Продемонстрированные примеры позволяют сделать вывод о тесной взаимосвязи социальных и политических протестных мотивов.

В этой связи показательными примерами являются такие ЦЛЕ тематического поля *расовая дискриминация*, как *#TakeAKnee* (2016–2017 гг.) и *#BlackLivesMatter*. Согласно работе К. Фридерсдорфа, целью *#BlackLivesMatter* стало привлечение внимания к трагедии, связанной с убийствами полицией темнокожих людей⁶. Взаимосвязь между этими двумя протестными движениями становится понятной в связи с известной ситуацией К. Каперника, который в период предсезонья Национальной футбольной лиги США в 2016 г. отказался встать во время исполнения гимна. Объясняя свои действия, К. Каперник подчеркнул, что преклонение колена символизирует для него протест против жестокости правоохранительных органов по отношению к афроамериканцам⁷. Таким образом, очевидна

³ Social Searcher. URL: <https://www.social-searcher.com/> (accessed 2 Oct 2024).

⁴ Blakemore E. What was the Arab Spring and how did it spread? *National Geographic*. 30 Mar 2019. URL: <https://www.nationalgeographic.com/culture/article/arab-spring-cause> (accessed 2 Oct 2024).

⁵ Craine G. A. Joseph Kony. *Encyclopædia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/biography/Joseph-Kony> (accessed 30 Oct 2024).

⁶ Friedersdorf C. How to distinguish Between Antifa, White Supremacists, and Black Lives Matter. *The Atlantic*. 31 Aug 2017. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/08/drawing-distinctions-antifa-the-alt-right-and-black-lives-matter/538320/> (accessed 17 Oct 2024).

⁷ Colin Kaepernick explains why he won't stand during National Anthem. *YouTube*. 29 Aug 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ka0446tibig/> (accessed 17 Oct 2024).

взаимосвязь между этими двумя протестными акциями. Вследствие этого факта следует подчеркнуть, что главной задачей становится идентификация структуры семантически важных элементов для более детального анализа, а не разделения представленных лозунгов.

Группа ЦЛЕ тематики *расовая дискриминация* соотносится и с категорией *политические лексемы протестной тематики*. Отметим ряд хэштегированных единиц, которые затрагивают политические интересы коренных народов (аналогично #SOSblakaustralia): #IdleNoMore, #NODAPL, #Oromoprotests. Коренное население нередко вступает в конфликт с официальными властями страны в вопросе использования рекреаций с юридической точки зрения. Рассмотрим данные хэштеги в диахроническом аспекте.

В 2012–2013 гг. в Канаде политактивисты коренных народов начали протестное движение в виртуальном пространстве с применением хэштегированной лексики #IdleNoMore (англ. – *хватит бездельничать!*) для противостояния будущему законодательству, которое ставило под угрозу исчезновения земли и воды коренного населения. Данная акция разрасталась, спланировав местные сообщества и расширяя зону влияния лексики #IdleNoMore. Движение стало пользоваться популярностью в Австралии и США, где коренное население имеет аналогичные проблемы⁸.

В 2014 г. IOYA (The International Oromo Youth Association, англ. – *Международная молодежная ассоциация народа Оромо*) запустила лексическую единицу #Oromoprotests для привлечения внимания к студенческим протестам Оромо (народ на севере Кении и в Эфиопии) против планов правительства Эфиопии по расширению территории Аддис-Абебы посредством аннексии районов, которые находились в собственности жителей и фермеров народа Оромо. Хэштег #Oromoprotests снова получил распространение в ноябре 2015 г. для повторного освещения жестоких репрессий эфиопского правительства по отношению к журналистам, студентам и музыкантам⁹. Несмотря на то что Оромо

проводили протестные акции ранее, данный случай стал результатом интеграции народа Оромо посредством широкой сети соцплатформ [Dugo 2017].

Гипертекстовый хэштег #NODAPL расшифровывается как *протесты против трубопровода Dakota Access* и представляет движение в социальных сетях для борьбы с уже частично построенным трубопроводом Dakota Access. Роль, которую сыграли соцсети в данной кампании, была настолько значимой, что движение стало синонимичным ЦЛЕ #NoDAPL. Протест #NoDAPL возник в 2016 г. как ответ на согласование строительства Dakota Access на севере США. Племя Сиу из Стэндинг-Рок с союзными организациями предприняло юридические действия, направленные на отмену строительства трубопровода. Одновременно с этим молодежь резервации начала протестную кампанию в цифровом пространстве, что постепенно переросло в реальные масштабные протесты, которые получили свое воплощение и в других хэштегах (#ReZpectOurWater, #StandWithStandingRock, #WaterisLife и т. п.). В 2021 г. федеральный судья отклонил иск, однако позже была дана возможность повторного рассмотрения дела при условии нарушения предварительных распоряжений¹⁰.

Одной из наиболее острых тем для американского общества стала тема использования оружия. Согласно данным ОЭСР, США занимают четвертое место по уровню убийств, совершенных с применением огнестрельного оружия¹¹. Эта проблема является постоянным триггером разногласий в полемике республиканцев и демократов¹². Хэштеги, представляющие данную проблему, выделены в тематическую группу *проблема вооружения граждан*, к которой были отнесены такие ЦЛЕ, как #MarchForOurLives и #NotOneMore.

Хэштегированная лексема #NotOneMore была распространена Р. Мартинесом, мужчиной, потерявшим своего ребенка после стрельбы в Айла-Висте в 2014 г. После этого данная ЦЛЕ стала интернет-лозунгом против применения огнестрельного оружия. Затем она получила

⁸ Sinclair N. Idle No more: Where is the movement 2 years later? *CBC News*. 7 Dec 2014. URL: <https://www.cbc.ca/news/indigenous/idle-no-more-where-is-the-movement-2-years-later-1.2862675/> (accessed 17 Oct 2024).

⁹ The return of Oromo student protests calls for serious reflection. *OPride.com*. 2 Dec 2015. URL: <https://www.opride.com/2015/12/02/the-return-of-oromo-student-protests-calls-for-serious-reflection/> (accessed 17 Oct 2024).

¹⁰ Dakota Access lawsuit dismissed; future challenges possible. *AP NEWS*. 23 Jun 2021. URL: <https://apnews.com/article/lawsuits-environment-and-nature-business-a075491826f66240fe2b1865d58b0078/> (accessed 17 Oct 2024).

¹¹ Dyer J., Furr N., Hendron M. Stopping Gun Violence: Time for Innovative Solutions. *Forbes*. 8 Jul 2016. URL: <https://www.forbes.com/sites/nathanfurrjeffdyer/2016/07/08/stopping-gun-violence-time-for-innovative-solutions/> (accessed 17 Oct 2024).

¹² Michaels S. The United States Has Had More Mass Shootings Than Any Other Country. *Mother Jones*. 23 Aug 2015. URL: <https://www.motherjones.com/politics/2015/08/united-states-world-mass-shooters/> (accessed 17 Oct 2024).

стремительное распространение и на социальных платформах¹⁵. После инцидента Р. Мартинес находился в кооперации с цифровой компанией *Everytown* в целях создания инструмента, позволяющего отправлять письма сенаторам, представителям Конгресса и губернатору, которые бы включали сочетание *Not One More*. Согласно их сайту, было доставлено более 2,4 млн текстовых сообщений с требованием к политикам запретить огнестрельное оружие¹⁴.

Протесты под хэштегированным конструктом *#MarchForOurLives* (*Марш за наши жизни*) распространились после стрельбы в школе Марджори Стоунман Дуглас в 2018 г.¹⁵ 17 февраля 2018 г. студенты создали страницу на Facebook для побуждения других коммуникантов к протестному движению¹⁶.

Внимание следует обратить и на тематическую группу *политические лексемы протестной тематики*, выраженные хэштегами, в которую были отнесены цифровые лексемы *#NoBanNoWall* и *#MAGA*. Оба гипертекста относятся к времени первого президентства Д. Трампа, политика, активно пользующегося соцсетями как инструментом общественного влияния. И если *#MAGA* помогал Д. Трампу в предвыборных президентских кампаниях (в 2016 и 2024 годах), то *#NoBanNoWall* выразил протест населения США против его действий в 2017 г. Фраза *Make America Great Again*, так же как и движение, связанное с ней, приписывают Д. Трампу (хотя лозунг использовался и раньше), а также его президентской кампании 2016 и 2024 годов в частности и Республиканской политической партии в целом. Лозунг кампании

принимал различные формы: от *Make America Great Again* до сокращенного *MAGA*. Позднее данные лексические сочетания были заменены лексемами, выраженными хэштегированными лексическими единицами *#makeamericagreatagain* и *#maga* соответственно на различных социальных платформах¹⁷. Гипертекстовый конструкт *#NoBanNoWall* стал реакцией аудитории соцсетей на запрет Д. Трампа на въезд в США людей из определенного круга стран.

К тематической группе *экологические проблемы* была отнесена хэштегированная единица *#FireDrillFridays*. Лексическая единица, выраженная хэштегом и сформированная из фразы Г. Тунберг *our house is on fire* (*наш дом горит*), была запущена организацией *Greenpeace* и Дж. Фондой. Данная лексема обращает внимание на кризис, возникший в результате глобального изменения климата [Huffling 2020]. Ориентируясь на новый курс в США, движение в социальных сетях стало катализатором акции протеста в Капитолии по пятницам с октября 2019 г.¹⁸ Движение призывает к остановке новых проектов по добыче ископаемого топлива и отказу от уже существующих¹⁹. Кампания *#FireDrillFridays* получила широкое распространение на соцплатформах вследствие арестов известных людей²⁰. Во время пандемии коронавируса Дж. Фонда часто использовала хэштег *#FireDrillFridays* онлайн для продолжения выражения протеста²¹.

ЦЛЕ *#fakenews* (отнесенная к категории *медиа*) возникла после того, как лексическое сочетание было употреблено в период выборов президента США в 2016 г.²² В данный период стали появляться новости,

¹⁵ Kerr D. #NotOneMore hashtag against gun violence goes viral. *CNET*. 3 Jun 2014. URL: <https://www.cnet.com/tech/services-and-software/notonemore-hashtag-against-gun-violence-goes-viral/> (accessed 17 Oct 2024).

¹⁴ Richard Martinez, Father of UCSB Shooting Victim Christopher Michaels-Martinez, and Gun Violence Survivors Declare "Not One More!" at National Press Club. *Every town for gun safety*. 17 Jun 2014. URL: <https://www.everytown.org/press/richard-martinez-father-of-ucsb-shooting-victim-christopher-michaels-martinez-and-gun-violence-survivors-declare-not-one-more-at-national-press-club/> (accessed 17 Oct 2024).

¹⁵ Andone D. What you should know about the March for Our Lives. *CNN*. 21 Mar 2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/03/21/us/march-for-our-lives-explainer/index.html> (accessed 17 Oct 2024).

¹⁶ March For Our Lives. *Facebook.com*. 3 Apr 2024. URL: <https://www.facebook.com/events/1310005989101127/> (accessed 17 Oct 2024).

¹⁷ #MAGA. *Moveme. A Guide to Social Movements & Social Media*. URL: <https://moveme.studentorg.berkeley.edu/project/maga/> (accessed 17 Oct 2024).

¹⁸ Scanlan Q. Jane Fonda arrested in climate change strike outside Capitol. *ABC News*. 12 Oct 2019. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/jane-fonda-arrested-climate-change-strike-capitol/story?id=66209415/> (accessed 17 Oct 2024).

¹⁹ Hersko T. Jane Fonda Is Building an Army to Defend the Earth with Fire Drill Fridays Movement. *Indiewire*. 8 Feb 2020. URL: <https://www.yahoo.com/entertainment/jane-fonda-building-army-defend-003239535.html> (accessed 17 Oct 2024).

²⁰ Asmelash L. Joaquin Phoenix and Martin Sheen arrested in Jane Fonda's weekly climate change protests. *CNN*. 10 Jan 2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/01/10/entertainment/joaquin-phoenix-martin-sheen-arrest-trnd> (accessed 17 Oct 2024).

²¹ Beresford T. Jane Fonda to Launch Virtual Fire Drill Fridays Amid Coronavirus Outbreak. *The Hollywood Reporter*. 25 Mar 2020. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/lifestyle/lifestyle-news/jane-fonda-launch-virtual-fire-drill-fridays-coronavirus-outbreak-1286710/> (accessed 17 Oct 2024).

²² Grynbaum M. M., Ember S. CNN Corrects a Trump Story, Fueling Claims of 'Fake News'. *The New York Times*. 8 Dec 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/12/08/business/media/cnn-correction-donald-trump-jr.html/> (accessed 17 Oct 2024).

которые поддерживали Х. Клинтон и обвиняли Д. Трампа в оскорблении республиканцев²³. Коммуниканты в соцсетях Twitter и Facebook во время предвыборного сезона в 2016 г. ставили лексему, выраженную хэштегом #fakenews, чтобы отметить любые новости, которые они считали ложными, либо ту информацию, которая противоречила их позиции. Помимо реального опровержения ложных новостей сегодня упомянутый хэштег коммуниканты применяют нередко как протест против определенных новостных изданий или в качестве защиты персональных доводов и взглядов²⁴.

Заключение

Социальные платформы выступают площадкой для мобилизации протестного ресурса общества, выражаемого с помощью цифровых лексических единиц в виртуальном коммуникативном пространстве. Цифровая протестная коммуникация на примере социально-политических национальных и региональных движений представлена тематическими группами *расовая дискриминация, дискриминация по полу, проблема вооружения граждан* и др.

Анализ протестных движений на социальных платформах позволил обосновать введение в научный оборот понятия *цифровая лексическая единица*, которая является ключевой в современной виртуальной протестной коммуникации и оформляется в виде хэштегированной единицы. Данная единица содержит в себе информацию не только относительно других текстов, связанных с ней, но и аудиофайлы, видеоряды и др., интегрируемые гипертекстовыми связями в виртуальной коммуникации.

Новые технические возможности корпусной лингвистики позволяют изучать цифровые лексические единицы, представляющие обширный пласт текстовой информации и активно используемые коммуникантами на социальных платформах. Ядерным структурным элементом при составлении лингвистического корпуса становится лексико-семантическое поле. Представленный лингвистический корпус цифровых лексических единиц передает наиболее полную информацию в рамках употребления хэштегов в современной виртуальной коммуникации, обобщает имеющиеся сведения о наиболее широкомасштабных социально-политических протестных акциях в Интернете.

Социально-политические протестные движения становятся важным объектом лингвистических исследований для понимания принципов коммуникативного взаимодействия участников социальных кампаний. Описание лингвистического корпуса цифровых лексических единиц позволяет консолидировать информацию относительно верного его применения с целью идентификации авторов текстов, коннотации исследуемого текстового материала, установки социальной сети, где наиболее часто употребляются цифровые лексические единицы протестных социально-политических кампаний.

Установленный инструментальный ресурс (Google trends, Hashtagify, Social Searcher и Getdaytrends) в совокупности с представленным лингвистическим корпусом цифровых лексических единиц позволяет идентифицировать основные причины возникновения протестных движений на платформах сетей Интернета второго поколения, анализировать диахронию развития цифровой протестной коммуникации, способствуя своевременному решению социально-политических проблем посредством их контроля и своевременного предупреждения распространения за пределы виртуального пространства.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. В. Алексеев – концептуализация, обработка данных, формальный анализ, генеральный процесс исследования, разработка методологии, руководство проектом, наблюдение, проверка, визуализация, написание оригинала и редактирование. А. В. Беляев – разработка программного обеспечения

Contribution: A. V. Alekseev was responsible for the research concept, data processing, formal analysis, research, methodology, project supervision, resources, validation, visualization, writing, and editing. A. V. Belyaev developed the software.

²³ Putterman S. No, Donald Trump Did Not Call Republican Voters Dumb in the 1990s. *Politifact*. 18 Dec 2018. URL: <https://www.politifact.com/facebook-fact-checks/statements/2018/dec/18/blog-posting/no-donald-trump-did-not-call-republican-voters-dumb/> (accessed 17 Oct 2024).

²⁴ Naqvi S., Guan H., Kumaran S. #FAKENEWS. #Moveme. *A Guide to Social Movements & Social Media*. URL: <https://moveme.studentorg.berkeley.edu/project/fakenews/> (accessed 17 Oct 2024).

Литература / References

- Агурова А. А., Тихонова А. В. Хэштег как символ века цифровых технологий в политике. *Возможности и угрозы цифрового общества*, общ. ред. А. В. Соколов, А. А. Власова. Ярославль: Цифровая типография, 2019. С. 3–7. [Agurova A. A., Tikhonova A. V. Hashtag as a symbol of the era of digital technologies in policy. *Opportunities and threats of the digital society*, eds. Sokolov A. V., Vlasova A. A. Yaroslavl: Tsifrovaia tipografiia, 2019, 3–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nfmzcc>
- Алексеев А. В. Семантические особенности употребления хештега #PrayforParis и его влияние на международную обстановку в диахронии. *Политическая лингвистика*. 2024. № 1. С. 21–28. [Alekseev A. V. Semantic specificity of the use of the hashtag #PrayforParis and its impact on the international situation in diachrony. *Political Linguistics*, 2024, (1): 21–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ukoaij>
- Алексеев А. В., Ленец А. В. Коннотативно-прагматическое описание цифровой лексики в виртуальном пространстве: метод семантического дифференциала (на примере социально-политической кампании *Black Lives Matter*). *Язык и культура*. 2024. № 67. С. 8–31. [Alekseev A. V., Lenets A. V. Connotative pragmatic description of digital vocabulary in virtual space: Semantic differential method (in terms of the social-political campaign *Black Lives Matter*). *Yazyk i kultura*, 2024, (67): 8–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cmefamo>
- Альбо Т. М. И. К. Социальные медиа как пространство политической коммуникации. *Политическая лингвистика*. 2021. № 5. С. 38–44. [Albo T. M. I. K. Social media as a space of political communication. *Political Linguistics*, 2021, (5): 38–44. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_04
- Бакаев М. А., Борисов Н. В., Войскунский А. Е., Захаров В. П., Прокудин Д. Е., Толстикова И. И., Федосов А. Ю., Чугунов А. В. Новые горизонты изучения технологий информационного общества. *Культура и технологии*. 2018. Т. 3. № 3. С. 65–75. [Bakaev M. A., Borisov N. V., Voiskounsky A. E., Zakharov V. P., Prokudin D. E., Tolstikova I. I., Fedosov A. Yu., Chugunov A. V. New horizons in the study of information society technologies. *Kultura i tekhnologii*, 2018, 3(3): 65–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymncyd>
- Баранов Н. А. Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2020. № 3. С. 66–72. [Baranov N. A. Digital political participation as a form political mobilization. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2020, (3): 66–72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072>
- Басанин К. О. Исследовательский потенциал систем Big Data в лингвистике и методике преподавания иностранного языка. *Иностранный язык. Методические вопросы подготовки конкурентоспособного выпускника: Межвуз. науч.-практ. конф.* (Москва, 10 апреля 2020 г.) М.: Белый ветер, 2020. С. 29–35. [Basanin K. O. Big Data systems potential in linguistics and foreign language teaching methodology. *Foreign language. Methodological issues of training a competitive graduate: Proc. Interuniv. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 10 Apr 2020*. Moscow: Belyi veter, 2020, 29–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/blfvbs>
- Будаев Э. В., Кушнерук С. Л., Курочкина М. А. Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ. СПб.: Наукоемкие технологии, 2022. 201 с. [Budaev E. V., Kushneruk S. L., Kurochkina M. A. *Communicative support of mass protests in the media*. St. Petersburg: Naukoemkie tekhnologii, 2022, 201. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncfubi>
- Восканян А. С. Роль и место социальных медиа в американском протестном движении. *Медиапространство многополярного мира: конф.* (Москва, 13 апреля 2017 г.) М.: РУДН, 2017. С. 75–79. [Voskanyan A. S. The role and place of social media in the American protest movement. *Media space of the multipolar world: Proc. Conf., Moscow, 13 Apr 2017*. Moscow: PFUR, 2017, 75–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zgxndt>
- Гавра Д. П., Быкова Е. В. Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2021. № 2. С. 3–24. [Gavra D. P., Bykova E. V. Mediatized mobilization of protest in social networks: Algorithms for building speech strategies. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2021, (2): 3–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2021.324>
- Горожанов А. И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. [Gorozhanov A. I. Experimental database modeling of a balanced linguistic corpus. *Philology. Theory & Practice*, 2022, 15(10): 3382–3386. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20220563>

- Грушевская Е. С., Тягловская И. С. Фреймовая структура концепта «протест». *Филология в системе современного гуманитарного знания*, ред. Н. Ю. Фанян. Краснодар: КубГУ, 2023. С. 45–58. [Grushevskaya E. S., Tyaglovskaya I. S. Frame structure of the "protest" concept. *Philology in the system of modern humanitarian knowledge*, ed. Fanyan N. Yu. Krasnodar: KubSU, 2023, 45–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygteaj>
- Заботкина В. И., Голубкова Е. Е., Кронгауз М. А., Позднякова Е. М., Шаронов И. А., Боярская Е. Л., Заячковская О. О., Коннова М. Н., Котов А. А., Суворина Е. В. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М.: ЯСК, 2015. 342 с. [Zabotkina V. I., Golubkova E. E., Krongauz M. A., Pozdnyakova E. M., Sharonov I. A., Boyarskaya E. L., Zayachkovskaya O. O., Konnova M. N., Kotov A. A., Suvorina E. V. *Methods of cognitive analysis of word semantics: A computer-corpus approach*. Moscow: YaSK, 2015, 342. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tmniur>
- Захаров В. П. Корпусная лингвистика. СПб: СПбГУ, 2005. 48 с. [Zakharov V. P. *Corpus linguistics*. St. Petersburg: SPbSU, 2005, 48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ratmyr>
- Захаров В. П. Лингвистика больших корпусов. *Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: XVIII объедин. конф. «Интернет и современное общество» (IMS-2015)*. (Санкт-Петербург, 23–25 июня 2015 г.) СПб.: Университет ИТМО, 2015. С. 82–93. [Zakharov V. P. *Linguistics of big corpora. Computational linguistics and computational ontologies: Proc. XVIII United Conf. "Internet and modern society" (IMS-2015)*, St. Petersburg, 23–25 Jun 2015. St. Petersburg: ITMO University, 2015, 82–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ulmjxi>
- Калашникова А. Л., Поселеннова Е. Ю. Функциональный аспект хэштеггинга в виртуальной коммуникации (на материале аккаунтов Кемеровского государственного университета и его структурных подразделений). *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2023. Т. 2. № 3. С. 105–110. [Kalashnikova A. L., Poselenova E. Yu. *Functional aspect of hashtagging in virtual communication: Kemerovo State University online. Virtual Communication and Social Networks*, 2023, 2(3): 105–110. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-3-105-110>
- Колмогорова А. В., Калинин А. А., Маликова А. В., Кушко Л. А. Методы компьютерной и корпусной лингвистики для решения задач эмоционального анализа интернет-текстов. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 215 с. [Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Malikova A. V., Kushko L. A. *Methods of computer and corpus linguistics for solving problems of emotional analysis of Internet texts*. Moscow: IPR Media, 2022, 215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/anjigb>
- Копотев М. В. О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка. *Филологический класс*. 2021. Т. 26. № 2. С. 90–102. [Kopotev M. V. *Some thoughts of corpus and general linguistics. Philological Class*, 2021, 26(2): 90–102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-07>
- Корецкая О. В. Семантическое поле понятия «массовый протест» в современном англоязычном медиапространстве. *Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества: Междунар. науч. конгресс*. (Москва, 18 мая – 24 октября 2020 г.) М.: МООСИПНН Н. Д. Кондратьева, 2020. С. 624–627. [Koretskaya O. V. *The semantic field of the "mass protest" concept in contemporary English media space. Globalistics-2020: Global issues and the future of humankind: Proc. Intern. Sci. Congress, Moscow, 18 May – 24 Oct 2020*. Moscow: MOOSIPNN N. D. Kondratieva, 2020, 624–627. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46865/978-5-901640-33-3-2020-624-627>
- Никитенко А. А. Интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность как детерминирующие типологические признаки сетевых изданий. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2009. № 1. С. 159–166. [Nikitenko A. A. *Interactivity, multimedia, hypertext as determinative typological characteristics of web media. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filologiya. Zhurnalistika*, 2009, (1): 159–166. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuhimh>
- Ребрина Л. Н. «Плакатная война» как актуальное явление протестной коммуникации в Германии. *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. 2022. Т. 11. № 3. С. 73–82. [Rebrina L. N. *Poster busting as a relevant phenomenon of protest communication in Germany. Scientific research and development. Modern communication studies*, 2022, 11(3): 73–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-3-73-82>
- Ребрина Л. Н. Конфликтная мобилизация в сообществах социальных сетей как актуальная практика протестной коммуникации: коллективно-личностное измерение. *Научный диалог*. 2021. № 5. С. 115–139. [Rebrina L. N. *Conflict mobilization in social networks communities as an actual practice of protest communication: Collective-personal dimension. Nauchnyi Dialog*, 2021, (5): 115–139. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-115-139>

- Шамне Н. Л., Ребрина Л. Н., Милованова М. В. Протестная коммуникация в современном информационном пространстве России и Германии: к методологии исследования. *Язык vs. социум: XXI век*, гл. ред. Н. В. Юдина. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. С. 69–83. [Shamne N. L., Rebrina L. N., Milovanova M. V. Protest communication in the modern information space of Russia and Germany: Towards a research methodology. *Language vs. society: 21st century*, ed. Yudina N. V. Vladimir: Vladimir branch of RANEPА, 2020, 69–83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tpqujw>
- Alekseev A. V. On the destructive nature of virtual communicative interaction and protest movements. *Modern issues of sustainable development of society in the era of transformational processes*: Proc. XII Sci.-Prac. Intern. Conf., Moscow, 16 Oct 2023. Moscow: Alef, 2023, 118–122. <https://doi.org/10.34755/IROK.2023.62.74.111>
- Dugo H. The powers and limits of new media appropriation in authoritarian contexts: A comparative case study of Oromo protests in Ethiopia. *Journal of Pan African Studies*, 2017, 10(10): 48–69.
- Huffling K. "Our house is on fire. Join us in the streets". *Public Health Nursing*, 2020, 37(1): 1–2. <https://doi.org/10.1111/phn.12704>
- Kulikov L., Totskiy D., Malyonova A., Potapova Y. Gender and age features of lexico-semantic fields of discontent in different types of media texts. *INTERAGROMASH 2022*: Proc. XV Intern. Sci. Conf., Rostov-on-Don, 25–27 May 2022. Springer, 2023, 1031–1038. https://doi.org/10.1007/978-3-031-21432-5_109
- Liu J., Singhal T., Blessing L. T. M., Wood K. L., Lim K. H. EPIC30M: An epidemics corpus of over 30 million relevant tweets. *2020 IEEE Intern. Conf. on Big Data*, Atlanta, GA, USA, 10–13 Dec 2020, 1206–1215. <https://doi.org/10.1109/BigData50022.2020.9377739>
- Osgood C. E., Ware E.E., Morris C. Analysis of the connotative meanings of a variety of human values as expressed by American college students. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1961, 62(1): 62–73. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/h0040142>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gtnqkv>

Введение политической терминологии в новостные франкоязычные тексты, предназначенные для читателей детского и подросткового возраста

Вдовиченко Елизавета Анатольевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2345-4832

<https://orcid.org/0000-0003-0227-3689>elizaveta90@mail.ru

Каменева Вероника Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 9659-7646

<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

Scopus Author ID: 57296227500

Аннотация: Средства массовой коммуникации вводят большое количество специализированных терминов в обиход массовой аудитории. Цель – выявить способы введения политических терминов в новостные тексты, ориентированные на аудиторию детского и подросткового возраста 10–15 лет. Материалом исследования послужили термины из 50 новостных текстов политической тематики, отобранные приемом сплошной выборки из франкоязычного журнала *GEOAdo* за 2013–2022 гг. Применены общенаучные (синтез, анализ) и частнонаучные методы (лексический анализ и элементы качественного контент-анализа). Согласно полученным результатам, термины были разделены на три группы, номирующие организации (сформированные политическими деятелями), документы (название документов, созданных политическими деятелями) и деятельность (осуществляемую политиками). Термины из первой группы, в которую вошли аббревиатуры названий политических организаций, вводятся в новостной текст совместно с их толкованием, зафиксированным в словарях, или посредством перифраза, в котором упоминаются основные функции организаций. Толкование терминов из второй группы осуществляется двумя способами – введением в текст полного или усеченного словарного описания политического документа. Третья группа политических терминов представлена в новостных текстах при помощи перифраза определения, зафиксированного в словаре, с указанием на основной признак деятельности или ориентирующего введения – аллюзии из политической сферы. Проведенное исследование показало, что авторы новостных статей политической тематики, ориентированных на возрастную группу 10–15 лет, вводят термины в текст в основном путем перифраза словарного определения, акцентируя основной признак понятия, что может способствовать восприятию новостной информации и удержанию внимания молодых читателей.

Ключевые слова: политические термины, новостной текст, детская аудитория, подростковая аудитория, политическая лингвистика, перифраз

Цитирование: Вдовиченко Е. А., Каменева В. А. Введение политической терминологии в новостные франкоязычные тексты, предназначенные для читателей детского и подросткового возраста. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 110–118. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-110-118>

Поступила в редакцию 10.04.2024. Принята после рецензирования 22.05.2024. Принята в печать 27.05.2024.

full article

Political Terminology in French-Language News Texts for Children and Teenagers

Elizaveta A. Vdovichenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2345-4832

<https://orcid.org/0000-0003-0227-3689>

elizaveta90@mail.ru

Veronika A. Kameneva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 9659-7646

<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

Scopus Author ID: 57296227500

Abstract: Mass audiences usually learn specialized terms from mass communication media. This research featured political terms obtained from 50 political news pieces published in the French-language magazine GEOAdo (2013–2022) with 10–15-year-olds as target audience. The authors used general scientific methods, as well as the lexical analysis and the qualitative content analysis, to divide the terms into three groups, i.e., political organizations, political documents, and political activities. The political organizations from first group were often represented by abbreviations, which were accompanied in the news text by their dictionary definition or an explanatory interpretation of the main functions. The terms from the second group were explained by introducing a full or brief dictionary description. The terms from the third group were introduced by paraphrasing their dictionary definition with a stress on the main activity or other political references. In general, the political terms were explained by paraphrasing their dictionary definition with the key feature emphasized, which made news comprehension easier for young readers.

Keywords: political terms, news text, children, teenagers, political linguistics, periphrasis

Citation: Vdovichenko E. A., Kameneva V. A. Political Terminology in French-Language News Texts for Children and Teenagers. *SibScript*, 2025, 27(1): 110–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-110-118>

Received 10 Apr 2024. Accepted after peer review 22 May 2024. Accepted for publication 27 May 2024.

Введение

В связи с активным ростом научных достижений в разных областях науки и быстрым распространением информации в повседневную речь вводится большое количество специализированных терминов. Одни из ученых, занимающихся исследованиями по введению терминов в общеупотребительную сферу, рассматривали, как термины из разных областей (наук) вводятся и функционируют в тексте для неподготовленной аудитории [Вишнякова, Маргания 2011; Мелех 2004; Панкратова 2020; Стародубцева 2020; Финикова 2019; Шамне, Шишкина 2018], другие – каким образом термин, заимствованный из одного языка, культуры, вводится в общеупотребительную сферу другого языка [Амирова 2018; Гарифуллина 2008; Манжосова, Панская 2021; Нечаева 2017; Яхина 2019].

Под термином понимается «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [Васильева 1990: 508–509]. Под введением термина – «его определение, т. е. разъяснение его смысла или значения» [Петров, Захаров 2001: 7] таким образом, чтобы

читатель и автор свободно им оперировали [Даренская, Буянкина 2008].

До настоящего времени ученые исследовали введение терминов для массовой аудитории в рекламе, прессе, научно-популярном и новостном текстах. В зависимости от научной сферы (юриспруденция, химия, биология, политология и др.) термины могут вводиться разными способами. Самые известные способы, подходящие для любой сферы:

- прямое непосредственное определение термина;
- постепенное подведение к термину – сначала определение, потом термин;
- ориентирующее введение (через основные признаки);
- синонимизация термина (чаще всего синоним дается в скобках);
- аналогизация термина – введение с использованием развернутого сравнения (путем включения в текст эквивалента, метафоризированного заменителя, в роли которого может выступить общепонятное слово или перифраз);

- способ попутного замечания – на термине не акцентируется внимание, он проявляется в тексте вскользь (в скобках или в примечании);
- этимологизация термина – в случае использования заимствованных терминов автор обращается к непосредственному переводу слова [Ахмерова и др. 2014; Чинь 2017].

Данные способы (некоторые из них) применяются для введения юридических [Пыж 2020], военных [Антакли, Алимуратов 2023], лингвистических [Гришечкина 2011] и других терминов.

Термины, номинирующие живые существа и природные явления, могут вводиться следующими способами:

- упоминание признака или характеристики;
- предоставление синонима научного термина, который должен быть знаком широкой публике;
- с помощью персонификации;
- приведение примера из реальной жизни перед введением термина;
- приведение изображения с подписью, где вводится термин [Muranova 2019: 18].

Термины из спортивной сферы вводятся в научно-популярный текст для неподготовленной аудитории при помощи синонимии и присутствия в тексте информации, расположенной в разных его частях [Филиппов, Филиппова 2023].

В работе Ци Ванчжи выявлены самые популярные способы введения терминов в газете, к которым он относит описание термина; использование синонимов; описательно-синонимический способ [Ци Ванчжи 2006].

Совсем недавно стали появляться новостные тексты политической тематики для детей и подростков. Данная возрастная аудитория уже обладает навыками чтения, способна устанавливать причинно-следственные связи, а также у них формируется представление о мире в целом и других людях [Кагермазова 2010]. Их «внимание становится устойчивым, концентрированным, а восприятие характеризуется избирательностью и целенаправленностью» [Катерина 2015: 60], что способствует развитию теоретического и творческого мышления [Леснянская 2018]. При этом зарубежные ученые отмечают, что молодые читатели стали интересоваться новостными текстами и читать газеты [Crispin 2011], что может быть связано с тем, что дети-подростки хотят выглядеть взрослыми и подражают им [Цыпнятова, Суханова 2014].

Новостные тексты политического характера, ориентированные на детей и подростков 10–15 лет, являются новым, еще не изученным научным объектом,

при этом такая тематика текстов не входит в основные интересы данной возрастной группы, что может повлиять на восприятие и понимание содержания новостных текстов, в которых присутствуют политические термины. Цель – изучить способы введения политических терминов в новостные тексты, ориентированные на аудиторию детского и подросткового возраста. Задачи:

1. Выявить политические термины, употребляемые в новостных текстах для детей и подростков.
2. Уточнить значения отобранных терминов по толковому франкоязычному словарю.
3. Сравнить словарное толкование политических терминов с определениями и пояснениями, которые даются в новостных текстах.
4. Выяснить, отличаются ли способы введения политических терминов в новостные тексты для детей и подростков от способов введения терминов в тексты другой тематики для массовой аудитории.

Методы и материалы

В ходе исследования были использованы общенаучные (синтез, анализ) и частнонаучные методы (лексический анализ и элементы качественного контент-анализа).

Приемом сплошной выборки было отобрано 50 новостных текстов политической тематики за 2013–2022 гг. из франкоязычного журнала *GEOAdo*, ориентированного на детей и подростков 10–15 лет. Из 50 статей выделено 14 текстов, в которых присутствует не только сам политический термин, но и его толкование или расшифровка (если это аббревиатура).

Результаты

Выявленные политические термины во франкоязычных новостных текстах, ориентированных на детей и подростков, можно разделить на следующие группы, номинирующие:

- 1) организации (*l'Unesco, l'UDF, l'ONU, KGB*);
- 2) документы (*la pétition, la Constitution, l'Alena*);
- 3) деятельность (*la monarchie, le referendum, l'embargo, primaire, la mondialisation, le patriarcat, Brexit*).

Среди них присутствуют термины, которые заимствованы из английского (*Unesco, Brexit*), русского (*KGB*), испанского (*embargo*) языков при помощи транслитерации. Данный факт предполагает, что в новостных текстах для детей и подростков будут присутствовать разъяснения, упоминания о той культуре, где данные термины появились. Большая часть названий терминов имеет латинские корни происхождения (*Constitution, referendum, patriarcat* и т. д.).

Первая группа политических терминов – **организации**, которые были сформированы политическими деятелями. Названия данных организаций представлены в виде аббревиатур. В новостных текстах журнала *GEOAdo* после них сразу же дается расшифровка в скобках.

Например, в статье *Giscard D'Estaing, le président de la modernité?*¹ (Жискар Д'Эстен, президент современности?) упоминается аббревиатура *l'UDF* с пояснением в скобках: *l'un des 2 grands partis de droite de l'époque* (одна из 2 основных правых партий того времени). Во французском толковом словаре *Toupictionnaire* данная аббревиатура расшифровывается как *Union pour la démocratie française*³ (Союз за французскую демократию) с толкованием: *un mouvement politique français créé en 1978 pour regrouper divers courants politiques du centre ou du centre-droit, d'inspiration démocrate-chrétienne et laïque* (французское политическое движение, созданное в 1978 г. для объединения различных политических течений, центристов или право-центристов, христианско-демократов и светских). Сравнивая расшифровки аббревиатуры *l'UDF*, представленные в новостном тексте и толковом словаре, видно, что автор статьи перефразировал информацию из словарной статьи, подчеркнув только основные моменты – партия, которая представляет интересы правых во Франции.

Следующий политический термин, представленный в виде аббревиатуры, *l'Unesco*, упоминается в статье *Les États-Unis abandonnent (encore) un accord international*⁴ (Соединенные Штаты (еще) отказываются от международного соглашения), где сразу в скобках имеется расшифровка: *organisation des Nations unies pour l'éducation, la science et la culture*, которая полностью соответствует той, что дается в толковом словаре при переводе ее с английского языка: *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*.

Первая группа политических терминов, содержащая названия организаций, реализуется в виде аббревиатур,

к которым дается расшифровка без какого-либо толкования. Но следует отметить, что расшифровка может не соответствовать закрепленному варианту в словаре, а даваться в виде перифраза, указывающего на основные признаки понятия *политическая организация*, если это не влияет на содержание всего новостного текста. Таким образом, можно предположить, что восприятие информации молодыми читателями улучшается.

Вторая группа политических терминов номинирует **документы**, созданные политическими деятелями. Например, политический термин *la Constitution* упоминается в статье *Espagne: à quoi sert le roi?*⁵ (Испания: для чего нужен король?), где дается следующее его толкование: *le texte qui établit les grandes règles politiques du pays* (текст, устанавливающий основные политические правила страны). Во французском толковом словаре *Toupictionnaire* под *la Constitution* понимается *la loi fondamentale d'un Etat qui définit les droits et les libertés des citoyens ainsi que l'organisation et les séparations du pouvoir politique (législatif, exécutif, judiciaire)*⁶ (основной закон государства, который определяет права и свободы граждан, а также организацию и разделение политической власти (законодательной, исполнительной, судебной)). Из толкований видно, что автор статьи перефразировал определение из словаря, выделив основной признак данного понятия – политические правила страны, чтобы упростить восприятие информации молодым читателям.

В статье *Les États-Unis abandonnent (encore) un accord international*⁷ (Соединенные Штаты (еще) отказываются от международного соглашения) сообщается о соглашении под названием *l'Alena*, которому дается в скобках расшифровка: *accord de libre-échange avec le Canada et le Mexique* (соглашение о свободной торговле с Канадой и Мексикой), без упоминания США, которые отказываются от него. В словаре *Toupictionnaire* представлено следующее толкование данного термина: *Traité entre le Mexique, les États-Unis et le Canada créant une zone de libre-échange*⁸ (Договор между Мексикой,

¹ Fontaine F. Giscard D'Estaing, le président de la modernité? *GEOAdo*, 3 Dec 2020. URL: <https://www.geoado.com/actus/giscard-destaing-le-president-de-la-modernite/> (accessed 20 Dec 2023).

² Здесь и далее по тексту перевод примеров выполнен Е. А. Вдовиченко.

³ l'UDF. *Toupictionnaire*: Le dictionnaire de politique. URL: https://www.toupie.org/Dictionnaire/Sigles_u.htm (accessed 20 Dec 2023).

⁴ Martelle N. Les États-Unis abandonnent (encore) un accord international. *GEOAdo*, 8 Dec 2017. URL: <https://www.geoado.com/actus/etats-unis-abandonnent-accord-international/> (accessed 20 Dec 2023).

⁵ Fontaine F. Espagne: à quoi sert le roi? *GEOAdo*, 8 Jun 2014. URL: <https://www.geoado.com/actus/espagne-a-quoi-sert-le-roi-26826/> (accessed 20 Dec 2023).

⁶ Constitution. *Toupictionnaire*: Le dictionnaire de politique. URL: <https://www.toupie.org/Dictionnaire/Constitution.htm> (accessed 20 Dec 2023).

⁷ Martelle N. Les États-Unis abandonnent (encore) un accord international...

⁸ Alena. *Toupictionnaire*: Le dictionnaire de politique. URL: https://www.toupie.org/Dictionnaire/Sigles_a.htm (accessed 20 Dec 2023).

США и Канадой о создании зоны свободной торговли). Изначально данная аббревиатура имеет расшифровку *Accord Libre-Echange Nord-Américain*. В данном случае автор новостной статьи дал определение аббревиатуры согласно словарной статье.

По разобранным примерам видно, что политические термины второй группы номинируют документы и вводятся в новостные тексты для детей и подростков с полным толкованием, совпадающим со словарным определением, или его усеченной версией.

Третья группа политических терминов номинирует **деятельность**, которую осуществляют политические деятели. Данная группа является многочисленной по количеству выявленных примеров. Например, политический термин *Brexit*, к которому в новостном тексте дается не толкование, а пояснение, в статье *Les Britanniques vont-ils quitter l'Europe?*⁹ (Собираются ли британцы покинуть Европу?): "*Britain exit*": *sortie de la Grande-Bretagne* (Британия выходит: выход Великобритании), которое произошло в результате слияния двух английских слов. В толковом словаре данный термин имеет следующее определение: *scénario de sortie du Royaume-Uni de l'Union européenne*¹⁰ (сценарий выхода Соединенного Королевства из Европейского Союза), которое частично совпадает с пояснением автора статьи, где не уточняется, откуда выходит Великобритания.

В статье *Élections: en route vers le 2d tour*¹¹ (Выборы: на пути ко второму туру) упоминается такой термин, как *la mondialisation*, которому дается определение в виде распространенного словосочетания: *les échanges mondiaux de marchandises, de personnes et d'idées* (глобализация, т. е. глобальный обмен товарами, людьми и идеями). В словаре данный термин имеет следующее толкование: *le processus d'ouverture de toutes les économies nationales sur un marché devenu planétaire*¹² (процесс выхода всех национальных экономик на рынок, который стал глобальным). Редакция журнала использует перифраз с уточнением информации, чтобы молодым читателям было понятно

значение термина и не возникло дополнительных вопросов: Что такое национальная экономика? Какие они бывают?

Кроме перифраза с уточнением определенной информации при введении политических терминов третьей группы в основном авторы статей применяют ориентирующее введение.

Например, политический термин *l'embargo* в толковом словаре имеет толкование: *toute mesure coercitive, administrative ou militaire, décidée par un Etat, une coalition ou une institution internationale, visant empêcher la libre circulation de certaines matières ou marchandises avec un autre Etat que l'on veut sanctionner ou sur lequel on veut faire pression*¹³ (любая принудительная мера, административная или военная, принятая государством, коалицией или международным учреждением, направленная на воспрепятствование свободному перемещению определенных материалов или товаров с другим государством, в отношении которого вводятся санкции или на которое оказывается давление). В статье *États-Unis / Cuba: le temps de la réconciliation*¹⁴ (США / Куба: время для примирения) данный термин вводится со следующим определением: *les États-Unis et leurs alliés interdisaient toute relation commerciale avec Cuba* (Соединенные Штаты и их союзники запретили любые торговые отношения с Кубой). Автор статьи конкретизировал информацию, приведя пример из реальной жизни, при этом выделив основной признак – запрет на торговлю. Также следует отметить, что благодаря авторскому пояснению читатель может определить место появления данного термина – это Испания, которой ранее принадлежала Куба.

Третья группа политических терминов вводится в новостные тексты двумя способами: при помощи перифраза определения с выделением основной информации (аналогизации) и ориентирующего введения (аллюзии из жизни). Авторы новостных текстов стараются избежать недопонимания (непонимания) со стороны детей и подростков и на конкретных событиях, происходящих в мире, объяснить

⁹ Fontaine F. Les Britanniques vont-ils quitter l'Europe? *GEOAdo*, 18 Jun 2016. URL: <https://www.geoado.com/actus/les-britanniques-vont-ils-quitter-leurope-40029/> (accessed 20 Dec 2023).

¹⁰ Brexit. *Toupictionnaire*: Le dictionnaire de politique. URL: <https://www.toupie.org/Dictionnaire/Brexit.htm> (accessed 20 Dec 2023).

¹¹ Élections: en route vers le 2d tour. *GEOAdo*, 24 Apr 2017. URL: <https://www.geoado.com/actus/elections-en-route-vers-le-2d-tour-99330/> (accessed 20 Dec 2023).

¹² Mondialisation. *Toupictionnaire*: Le dictionnaire de politique. URL: <https://www.toupie.org/Dictionnaire/Mondialisation.htm> (accessed 20 Dec 2023).

¹³ Embargo. *Toupictionnaire*: Le dictionnaire de politique. URL: <https://www.toupie.org/Dictionnaire/Embargo.htm> (accessed 20 Dec 2023).

¹⁴ Fontaine F. États-Unis / Cuba: le temps de la réconciliation. *GEOAdo*, 24 Mar 2016. URL: <https://www.geoado.com/actus/etats-uniscuba-le-temps-de-la-reconciliation-29838/> (accessed 20 Dec 2023).

значение того или иного термина, употребляющегося в политической сфере.

Следует отметить, что некоторые выявленные политические термины в ранних выпусках детского и подросткового журнала *GEOAdo* даны с толкованием, а в последующих статьях они представляются без определений. Данное замечание указывает на то, что журнал ориентирован на читателей, которые постоянно следят за новостями.

Так, термин *primaire* вводится в новостной текст со следующим определением: *un processus de sélection* (процесс отбора) в статье *Élections présidentielles: Les Américains choisissent leurs candidats*¹⁵ (Президентские выборы: американцы выбирают своих кандидатов) от 2 февраля 2016 г. Сравнивая данное определение с определением из французского толкового словаря *Toupictionnaire: primaire – un scrutin organisé par un parti politique afin de désigner son candidat à une élection*¹⁶ (праймериз – голосование, организованное политической партией для выдвижения своего кандидата на выборах), можно заключить, что автор новостного текста использовал ориентирующее введение термина, указав основную функцию деятельности – отбор. В последующих статьях, например, *USA: pourquoi Donald Trump fait-il peur?*¹⁷ (США: почему Дональд Трамп пугает?) от 2 марта 2016 г., *Élections: le piège des sondages*¹⁸ (Выборы: ловушка опросов) от 5 апреля 2017 г. и других, термин *primaire* употребляется без толкования, он только упоминается, когда требуется сказать о выборах среди политических деятелей. Пример: *la victoire d'Alain Juppé aux primaires de la droite*¹⁹ (победа Алена Жюппе на праймеризе правых).

Кроме того, исследование показало, что в отобранных 50 новостных текстах 15 терминов вводятся без каких-либо определений: *le lois, Parlement, le gouvernement, la démocratie, l'indépendance* и др. Можно предположить, что авторы новостных текстов или редакция журнала посчитали ненужным разъяснять значения терминов для детей и подростков 10–15 лет, т. к. они уже, скорее всего, знакомы с ними со времени обучения в начальной школе.

Обсуждение

Исследование политических терминов, используемых в новостных текстах политической тематики, ориентированных на аудиторию 10–15 лет, показало, что авторы статей при передаче политической информации минимизируют использование политических терминов, т. к. было выявлено всего 29 терминов в 50 статьях, не всегда считают нужным давать пояснения, определения к тому или иному термину в новостном тексте, т. к. было отмечено 15 политических терминов без определений. Можно предположить, что это связано с тем, что аудитория данного возраста уже знакома с такими общенаучными политическими терминами благодаря школьной программе.

Что касается терминов, заимствованных из других языков, то авторы новостных статей так или иначе связывают их со страной, в которой они появились, но при этом дают пояснение, конкретизируя понятие.

Политические термины, используемые с определением, во франкоязычных новостных текстах для детей и подростков вводятся почти всеми теми же способами, которые были выделены ранее учеными – прямое непосредственное определение термина, ориентирующее введение и аналогизация (перифраз). Но следует сделать уточнения по некоторым способам введения терминов.

Что касается перифраза определения из словаря, то тут авторы новостных текстов не просто передают словарное содержание другими словами, они конкретизируют информацию, дают более узкое определение, подходящее именно к конкретной политической ситуации, или указывают на основной признак данного понятия.

Ориентирующее введение термина проявляется в новостных текстах для детей и подростков в виде приведения аллюзий из политической сферы, тем самым на конкретных примерах читателю объясняется значение термина, чтобы подготовить его к восприятию политических событий. Данный способ введения является новым и ранее не был выявлен в новостных текстах, ориентированных на взрослую читательскую аудиторию.

¹⁵ Fontaine F. Élections présidentielles: Les Américains choisissent leurs candidats. *GEOAdo*, 2 Feb 2016. URL: <https://www.geoado.com/actus/elections-presidentielles-les-americains-choisissent-leurs-candidats-81537> (accessed 20 Dec 2023).

¹⁶ Primaire. *Toupictionnaire: Le dictionnaire de politique*. URL: <https://www.toupie.org/Dictionnaire/Primaire.htm> (accessed 20 Dec 2023).

¹⁷ Fontaine F. USA: pourquoi Donald Trump fait-il peur? *GEOAdo*, 2 Mar 2016. URL: <https://www.geoado.com/actus/usa-pourquoi-donald-trump-fait-il-peur-52601/> (accessed 20 Dec 2023).

¹⁸ Élections: le piège des sondages. *GEOAdo*, 5 Apr 2017. URL: <https://www.geoado.com/actus/elections-le-piege-des-sondages-31694/> (accessed 20 Dec 2023).

¹⁹ Ibid.

Политические термины, используемые с определением, в новостных текстах для детей и подростков были разделены на три группы. В первую группу вошли термины, называющие сокращенно, в виде аббревиатуры политические организации. Их определения представлены в виде расшифровки названия, утвержденной в словаре, или через перифраз с указанием на основные функции организации. Вторая группа – термины для номинации документов, вводимые в текст в виде полного или усеченного словарного описания политического документа. Третья группа – термины, номинирующие политическую деятельность. Они вводятся при помощи перифраза словарного определения с конкретизацией информации или указанием на основной признак понятия. Кроме того, политические термины третьей группы вводятся в новостной текст при помощи ориентирующего введения: автор статьи приводит аллюзии из политической сферы, тем самым на конкретных примерах объясняет читателю значение термина, располагая его к восприятию политических событий.

В статьях франкоязычного журнала *GEOAdo* за период 2013–2022 гг. отмечено диахроническое введение терминов. Если в ранних статьях термин вводился с толкованием, то в последующих статьях политические термины использовались уже без определений, т. к. предполагалось, что читательская аудитория постоянная и молодые читатели уже знакомы с этой терминологией.

Заключение

Изучение введения политических терминов в новостные тексты, ориентированные на детей и подростков 10–15 лет, показало, что авторы статей учитывают психологию развития молодых читателей, склонность детей и подростков подражать взрослым, т. к. анализируемые новостные тексты наполнены

политическими терминами, так же как и тексты для взрослой читательской аудитории. К некоторым из терминов нет пояснений в текстах, т. к. предполагается, что дети и подростки могли ознакомиться с ними в школьной программе или уже прочитали определения в ранних статьях. Данный факт свидетельствует о том, что журнал рассчитан на постоянных читателей.

Если автору статьи требуется ввести какой-либо политический термин в новостной текст для детей и подростков, то он прибегает к разным способам введения его определения: перифраз, усечение словарного определения, аллюзия из политической сферы, но чаще всего авторы статей используют перифраз словарного определения с указанием на основной признак понятия, что может способствовать облегчению восприятия и понимания содержания статьи и снижению вероятности отказа молодых читателей от прочтения новостных текстов политической тематики.

В связи с новизной и актуальностью данной темы исследования, перспективным видится изучить, употребляются ли данные термины молодыми читателями при комментировании новостного текста.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Амирова А. А. Особенности функционирования англоязычных заимствований в СМИ арабских стран. *Новые информационные технологии в автоматизированных системах*. 2018. № 21. С. 169–175. [Amirova A. A. Features of the functioning of English-language borrowings in the media of Arab countries. *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh*, 2018, (21): 169–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xnrsap>
- Антакли С. А., Алимуратов О. А. Деконструкция англоязычных военных терминов в массмедийном тексте. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. № 2. С. 136–147. [Antakli S. A., Alimuradov O. A. English military terms deconstruction in mass media text. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2023, (2): 136–147. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-136-147>

- Ахмерова Г. А., Белая А. Г., Кузнецова Т. А. Лексико-грамматические особенности научно-популярного текста. *Наука – образованию, производству, экономике: 12 Междунар. науч.-техн. конф.* Мн.: БНТУ, 2014. Т. 4. С. 294. [Akhmerova G. A., Belaya A. G., Kuznetsova T. A. Lexical and grammatical features of popular science text. *Science: education, production, and economics: Proc. 12 Intern. Sci.-Techn. Conf. Minsk: BNTU, 2014, vol. 4, 294. (In Russ.)]*
- Васильева Н. В. Термин. *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 508–509. [Vasilieva N. V. Term. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sov. entsikl., 1990, 508–509. (In Russ.)]
- Вишнякова О. Д., Маргания Э. В. Функционально-прагматическая адаптация терминологических единиц как отражение процесса взаимодействия научного и быденного знания. *Вестник Самарского государственного университета*. 2011. № 1-2. С. 109–114. [Vishnyakova O. D., Margania E. V. Functional pragmatic adaptation of terminological units as the reflection of the scientific and common knowledge interaction process. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (1-2): 109–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puzfdv>
- Гарифуллина Э. И. Стилистическое использование терминов, иностранных слов, неологизмов в языке газеты. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2008. № 1. С. 207–217. [Garifullina E. I. Stylistic use of terms, foreign words, and neologisms in the language of the newspaper. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2008, (1): 207–217. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trpnvab>
- Гришечкина Г. Ю. Способы раскрытия термина в научно-популярном тексте. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2011. № 2. С. 92–100. [Grishechkina G. Yu. Ways of disclosing the term in the popular-scientific text. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2011, (2): 92–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nrxoxt>
- Даренская Н. А., Буянкина Н. Н. Культура научной и деловой речи. Барнаул: АГАУ, 2008. 65 с. [Darenskaya N. A., Buyankina N. N. *Culture of scientific and business speech*. Barnaul: ASAU, 2008, 65. (In Russ.)]
- Кагермазова Л. Ц. Возрастная психология (Психология развития). 2010. 276 с. [Kagermazova L. Ts. *Age psychology (Developmental psychology)*. 2010, 276. (In Russ.)] URL: https://chukotkabezsirot.chao.socinfo.ru/media/2019/01/25/1274339953/Vozrastnaya_psixologiya_uchebnik.pdf (accessed 20 Dec 2023).
- Катеринина А. А. Психология подросткового возраста. Орск: Орский гуманитарно-технологический ин-т (филиал) ОГУ, 2015. 159 с. [Katerinina A. A. *Psychology of adolescence*. Orsk: Orsk Humanitarian and Technological Institute (branch) of OSU, 2015, 159. (In Russ.)]
- Леснянская Ж. А. Психология подросткового возраста и ранней юности. Чита: ЗабГУ, 2018. 148 с. [Lesnyanskaya Zh. A. *Psychology of adolescence and early youth*. Chita: ZabSU, 2018, 148. (In Russ.)]
- Манжосова И. В., Панская Е. С. Процесс проникновения англоязычных терминов в русскую общеупотребительную лексику. *Молодой ученый*. 2021. № 17. С. 360–362. [Manzhosova I. V., Panskaya E. S. The process of penetration of English-language terms into Russian common vocabulary. *Molodoi uchenyi*, 2021, (17): 360–362. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijuzzo>
- Мелех Н. Н. Проникновение терминологических единиц в общеупотребительную лексику (Экспериментально-сопоставительное исследование на материале разностилевых английских и русских текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 18 с. [Melekh N. N. *Penetration of terminological units into common vocabulary: Experimental and comparative research on the material of different style English and Russian texts*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Pyatigorsk, 2004, 18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zmtnzp>
- Нечаева Е. А. Способы адаптации англоязычных PR-терминов в русском языке. *Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 8. № 1. С. 76–81. [Nechaeva E. A. Methods of adapting English-language PR terms in Russian. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Serii: Gumanitarnye nauki*, 2017, 8(1): 76–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygspmt>
- Панкратова С. А. Адаптация кинематографической терминологии в общеупотребительной сфере. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 3. С. 859–868. [Pankratova S. A. Adaptation of film terminology in the general language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 859–868. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-859-868>
- Петров Ю. А., Захаров А. А. Практическая методология. Озерск: ОТИ МИФИ, 2001. 107 с. [Petrov Yu. A., Zakharov A. A. *Practical methodology*. Ozersk: OTI MEFPhI, 2001, 107. (In Russ.)]

- Пыж А. М. Функционально-прагматический потенциал юридической терминологии в газетном дискурсе (на примере английского языка). *Colloquim-Journal*. 2020. № 6-5. С. 47–52. [Pyzh A. M. Functional and pragmatic potential of legal terminology in the newspaper discourse (on the example of English language). *Colloquim-Journal*, 2020, (6-5): 47–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11467>
- Стародубцева А. А. Функционирование терминологизмов в российском медиадискурсе. *Пятый этаж*: конф. «День науки-2020». (Барнаул, 18 апреля 2020 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2020. Т. 6. С. 24–28. [Starodubtseva A. A. Functioning of terminology in Russian media discourse. *Fifth floor*: Proc. Conf. Science Day 2020, Barnaul, 18 Apr 2020. Barnaul: AltSPU, 2020, vol. 6, 24–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qprxhs>
- Филиппов К. А., Филиппова Н. Б. Спортивная терминология в научно-популярном тексте (на материале немецкого языка). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1837–1842. [Filipov K. A., Filippova N. B. Sports terminology in the popular science text (on the material of the German language). *Philology. Theory & Practice*, 2023, 16(6): 1837–1842. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20230276>
- Финикова И. В. Специфика функционирования терминологических единиц в текстах научно-популярной направленности. *Новое слово в науке: стратегии развития*: IX Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 июня 2019 г.) Чебоксары: ЦНС Интерактив плюс, 2019. С. 97–103. [Finikova I. V. Terminological units in popular science texts. *A new word in science: Development strategies*: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf., Cheboksary, 7 Jun 2019. Cheboksary: CSC Interactive plus, 2019, 97–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mejebp>
- Ци Ванчжи. Термины в языке газеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 20 с. [Qi Wanzhi. *Terms in the language of the newspaper*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2006, 20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njybjn>
- Цыпнятова К. М., Суханова С. Г. Психолого-педагогические особенности лиц младшего подросткового возраста. *Молодой ученый*. 2014. № 4. С. 1129–1132. [Tsyornyatova K. M., Sukhanova S. G. Psychological and pedagogical features of young adolescents. *Molodoi uchenyi*, 2014, (4): 1129–1132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sakdip>
- Чинь Х. Х. Способы введения и раскрытия значения терминов в текст (на материале русского и английского языков). *Гуманитарные научные исследования*. 2017. № 5. [Chin H. H. Methods of introducing and revealing the meaning of terms in Russian and English texts. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia*, 2017, (5). (In Russ.)] URL: <https://human.snauka.ru/2017/05/23954> (accessed 20 Dec 2023). <https://elibrary.ru/ypsbdx>
- Шамне Н. Л., Шишкина Е. В. Особенности лексического состава медицинского научно-популярного дискурса (на материале немецкоязычных интернет-изданий). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2018. Т. 17. № 4. С. 170–179. [Shamne N. L., Shishkina E. V. The vocabulary of science-popular medical discourse (as exemplified in German online media). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2018, 17(4): 170–179. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.16>
- Яхина Р. Р. Языковая адаптация англоязычных технических терминов в русском языке. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2019. Т. 16. № 3. С. 18–24. [Yakhina R. R. Language adaptation of English technical terms in the Russian language. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2019, 16(3): 18–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ling190303>
- Crispin S. *Attracting young readers – tactics for engagement. A report for the Robert Bell Travelling Scholarship*. Christchurch: University of Canterbury, 2011, 25. URL: https://www.canterbury.ac.nz/content/dam/uoc-main-site/documents/pdfs/reports/Shanna-Crispin_robert_bell_report_nov11.pdf (accessed 30 Mar 2024).
- Muranova O. S. On the linguistic forms of introducing scientific terms into the captions and text. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (2): 8–21. <https://elibrary.ru/odqtnk>

© 2025. Кузнецов И. В.

«Гордый человек» и мирные туземцы

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lieqtp>

«Гордый человек» и мирные туземцы: поэма «Цыганы» – пушкинский анонс XIX века

Кузнецов Илья Владимирович

Новосибирский государственный театральный институт, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 5848-0971

<https://orcid.org/0000-0001-9629-4012>

Scopus Author ID: 57210843311

eliah2001@mail.ru

Аннотация: Рассмотрена система персонажей поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824), которая специально поляризована автором при помощи лексических средств: «гордому» Алеко противопоставлены «мирные» цыгане. Цель – уточнить происхождение «хищного» и «смирного» типов в русской литературе. Основной используемый метод – диахронное типологическое сопоставление. В байроническом контексте 1820-х гг. «гордый человек» опознавался как романтический герой. В христианском же контексте, традиционном для русской культуры, он предстает как грешник. Его противоположностью должны стать «кроткие» персонажи, роль которых у А. С. Пушкина выполняют цыгане. Такая система персонажей оказалась парадигматической для русской классики XIX в., в своем устройстве соответствуя существенным сторонам ее проблематики, поэтому типологические повторения этой модели обнаруживаются в важнейших художественных текстах данной эпохи. Присутствие этой модели осознавалось и фиксировалось в литературной критике 1850-х гг., в первую очередь в статьях А. А. Григорьева и П. В. Анненкова. Примечательно, что именно эти два литератора в XIX в. внесли наибольший вклад в сохранение и культивирование пушкинского наследия. В статье показано, как пушкинская модель системы персонажей проявилась в классических текстах И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Также указано на сохранение эффективности этой модели в русской литературе XX в.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Цыганы», романтический герой, гордость, кротость, А. А. Григорьев, П. В. Анненков, русская классика XIX века

Цитирование: Кузнецов И. В. «Гордый человек» и мирные туземцы: поэма «Цыганы» – пушкинский анонс XIX века. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 119–127. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-119-127>

Поступила в редакцию 27.10.2024. Принята после рецензирования 24.12.2024. Принята в печать 28.12.2024.

full article

"Proud Man" vs. "Peaceful Natives": Pushkin's *The Gypsies* as Anticipation of the XIX Century

Ilya V. Kuznetsov

Novosibirsk State Theatre Institute, Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 5848-0971

<https://orcid.org/0000-0001-9629-4012>

Scopus Author ID: 57210843311

eliah2001@mail.ru

Abstract: In his poem *The Gypsies* (1824), Alexander Pushkin used various lexical means to polarize the system of characters: the *proud* Aleko is opposed to the *peaceful* Gypsies. The author clarifies the origin of the *savage* and *peaceful* types in Russian literature using the method of diachronic typological comparison. The *proud* man was a romantic hero in the Byronic context of the 1820s. In the traditional Russian Christian context, however,

pride was a sin. As a result, Pushkin counterweighed the *proud* man by the meek personages, i.e., the Gypsies. This character system turned out to be paradigmatic for the Russian classics of the XIX century: its structure corresponded to the essential aspects explored in the nineteenth-century literature. Naturally, it was picked up by the most important literary texts of that epoch, which was widely recognized by the literary criticism of the 1850s, e.g., by Apollon Grigoriev and Pavel Annenkov, who made the greatest contribution to the preservation of Pushkin's literary heritage. Pushkin's model manifested itself in the classical texts by Ivan Turgenev, Ivan Goncharov, Alexander Ostrovsky, Fyodor Dostoevsky, and Leo Tolstoy. The model proved so effective it entered the Russian literature of the XX century.

Keywords: A. S. Pushkin, "The Gypsies", romantic character, pride, meekness, Apollon Grigoriev, Pavel Annenkov, Russian classics of the XIX century

Citation: Kuznetsov I. V. "Proud Man" vs. "Peaceful Natives": Pushkin's *The Gypsies* as Anticipation of the XIX Century. *SibScript*, 2025, 27(1): 119–127. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-119-127>

Received 27 Oct 2024. Accepted after peer review 24 Dec 2024. Accepted for publication 28 Dec 2024.

Введение

Литературная критика XIX в. неоднократно обращала внимание на тот факт, что в творчестве русских писателей регулярно противопоставляются два типа героя, два антропологических типа, которые А. А. Григорьев называл «хищным» и «смирным», П. В. Анненков – «сильным» и «слабым». А. А. Григорьев справедливо возводил это противопоставление к творчеству А. С. Пушкина, находя его источник в «Повестях Белкина», где «смирный» тип впервые проявился в образе самого Ивана Петровича Белкина. Однако пристальное рассмотрение пушкинского творчества показывает, что противопоставление этих двух типов появилось у поэта уже на исходе романтического периода, в поэме «Цыганы».

Цель настоящей статьи – уточнить происхождение «хищного» и «смирного» типов в русской литературе, связав их с образами пушкинских Алеко и цыган в поэме 1824 г. Задачи:

- 1) показать происхождение «хищного» типа из романтического героя – «гордого человека»;
- 2) продемонстрировать связь «смирного» типа с образами туземцев изображаемого мира, в роли которых у А. С. Пушкина выступают цыгане;
- 3) открыть потенциал религиозной трактовки намеченного А. С. Пушкиным противопоставления, осуществившийся в литературе середины XIX в.

Основной используемый метод – диахронное типологическое сопоставление.

«Цыганы» А. С. Пушкина – расставание с романтизмом

Поэма «Цыганы», начатая А. С. Пушкиным в январе 1824 г. в Одессе и дописанная той же осенью в Михайловском¹, завершила собой ряд южных романтических поэм, составивших фундамент прижизненной славы поэта. Жанр романтической поэмы был ориентирован на байроновский прототекст, в котором раскрывался устойчивый образ героя – одинокого, непохожего, гонимого или бегущего от людей [Жирмунский 1978]. Психология романтика была выражена Байроном наиболее полно, так что его герои, писанные с собственного Я, как и их творец, стали подлинными культурными героями эпохи [Журавлева 2022; Корнилова 2022; 2024]. Для русской литературы освоение жанра романтической поэмы было шагом, приводившим ее в приблизительное хронологическое соответствие с развитием европейской литературы. Князь Пётр Вяземский, авторитетный критик своего времени, писал по поводу опубликованных подряд перевода В. А. Жуковским «Шильонского узника» и затем поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник»: «Явление упомянутых произведений, коими обязаны мы лучшим поэтам нашего времени, означает... успехи посреди нас поэзии романтической» [Вяземский 1996: 124–128].

Однако самого А. С. Пушкина освоение байронического опыта вдохновляло лишь на первых порах. Поэт всегда остро переживал изменения своего фактического положения в мире. Южная ссылка была для него идеальным пространством, изнутри которого он мог

¹ Поэма была завершена в октябре 1824 г. 8 или 10 октября поэт писал П. А. Вяземскому: «Сегодня кончил я поэму "Цыганы"». (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 10. С. 80.)

прожить образ романтического скитальца². Море, скалы, Восток, изгнание – все эти элементы романтического топоса оказались налицо в его повседневной жизни. Их хватило, чтобы послужить строительным материалом для «Кавказского пленника», «Братьев разбойников», «Бахчисарайского фонтана». Но на этом дело приостановилось.

Первоначально А. С. Пушкин рассматривал «Цыган» как очередной шаг в разработке знакомого романтического пути. «На физиономии Алеко в "Цыганах" еще волнуется тень байроновских героев», – констатировал первый комментатор А. С. Пушкина П. В. Анненков [Анненков 1984: 135]. Возможно, именно внутренняя готовность героя стала причиной того, что А. С. Пушкин до поры отложил замысел и вернулся к его доводплещению уже только в Михайловском.

Михайловское было иным, контрастным хронотопом по отношению к романтическому взморью. Таинственный скиталец чужд этому хронотопу, как сам А. С. Пушкин вскорости покажет в «Повестях Белкина» через образы Сильвио или Алексея Берестова. Изнутри этого мира для поэта было естественно окончательно переосмыслить отношение к романтическому герою. Тупиковый характер романтической психологии был им осознан уже в начале года, что выразилось в стихотворении «К морю». Теперь, дорабатывая «Цыган», А. С. Пушкин заглянул в самую сущность этого тупика, связанную с природой и характером романтического героя. Ее открытие заставило поэта навсегда отвернуться от романтизма как художественной, а прежде того – как этической системы³.

Суть пушкинского открытия заключалась в том, что романтический герой на поверку – совершенный эгоист. А возникающая вокруг него эстетика страдает двойственностью – во всяком случае в ее русском изводе. Ведь русская культура веками основывалась на христианских приоритетах, которые в просвещенном XVIII в. сделались имплицитными, но никуда не делись. Они требуют возлюбить ближнего как самого себя и даже более, чем себя. Это требование вступает в принципиальное противоречие с романтическим индивидуализмом. Поэтому последовательный

герой-романтик в русской культуре производит странное впечатление: он или «полурусский сосед», как сам А. С. Пушкин удачно выразился про Ленского, или подлинный разбойник. И его эстетизация требует множества допущений и оговорок.

После совершенного Алеко двойного убийства, Земфиры и ее любовника, резонер – старый цыган – точно проговорил герою его характеристику: *Ты для себя лишь хочешь воли. А значит, Ты не рожден для дикой доли*⁴, которая предполагает стихийную волю и равенство перед нею для всех. Когда старик рассказывал Алеко про свою подругу Мариулу, покинувшую его с Земфирой на руках, герой удивился, почему старик не отомстил. *Я не таков! Нет, я, не споря, / От прав своих не откажусь*⁵, – восклицал он. О каких *правах* может идти речь, если герой выбрал доминантой своей жизни *волю*, стихийно нивелирующую всякие права? По всей видимости, герой-романтик (в лице Алеко) избирательно путает волю и свободу, которая по определению ограничена чужими свободами и правами. Волю он хочет оставить себе, а применительно ко всем остальным признает только свободу, границы которой устанавливает сам. Так сентиментально-романтическая оппозиция природы и цивилизации обнаруживает свою принадлежность буржуазному кругозору с его идеей права в основе. А. С. Пушкин в эпилоге поэмы «Цыганы» отказался от этой искусственной двойственности, провозгласив единство и проницаемость мира: *Всюду страсти роковые, / И от судеб защиты нет*⁶.

Примечательно определение, которое старый цыган дал Алеко в сцене объяснения после убийства: *Оставь нас, гордый человек*⁷. Слово *гордый* – не просто эпитет. В христианской культуре, провинциальный извод которой окружил поэта в Михайловском, это слово несет смысл почти терминологический, обозначая грех из числа наиболее тяжких. И «гордый человек», соответственно, – грешник. Это словоупотребление оттеняет уже показанный зазор между ценностными системами романтизма и христианства.

Итак, с одной стороны, Алеко у А. С. Пушкина получает характеристику *гордый человек*. С другой

² Об этом писал, в частности, Г. А. Гуковский: «Все меняется в творчестве Пушкина начиная с 1820 года. <...> ...новые миры раскрыла перед ним сама жизнь. На Кавказе, затем отчасти в Бессарабии» [Гуковский 1965: 282].

³ «В Михайловском были в основном написаны "Цыганы", в которых глубоко и принципиально осужден байронизм» [Гуковский 1965: 354].

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 4. С. 168.

⁵ Там же. С. 163.

⁶ Там же. С. 169.

⁷ Там же. С. 168.

стороны, цыгане у А. С. Пушкина последовательно характеризуются как «мирные» или «тихие»: по наблюдению Б. В. Томашевского, эти эпитеты по отношению к ним наиболее частотны в поэме [Томашевский 1956: 626, 648]. П. В. Анненков свидетельствовал, что к публикации «Цыган» А. С. Пушкин приготовил два эпиграфа: один из кн. Вяземского, а другой – из молдавской песни: *Мы люди смиренные, девы наши любят волю – что тебе делать у нас?* [Анненков 1855: 545]. Отметим специально: для поэта была важна не просто тема «гордого человека». В архитектонике пушкинского замысла присутствовало противопоставление **гордый пришелец – смиренные туземцы**, не важно, что эти туземцы ведут кочевую жизнь и в реальности вовсе кротостью не отличаются. Это противопоставление и стало тем анонсом, который А. С. Пушкин сделал к русской классике XIX в., обозначив в нем ее проблематику.

Особенностью пушкинского художественного мышления была неизменная опора на правило: «эстетика неотрывна от этики»⁸ [Рассадин 1977: 129]. Поэтому происшедшее в середине 1820-х гг. открытие А. С. Пушкиным этической несостоятельности героя-романтика привело поэта к решительному отказу и от романтизма как художественной системы. А. С. Пушкин уже в первой главе «Онегина» иронически отказался признать, будто бы в герое *намарал я свой портрет / Как Байрон, гордости поэт*⁹. С этой поры начались нападки А. С. Пушкина на романтизм: в «Онегине», в «Повестях Белкина», – в которых со временем усиливалась язвительность.

Пушкинские типы в литературе и критике XIX в.

Преодоление А. С. Пушкиным романтизма поставило поэта вне своей эпохи и на полтора-два десятилетия впереди ее¹⁰. Романтические герой и картина мира сохраняли обаяние не только для Н. А. Полевого или А. А. Марлинского, но даже для Н. В. Гоголя и М. Ю. Лермонтова на протяжении едва ли не всей их жизни. «Не оправдав надежд стать завершителем старшей ветви литературы, как и родоначальником

нового этапа, ...Пушкин вытесняется с авансцены русской литературы» [Шатин 2015: 61]. Только после решительной деконструкции, осуществленной в середине 1840-х гг. Н. А. Некрасовым и натуральной школой, произошло остранение романтической личности и преодоление ее долговременного авторитета [Скатов 1994; Чуковский 1962; Эйхенбаум 1986]. Конечно, она не исчезла из культурной памяти: еще и у Ф. М. Достоевского Раскольников будет соотносить себя с Наполеоном [Касаткина 1996; Лян 2023; Подосокорский 2022]. Но теперь эта личность помещается внутрь иного, неромантического, хронотопа и подлежит переоценке с позиции соответствующего кругозора. Этот прием был специально продемонстрирован самим А. С. Пушкиным в «Повестях Белкина»¹¹. В дальнейшем он прошел без преувеличения сквозь всю классику середины XIX в. При этом герою, продолжавшему гордый романтический тип, обыкновенно более или менее явно противопоставлялись персонажи – носители почвенного кругозора, доминантой которого являются христианские ценности.

Такая конструкция художественных текстов осуществлялась параллельно с идейным поиском, центром которого в России XIX в. была литературная критика. К началу 1850-х гг. в ней явно обозначились два течения, которые принято называть западничским и славянофильским. Славянофильские критики журнала «Москвитянин» в качестве своей художественной опоры культивировали драматургию молодого А. Н. Островского, которая, по справедливому замечанию Б. Ф. Егорова, давала повод «к славянофильскому истолкованию именно из-за противопоставления личности, то есть якобы мечущемуся буржуазному эгоисту, – патриархального русского мира, где царит покой, степенность, всепрощение, человечность» [Егоров 1967: 10].

Наиболее яркой фигурой в редакции «Москвитянина» был А. А. Григорьев. Аполлон Григорьев буквально жил А. С. Пушкиным, много сделал для возвращения его на первое место в русской литературе («Пушкин – наше всё» [Григорьев 1967: 166], – повторял он раз за разом в своих статьях). Координаты пушкинского мира

⁸ Стоит отметить, что эта особенность была завещана А. С. Пушкиным всей русской классике и воспринята ею как ее национальная специфика.

⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 5. С. 28.

¹⁰ Показательно категорическое суждение молодого В. Г. Белинского в «Литературных мечтаниях»: «Тридцатым годом кончился или, лучше сказать, внезапно оборвался период пушкинский, так как кончился и сам Пушкин» [Белинский 1976: 111].

¹¹ Например, когда романтический герой Сильвио приезжает возвращать выстрел в семейное поместье графа Б. и сам чувствует, что получается уже *не дуэль, а убийство*. О характере целостности цикла «Повести Белкина», в создании которой принципиальную роль играет двуголосое слово, см. [Тюпа 2001: 112–125].

формировали его литературно-критическое сознание. И он попытался теоретически проблематизировать несоответствие «галантного» индивидуалистического идеала европейского искусства национально-русским мировоззренческим приоритетам. «Со времен Петра Великого народная натура примеривала на себя выделанные формы героического, выделанные не ею. <...> Между тем и в нас самих и вокруг нас было еще нечто такое, что жило по своим собственным, особенным началам, и жило гораздо сильнее, чем то, что примеривалось к чуждым идеалам» [Григорьев 1967: 270].

Что же касается национального мировоззрения, то первое его проявление в поэзии А. А. Григорьев связывал с пушкинским образом Ивана Петровича Белкина¹². «Все простые, не преувеличенные юмористически и не идеализированные трагически отношения литературы к окружающей действительности и к русскому быту – по прямой линии ведут свое начало от взгляда на жизнь Ивана Петровича Белкина» [Григорьев 1967: 177], – писал критик в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина». При этом А. А. Григорьев не идеализировал ни Белкина, ни продолжавшего его лермонтовского Максима Максимыча, считая их лишь отрицательной реакцией народной души на романтические фантомы. «Мы были бы народ весьма не щедро наделенный природою, если бы героями нашими были Иван Петрович Белкин и Максим Максимыч. Тот и другой вовсе не герои, а только контрасты типов, которых величие оказалось на нашу душевную мерку несостоятельным» [Там же: 182]. Белкин, следовательно, не герой в смысле личности, а некий полюс заземления, «здоровое чувство, кроткое и смиренное» [Там же: 182].

Период становления русского реализма, приходящий на 1850–1860-е гг., А. М. Гуревич удачно назвал «типическим» [Гуревич 1994: 52]. Поиском типа героя, органически соответствующего неромантическому почвенному хронотопу, в эпоху «Современника» был занят И. С. Тургенев. Таким героем стал Лаврецкий в «Дворянском гнезде», с его жертвенным поведением вполне воплотивший христианский идеал смирения и подвижничества. Аполлон Григорьев, анализируя образ Лаврецкого, сформулировал тезис о присутствии у И. С. Тургенева «хищного» и «смирного» типов героя. «Смирный» тип Лаврецкого А. А. Григорьев возводил

именно к пушкинскому Белкину, И. С. Тургеневым оправданному и получившему гражданство в русской литературе: «в лице Лаврецкого наш Иван Петрович Белкин вышел из своего запуганного, чисто отрицательного состояния» [Григорьев 1967: 316–317]. «У Тургенева очевидная борьба двух типов: хищного с тем, который выступил впервые у Пушкина в его Белкине, и очевидна борьба двух взглядов на жизнь, взгляда напряженного, взгляда, воспитавшегося на чужих идеалах, со взглядом, так сказать, прирожденным, выросшим на почве действительности несколько скудной и даже унылой» [Там же: 439].

В то же самое время, что и Аполлон Григорьев, и тоже на тургеневском материале о двух типах в русской литературе и жизни стал писать П. В. Анненков¹³. Он полемически оттолкнулся от известной статьи Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous», противопоставил «сильный», или «цельный», тип «слабому» и сделал масштабный вывод о несоответствии «сильного» типа русской жизни, в которой требуется не разовый персональный подвиг, а долгий и общий для всех труд, подвижничество. «В свойствах нашего характера и складе нашей жизни нет ничего похожего на героический элемент. Задачи, которые предстоит разрешить современности, кажется нам, все такого свойства, что могут быть хорошо разрешены одним честным, постоянным, упорным трудом сообща» [Анненков 2000: 172–173].

Стоит уточнить, что в традиционном словоупотреблении «хищные» и «смирные», или «сильные» и «слабые», квалифицируются как «гордые» и «кроткие». В связи с этим примечательно исследование названных типов И. А. Гончаровым. Происхождение типа «кроткого голубя» Обломова из русского помещичьего быта писатель показал в «Сне Обломова», опубликованном в 1849 г. Позже, в самом романе, слова *кроткий* и *голубь* применительно к главному герою повторяются слишком часто, чтобы казаться случайными; и они определяют отношение к нему других персонажей. «Окиньте весь роман внимательным взглядом, и вы увидите, как много в нем лиц, преданных Илье Ильичу и даже обожающих его, этого кроткого голубя, по выражению Ольги» [Дружинин 1988: 455–456]. Мы уже отметили, что гордый и кроткий типы в литературе середины столетия обыкновенно возникали парами. Так и Обломов со своей

¹² Подлинный социокультурный портрет Белкина, удачно реконструированный в XX в., см. [Вацура 1994: 36–40].

¹³ Напомним, П. В. Анненков – первый пушкинист, хранитель пушкинского архива, издатель первого полного посмертного собрания сочинений А. С. Пушкина (1855–1857).

неоднократно подчеркнутой в романе кротостью представлял одну сторону пары, другую же воплощал его антипод Штольц. Антипод, во-первых, диалектический, потому что русская жизнь требует присутствия этих типов именно в паре, как коррелирующих. А во-вторых, фамилия *Штольц* переводится с родного для персонажа немецкого языка как *гордый*, так что организующая оппозиция *гордый – кроткий* была поставлена писателем в центр конструкции романа вполне демонстративно.

Иная по составу персонажей, но типологически совершенно та же оппозиция разрабатывалась в славянофильских пьесах Александра Островского начала 1850-х гг. А. Н. Островский перенес действие в почвенные слои общества, в купеческую и мещанскую среду, и с этим переносом противопоставление «гордых» и «кротких», «хищных» и «смирных» выступило даже резче: потому что для почвенного кругозора с его христианскими приоритетами оно глубоко органично. А. Н. Островский намеренно сгущал краски, создавал искусственные развязки сюжетов, чтобы утвердить приоритет кроткого типа характера и поведения¹⁴. Слово *гордый* в отрицательном смысле регулярно встречается в его пьесах этого периода. В комедии «Не в свои сани не садись» слуга Степан характеризует своего хозяина франта Вихорева: *Где ему служить! Не то у него на уме, и притом же горд*¹⁵. В комедии «Бедность не порок» купец-самодур, едва не выдавший свою дочь за старого фабриканта Коршунова, носит имя *Гордей* Торцов. В комедии «Не так живи, как хочется» Агафон, отец оставленной мужем Даши, тоже апеллирует к гордости как причине всех бед. Сначала он пеняет дочери: *Ты по гордости ушла от него*, – потом делает обобщение: *Глупы ведь мы, люди, ох как глупы! Горды мы!*¹⁶

Не будет преувеличением упомянуть, что в 1850-е гг. русская литература изучала национальную действительность через призму противопоставления двух типов: гордого, идущего от романтической личности, и кроткого, свойственного почвенной культуре. П. В. Анненков отмечал, что литература, «по чутью истины, ей свойственному, не забывала поставить рядом со "слабым" человеком и человека

"сильного"» [Анненков 2000: 172]. Помимо всего, это противопоставление имело еще и эстетический характер, потому что с ним связана особенность жанра романа на русской почве в характеризуемый период. Роман – важнейший для европейской литературы жанр в середине XIX в. – по своей природе требует героя-деятеля. Романтический гордый герой этому требованию в основном соответствует. Но он, как раз за разом выясняется, не соответствует приоритетам национального сознания, берущего под сомнение эгоистическую индивидуальность¹⁷. Поэтому в попытке представить героя-деятеля писатели раз за разом порождают то Базарова, которому И. С. Тургенев искренне сочувствует, но в итоге все равно вынужден похоронить, то Штольца, относительно которого даже внимательное изыскание не в силах установить, что же именно он делает, согласное с общественными интересами. Уже Н. А. Добролюбов заметил: «Что он делает, и как он ухитряется делать что-нибудь порядочное там, где другие ничего не могут сделать, – это для нас остается тайной» [Добролюбов 1972: 38].

Наконец, решительным шагом в дорисовке гордого героя-деятеля стал Родион Раскольников. В отличие от предшественников, светски маскировавших идейную подоплеку своих романов, Ф. М. Достоевский выступил прямо, как проповедник. У него смысловая пара *гордые – кроткие* даже с навязчивостью внушается читателю, и всюду подчеркнуто, что за этой парой стоит евангельский смысл. Слово *кроткие* – это пароль в мире Ф. М. Достоевского: *Лизавета! Соня! Бедные, кроткие, с глазами кроткими*¹⁸, – читаем в «Преступлении и наказании»; словом *кроткая* специально названа одна из повестей писателя. Настойчивая идентификация в тексте романа Родиона Раскольникова как нового Наполеона не оставляет сомнения в сознательном производстве его писателем из «гордого» романтического прототипа [Касаткина 1996; Лян 2023; Подосокорский 2022]. Одурманенный теорией разбойник с топором – таков апофеоз героя-деятеля у Ф. М. Достоевского.

Выход из эстетического затруднения оказался найден в те же годы в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.

¹⁴ В пьесе «Бедность не порок» даже высоко ценивший А. Н. Островского А. В. Дружинин должен был признать в качестве погрешности «крутое и прихотливое обращение с интригой пьесы» [Дружинин 1988: 421].

¹⁵ Островский А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 1. С. 234.

¹⁶ Там же. С. 376, 377.

¹⁷ Не случайно граф Лев Толстой заявлял: «Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимают этот род сочинений в Европе». (Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1949. Т. 13. С. 54.)

¹⁸ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. С. 261.

Среди героев первого плана романтический гордый тип продолжает князь Андрей Болконский. Это он избрал для себя образцом Наполеона и накануне Аустерлицкого сражения рассуждал, что отдаст всех родных за минуту славы, т. е., выражаясь печоринским языком, «насыщенной гордости». Противоположной же фигурой, воплотившей «смирный», или «кроткий», тип, Л. Н. Толстой сделал полководца Кутузова с его почти буддийским идеалом недеяния. *В сомнении, мой друг, воздерживайся*, – внушает он князю Андрею, и тот уходит совершенно успокоенный: *У него не будет ничего своего... Он ничему нужному не помешает*¹⁹.

Л. Н. Толстой использовал художественный прием, прототип которого снова находится у А. С. Пушкина, в «Евгении Онегине». Он взял героя – носителя почвенных народных ценностей – и придал ему статус социального образца, а вместе с тем и эстетического идеала. Так А. С. Пушкин сделал сельскую барышню Татьяну Ларину светской дамой, и с тем возвел в *милый идеал*²⁰ ее патриархальное *я буду век ему верна*²¹. Так и Л. Н. Толстой сделал мудреца-квиегиста предводителем Отечественной войны, и с тем превратил его смирение в элемент эстетического идеала. Толстовский опыт открыл возможность безусловной эстетизации смирения, терпения, жертвенности в последующие десятилетия. К примеру, «праведники» Н. С. Лескова уже заполняли сформированную Л. Н. Толстым художественную нишу.

Таким образом, противопоставление гордого и кроткого типов героя сделалось организующим в русской классике середины XIX в. У А. С. Пушкина в «Цыганах» это противопоставление имело более этический, чем религиозный характер. Таким же оно оставалось у европейски образованных И. С. Тургенева и И. А. Гончарова. Однако у писателей почвеннической ориентации – у А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского – кроткий тип стал связываться с христианским человеком, которого они понимали как сердцевину народной культуры. Близким образом, с позиций своей философской квазирелигиозности, понимал дело и граф Лев Толстой. Но наличие охарактеризованной типологической пары внутри системы персонажей сохраняло устойчивость.

Устойчивость пушкинской типологической пары

Описанное противопоставление сохранилось в XX в., хотя и с пересмотром ценностных приоритетов, причем неоднократно. У Максима Горького с его серебряновековским ницшеанством цыганская тема недаром возникла уже в рассказе «Макар Чудра» [Урюпин 2023], а знакомая пара героев особенно выразительно представлена в рассказе «Челкаш». Челкаш и Гаврила – это гордый и кроткий типы, причем первый выразительно характеризуется как романтический маргинал, а второй – как носитель почвенного крестьянского сознания. Настоящий герой М. Горького, конечно, Челкаш, тогда как в Гавриле открываются самые низменные свойства характера: патологическая жадность, трусость, безволие. М. Горький, с большой долей вероятности, специально использовал в финале этого рассказа применительно к Гавриле раскольническую коллизию: *убить-то убил, а преступить не сумел*. Так типологическое сходство этих персонажей и переоценка М. Горьким самого кроткого, или «смирного», типа становятся наглядными.

А во второй половине XX в. та же типологическая пара претерпела новую переоценку в так называемой деревенской прозе. Начиная с «Матрёнина двора» А. И. Солженицына, продолжая героями В. И. Белова, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина, литература вновь стала утверждать в качестве приоритетного кроткий, или «смирный», тип [Ковтун 2022]. В нем, по контрасту с декларативным безбожием общего строя культуры, с неожиданной отчетливостью обнаружилась несомненная евангельская доминанта, хотя и не называемая открыто²². В целом литература 1950–1960-х гг. осуществила заметный поворот в сторону классических идеалов XIX в. в противовес авангардному пафосу первой половины столетия.

Заключение

Противопоставление гордого и кроткого типов героя появилось у А. С. Пушкина в самый момент прощания с романтизмом, в 1824 г. А. А. Григорьев был склонен видеть в качестве первого кроткого героя Ивана Петровича Белкина, однако сделанный нами обзор уводит в более ранний период. А. С. Пушкин

¹⁹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1949. Т. 11. С. 41.

²⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 5. С. 164.

²¹ Там же. С. 162.

²² Возможно, евангельский дух стал проникать в почвенную культуру именно в XX в., тогда как прежде массовое христианство было проникнуто скорее ветхозаветным духом нормативной морали.

противопоставил эти типы уже в «Цыганах». Притом кроткий тип дан у него в образах туземцев изображаемого мира, а гордый – в образе скитальца, явившегося из ниоткуда, из иного мира, из области запредельной и по большому счету немислимой, т. е. иррациональной. Следовательно, первоначальный тезис о генетической связи «хищного», в терминологии А. А. Григорьева, или «сильного», в терминологии П. В. Анненкова, типа с байронической личностью является верным. Не менее значимым в перспективе дальнейшего исследования русской литературы XIX и XX веков является и подтверждение сугубо почвенной природы «смирного», или «слабого», типа. Хотя в «Цыганах» А. С. Пушкин остроумно сделал носителями «смирного» взгляда на жизнь представителей кочевого цыганского племени, тем самым сохранив связь с романтической экзотикой. Эти наблюдения создают новизну проведенного исследования, в практическом плане они позволяют уточнить историко-литературные модели, используемые в образовании. В «Повестях Белкина», как показал А. А. Григорьев, «смирный» тип связывается с провинциальными российскими хронотопом и кругозором. Начиная с середины XIX в. русские писатели

стали настойчиво выделять в качестве доминанты этого кругозора христианскую составляющую. Можно сделать вывод о смещении трактовки «смирного» типа с этого времени в сторону христианской кротости.

Перспектива дальнейшего исследования связана с тем, что в литературе XX в. охарактеризованное типологическое противопоставление сохранилось и неоднократно подвергалось ценностному переосмыслению. Мы показали примеры диаметрально противоположных интерпретаций этой типологической пары у М. Горького и в деревенской прозе 1960–1970-х гг. Но эвристический потенциал предложенного угла зрения гораздо выше. Предположительно, он позволяет проинтегрировать в целом литературный процесс в России XX в.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Анненков П. В. Критические очерки. СПб.: РХГИ, 2000. 416 с. [Annenkov P. V. *Critical essays*. St. Petersburg: RCIH, 2000, 416. (In Russ.)]
- Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М.: Современник, 1984. 476 с. [Annenkov P. V. *Materials for the biography of A. S. Pushkin*. Moscow: Sovremennik, 1984, 476. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/unmwwf>
- Анненков П. В. Примечание ко второму отделу. In: Пушкин А. С. *Сочинения Пушкина, с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч.* СПб., 1855. Т. 3. С. 535–556. [Annenkov P. V. Note to Section II. In: Pushkin A. S. *The works of Pushkin, with appendices of materials for his biography, portrait, photographs of his handwriting, and his drawings, etc.* St. Petersburg, 1855, vol. 3, 535–556. (In Russ.)]
- Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 1. Статьи, рецензии и заметки: 1834–1836. М.: Худ. лит., 1976. 736 с. [Belinskiy V. G. *Collected works. Vol. 1. Articles, reviews, and notes: 1834–1836*. Moscow: Khud. lit., 1976, 736. (In Russ.)]
- Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб.: Акад. проект, 1994. 346 с. [Vatsuro V. E. *Commentator's notes*. St. Petersburg: Akad. proekt, 1994, 346. (In Russ.)]
- Вяземский П. А. О «Кавказском пленнике», повести соч. А. Пушкина. *Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827*, ред. В. Э. Вацуро. СПб.: ГПТЦ, 1996. С. 124–128. [Vyazemskiy P. A. "The Prisoner of the Caucasus" by A. Pushkin. *Pushkin in Lifetime Criticism: 1820–1827*, ed. Vatsuro V. E. St. Petersburg: SPTC, 1996, 124–128. (In Russ.)]
- Григорьев А. А. Литературная критика. М.: Худ. лит., 1967. 632 с. [Grigoriev A. A. *Literary criticism*. Moscow: Khud. lit., 1967, 632. (In Russ.)]
- Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Худ. лит., 1965. 356 с. [Gukovskiy G. A. *Pushkin and Russian romantics*. Moscow: Khud. lit., 1965, 356. (In Russ.)]
- Гуревич А. М. Динамика реализма (в русской литературе XIX в.). М.: ГИТИС, 1994. 88 с. [Gurevich A. M. *The dynamics of realism (in Russian literature of the 19th century)*. Moscow: GITIS, 1994, 88. (In Russ.)]
- Добролюбов Н. А. Избранные статьи. М.: Дет. лит., 1972. 320 с. [Dobrolyubov N. A. *Selected articles*. Moscow: Det. lit., 1972, 320. (In Russ.)]

- Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М.: Современник, 1988. 545 с. [Druzhinin A. V. *Beautiful and eternal*. Moscow: Sovremennik, 1988, 545. (In Russ.)]
- Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев – литературный критик. In: Григорьев А. А. *Литературная критика*. М.: Худ. лит., 1967. С. 3–39. [Egorov B. F. Apollon Grigoriev as a literary critic. In: Grigoriev A. A. *Literary criticism*. Moscow: Khud. lit., 1967, 3–39. (In Russ.)]
- Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 425 с. [Zhirmunskiy V. M. *Byron and Pushkin*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1978, 425. (In Russ.)]
- Журавлева А. Д. Как выглядит современный байронический герой? (На материале серии романов о Гарри Поттере Дж. Роулинг). *Горизонты гуманитарного знания*. 2022. № 4. С. 15–24. [Zhuravleva A. D. What does the contemporary Byronic hero look like? (Based on the series of novels about Harry Potter by J. K. Rowling). *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, 2022, (4): 15–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17805/ggz.2022.4.2>
- Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с. [Kasatkina T. A. *Dostoevsky's characterology. A Typology of emotional and value orientations*. Moscow: Nasledie, 1996, 336. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ziwrbb>
- Ковтун Н. В. Герои-мужчины в поисках мудрости (на материале прозы В. Распутина). *Сибирский филологический форум*. 2022. № 3. С. 4–18. [Kovtun N. V. Male heroes in search of wisdom (on the material of V. Rasputin's prose). *Siberian Philological Forum*, 2022, (3): 4–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-120>
- Корнилова Е. Н. Архетип «байронического героя» в литературе XIX века. *Проблемы исторической поэтики*. 2024. Т. 22. № 1. С. 72–95. [Kornilova E. N. The archetype "Byronic hero" in the literature of the 19th century. *Problemy Istoricheskoy Poetiki*, 2024, 22(1): 72–95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13362>
- Корнилова Е. Н. Готический злодей и байронический герой. *Проблемы исторической поэтики*. 2022. Т. 20. № 4. С. 90–111. [Kornilova E. N. Gothic villain and Byronic hero. *Problemy Istoricheskoy Poetiki*, 2022, 20(4): 90–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.11662>
- Лян Ц. Байронические мотивы в образе Раскольников. *Litera*. 2023. № 10. С. 189–198. [Liang Z. Byronic motives in the image of Raskolnikov. *Litera*, 2023, (10): 189–198. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.10.68858>
- Подосокорский Н. Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников – почитателей Наполеона. *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2022. № 2. С. 89–143. [Podosokorsky N. N. The religious element of the myth of Napoleon in the novel *Crime and Punishment*: The image of "Napoleon-prophet" and the mystic sects of Russian schismatics, worshippers of Napoleon. *Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, 2022, (2): 89–143. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143>
- Рассадин С. Б. Драматург Пушкин: Поэтика, идеи, эволюция. М.: Искусство, 1977. 360 с. [Rassadin S. B. *The playwright Pushkin: Poetics, ideas, and evolution*. Moscow: Iskusstvo, 1977, 360. (In Russ.)]
- Скатов Н. Н. Некрасов. М.: Молодая гвардия, 1994. 412 с. [Skatov N. N. *Nekrasov*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1994, 412. (In Russ.)]
- Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1 (1813–1824). М.-Л.: АН СССР, 1956. 743 с. [Tomashevskii B. V. *Pushkin. Book 1 (1813–1824)*. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1956, 743. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iuetfa>
- Тюпа В. И. Аналитика художественного. М.: Лабиринт, 2001. 192 с. [Tyupa V. I. *Artistic analytics*. Moscow: Labirint, 2001, 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrpkkd>
- Урюпин И. С. Пушкинские «Цыганы»: об одном сюжетном прецеденте в рассказах М. Горького и И. А. Бунина. *Сибирский филологический журнал*. 2023. № 2. С. 63–72. [Uryupin I. S. Pushkin's "The Gypsies": On a plot precedent in the stories of M. Gorky and I. A. Bunin. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2023, (2): 63–72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18137083/83/5>
- Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М.: Гослитиздат, 1962. 728 с. [Chukovskiy K. I. *Nekrasov's skill*. Moscow: Goslitizdat, 1962, 728. (In Russ.)]
- Шатин Ю. В. Русская литература в зеркале семиотики. М.: ЯСК, 2015. 344 с. [Shatin Yu. V. *Russian literature in the mirror of semiotics*. Moscow: IaSK, 2015, 344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcegab>
- Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. Л.: Худ. лит. Ленингр. отд-ние, 1986. 456 с. [Eikhenbaum B. M. *To prose. To poetry*. Leningrad: Khud. lit. Leningr. otd-nie, 1986, 456. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/mgvnbc>

Экранизации «Евгения Онегина»: утрата или трансформация поэтического кода А. С. Пушкина?

Рудакова Светлана Викторовна

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, Россия, Магнитогорск

eLibrary Author SPIN: 6878-5751

<https://orcid.org/0000-0001-8378-061X>

Scopus Author ID: 57191910141

rudakovamasu@mail.ru

Аннотация: Вопрос экранизации литературных произведений, особенно таких сложных с точки зрения поэтики, как роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», остается актуальной проблемой для исследователей кино и литературы. Известные экранизации «Евгения Онегина» (фильмы «Онегин» М. Файнс 1999 г. и «Онегин» 2024 г. С. Андреасяна) рассмотрены через призму сохранения и трансформации пушкинского поэтического кода. Цель – проанализировать, насколько кинематограф может сохранить ключевые особенности пушкинского текста (его иронию, лиризм, многослойность, уникальную метаповествовательную структуру и т.д.) в условиях визуального искусства, где изменяются как ритмика повествования, так и средства выражения эмоций. Это определяет актуальность и новизну исследования. Методология данной работы основывается на семиотическом подходе и включает использование сравнительного, культурно-семиотического, описательного и интертекстуального методов анализа, ориентирована на многослойное изучение трансформации пушкинского поэтического кода в условиях визуальной интерпретации. Особое внимание уделено таким аспектам, как сокращение и / или адаптация оригинальных текстов, трансформация образов ключевых персонажей (Онегина, Татьяны, Ленского), интерпретация пространства и времени романа в различных экранизациях. Доказано, что экранизация пушкинского романа 1999 г. М. Файнс представляет значимую попытку переноса классического произведения в киноформат. Но сосредоточенность на визуальной и драматической составляющих значительно упрощает поэтическую многослойность пушкинского произведения, влечет за собой серьезную трансформацию пушкинского поэтического кода. Экранизация же 2024 г. С. Андреасяна упрощает, адаптирует пушкинский текст под современное кино и представляет собой скорее иллюстрацию пушкинского сюжета.

Ключевые слова: «Евгений Онегин», экранизация, М. Файнс, С. Андреасян, пушкинский код

Цитирование: Рудакова С. В. Экранизации «Евгения Онегина»: утрата или трансформация поэтического кода А. С. Пушкина? *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 128–137. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-128-137>

Поступила в редакцию 04.11.2024. Принята после рецензирования 23.12.2024. Принята в печать 23.12.2024.

full article

Eugene Onegin Film Adaptations: The Loss or Transformation of Alexander Pushkin's Poetic Code?

Svetlana V. Rudakova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia, Magnitogorsk

eLibrary Author SPIN: 6878-5751

<https://orcid.org/0000-0001-8378-061X>

Scopus Author ID: 57191910141

rudakovamasu@mail.ru

Abstract: Screen adaptations remain a relevant issue for both cinema and literary studies, especially those of such complex works as Alexander Pushkin's novel in verse *Eugene Onegin*. The article compares the versions by Martha Fiennes (1999) and Sarik Andreasyan (2024) from the perspective of Pushkin's poetic code. Cinematic interpretations

inevitably transform the irony, lyricism, multilayered structure, and unique metanarrative of Pushkin's text because films have a different narrative pace and expressive means. The author used the semiotic approach, as well as comparative, cultural-semiotic, descriptive, and intertextual methods, to study the transformation of Pushkin's poetic code on different levels in the context of its visual interpretations. The analysis concentrated on such aspects as the reduction and / or adaptation of the original text, the image transformation of the main characters, and the visual interpretation of the original chronotope. M. Fiennes' version is a significant attempt to transpose a classic work into a cinematic format. However, its focus on the visual and dramatic elements simplifies the poetic complexity of the original, resulting in a profound modification of Pushkin's poetic code. S. Andreasyan's version simplifies and adapts the text to suit contemporary cinema: as a result, the film becomes an illustration to the plot that fails to render the deeper poetic layers.

Keywords: Eugene Onegin, film adaptation, Martha Fiennes, Sarik Andreasyan, Pushkin's code

Citation: Rudakova S. V. Eugene Onegin Film Adaptations: The Loss or Transformation of Alexander Pushkin's Poetic Code? *SibScript*, 2025, 27(1): 128–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-128-137>

Received 4 Nov 2024. Accepted after peer review 23 Dec 2024. Accepted for publication 23 Dec 2024.

Введение

Термин *литературный код* был введен в науку постструктуралистами. Р. Барт, размышляя о сути кодирования в литературе, приходит к выводу, что кодом можно назвать «ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре», определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного; код есть «конкретная форма» этого «уже», конституирующего всякое письмо [Барт 1989: 455–456]. Литературный код составляет основу смысловой ткани культурно значимых текстов, реализуется в структуре символов, образов и мотивов, которые перерабатываются более поздними произведениями и формируют след в сознании того, кто приобщен к культуре. Поскольку код подразумевает «наличие репертуара символов» [Эко 1998: 43], которые его репрезентируют в различных семиотических пространствах, его носителями зачастую выступают реализации интертекстуальных приемов – цитаты, реминисценции, аллюзии и другие формы текстовых отсылок.

Поэтический код – это набор языковых и культурных приемов, символов и структур, формирующих особую семантическую систему, в которой функционирует поэтическое произведение. Поэтический код, по сути, определяет, как текст передает свое содержание и эмоционально воздействует на читателя благодаря использованным в нем особенностям формы (ритм, рифма, метафоры, синтаксические конструкции и т. д.), интертекста, отсылающего к культурным и историческим контекстам.

Под пушкинским кодом (мы согласны с А. А. Пономаревой, заметившей, что до сих пор «код "Евгения Онегина»

не выявлен и системно не описан в литературоведении» [Пономарева 2015: 99], наша работа – попытка внести большую определенность и конкретность в осмысление этого вопроса), когда мы изучаем сам роман «Евгений Онегин» и его экранизацию, подразумеваем сложную совокупность различных составляющих – культурных, литературных и философских символов и отсылок, которые присутствуют в тексте, образующих многоуровневую систему.

Одна из важных составляющих пушкинского кода – определенная система отсылок к предыдущим произведениям мировой литературы и культуры, присутствующим в «Евгении Онегине». В пушкинском романе это проявляется, в частности, через аллюзии на произведения Дж. Байрона, Ж.-Ж. Руссо, У. Шекспира, Ф. Шиллера и других авторов (этот аспект пушкинского произведения уже исследован [Козаровецкий 2021: 87–368; Лотман 1995; Набоков 1998: 86–674; Онегинская энциклопедия 1999; 2004]). Так, главного героя романа Дж. Байрона «Чайльд Гарольд» можно рассматривать как своего рода литературного предшественника образа Онегина, молодого человека с байронической тоской. Создаваемая А. С. Пушкиным система отсылок вплетается в его произведение и становится одним из тех «ключей», который читатель использует для более глубокого понимания и интерпретации изучаемого текста. А. С. Пушкин обращается не только к западноевропейским аллюзиям, но и к русской традиции, создавая тем самым полифоническое пространство своего романа. Подобная интертекстуальность определяет философскую глубину его произведения.

«Евгений Онегин» – не просто роман, еще в 1823 г. (4 ноября) в письме к П. А. Вяземскому А. С. Пушкин заметил: «я теперь пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница» (XX, с. 57). В этом произведении А. С. Пушкин будто «играет» с различными жанрами, сознательно нарушает и переосмысляет жанровые нормы, используя элементы и эпоса, и романа, и многих жанров лирики. Это создает ощущение открытости текста, что также становится важной частью пушкинского кода. В своей работе «Комментарий к роману "Евгений Онегин"» Ю. М. Лотман отмечает, что А. С. Пушкин использует элементы разных жанров для создания ироничного взгляда на романную традицию [Лотман 1995: 411–433], а Т. Попович, продолжая мысли известного исследователя, подчеркивает, что «Евгений Онегина» – «роман, пародирующий сам себя» [Попович 2019: 239]; В. Н. Турбин, анализируя поэтику пушкинского романа, утверждает, что в ее основе – «выявление самых разнообразных жанров, как бы высвобождение их, их столкновение, соразмерение» [Турбин 1996: 14]. Таким образом, А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» одновременно и следует канонам романа, и выходит за их пределы, создавая новое живое литературное пространство.

Важным элементом пушкинского кода является и использование системы культурных, литературных и философских образов, символов. Например, сам образ Онегина, открывающий плеяду лишних людей в русской литературе, это и тип странного человека, зараженного эпохальной болезнью «преждевременной старости души». Онегин не находит себя ни в светском обществе, ни в частной жизни, он «пребывает в ситуации внутреннего кризиса, тупика» [Юхнова 2013: 181]. Это делает его не только выразительным художественным образом, но и символом подобного типа людей, рожденных русской жизнью начала 1820-х гг.

А. С. Пушкин в своем романе представляет читателям сложные характеры героев, становящиеся знаковыми фигурами в русской культуре. Это не только Онегин, переживающий глубокий внутренний кризис; осознание состояния этого героя помогает разобраться в феномене русской хандры. Значимы и образ Татьяны – внутренне цельной героини с русской душой, которая, как отмечает автор, *по-русски плохо знала*¹ (V, с. 58), и образ романтика поэта Ленского, не сумевшего увидеть и понять душу юной Ольги, о которой уже после первой встречи иронично

отзывается Онегин: *Я выбрал бы другую, / Когда б я был, как ты, поэт. / В чертах у Ольги жизни нет. <...> Кругла, красна лицом она, / Как эта глупая луна / На этом глупом небосклоне* (V, с. 50). Интересен и образ Ольги, охарактеризованной в романе как *кокетка, ветреный ребенок* (V, с. 102).

Пушкинский поэтический код включает и специфическую символику природы и пространства. Пейзажи в романе А. С. Пушкина имеют и описательную функцию, и символическую: например, природа часто отражает эмоциональные состояния героев, а русская деревня становится метафорой гармонии, утраченной героем.

Роман «Евгений Онегин» показывает сложные взаимоотношения между личностью и обществом, индивидуальными стремлениями и общественными ожиданиями. Социальная ирония, критика аристократического общества, изображение противоречий между городом и деревней – все это, отражающее авторский взгляд на социокультурные процессы первой четверти XIX в., можно рассматривать как элементы пушкинского кода.

Рассказчик в романе – одна из значимых составляющих пушкинского кода. Его образ нельзя напрямую отождествить с самим А. С. Пушкиным, но именно рассказчик играет важную роль в создании иронического, лирического, философского и других подтекстов романа. Рассказчик осознает собственное авторство и постоянно рефлексировать по поводу создаваемого текста и представленного в нем мира героев и событий, что формирует ощущение двойного прочтения романа – как истории и как ее осмысления самим автором. Многие исследователи отмечали, что в этом аспекте А. С. Пушкин предвосхищает постмодернизм, создавая игру между автором, текстом и читателем [Бахмутский 1999; Руднев 2000: 195; Спиваковский 2010; Эпштейн 1996].

Через отношения героев к русским традициям, природе и обществу А. С. Пушкин выводит читателя на вопросы о русской идентичности и о ее месте в мировой культуре, что также формирует неповторимый пушкинский код. Противопоставление столичного и деревенского (провинциального) образов жизни отражает и более широкие размышления А. С. Пушкина о том, как российская культура взаимодействует с европейской.

По сути, поэтический код в романе «Евгений Онегин» – многослойная и сложная система культурных и литературных отсылок, аллюзий, иронии,

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Далее по тексту цитаты приведены в круглых скобках с указанием тома и страницы по данному изданию.

символов, социальной критики, художественных и культурных приемов, специфический набор образов, тем, мифологем, созданных и кодифицированных А. С. Пушкиным, представляющих его художественный мир и ставших знаковыми для русской литературы. В этом коде выражаются пушкинские идеалы свободы, любви, осмысление классических сюжетов и архетипов, понимание трагизма и комизма. Пушкинский текст формирует особую систему восприятия, при которой определенные образы, слова и мотивы приобретают глубокую символическую значимость. Например, образ дуэли или бегства героя от общества становятся частью культурного кода, который не только определяет специфику пушкинского творчества, но и позволяет понять более широкие культурные архетипы и темы в русской литературе.

Вопрос экранизации литературных произведений остается актуальной проблемой для исследователей кино и литературы [Белов и др. 2021; Красавина 2007; Назарычева, Скворцова 2019; Некрасова 2021; Плеханова 2024; Симбирцева 2013; Скворцова 2022; Эйхенбаум 2001]. Цель – проанализировать, насколько кинематограф может сохранить ключевые особенности пушкинского текста в условиях визуального искусства.

Методы и материалы

Методология данной работы определяется использованием семиотического подхода и сравнительного, культурно-семиотического, описательного, интертекстуального методов анализа, направленных на изучение трансформации поэтического кода А. С. Пушкина в кинематографических интерпретациях. Материалом стали тексты А. С. Пушкина из его полного собрания сочинений, а также киноадаптации пушкинского романа «Евгений Онегин»:

- «Евгений Онегин»², фильм-опера 1958 г., режиссер – Р. Тихомиров, сценаристы – А. Ивановский, Р. Тихомиров; Татьяна – А. Шенгелая (вокал – Г. Вишневская), Ольга – С. Немоляева (вокал – Л. Авдеева);
- «Евгений Онегин»³, фильм-опера 1988 г., режиссер – П. Вейгл, сценарист – К. Шиловский; Онегин –

М. Дочоломанский (вокал – В. Weiki), Татьяна – М. Вашариова (вокал – Т. Кубиак);

- «Онегин»⁴, фильм 1999 г., режиссер – М. Файнс, сценарист – П. Эттедги, М. Г. Игнатъев; композитор – Магнус Файнс; Онегин – Р. Файнс, Ленский – Т. Стивенс, Татьяна – Л. Тайлор, Ольга – Л. Хиди;
- «Онегин»⁵, фильм 2024 г., режиссер – С. Андреасян, сценарист – А. Гравицкий; композитор Г. Жеряков; Е. Онегин – В. Добронравов, Татьяна – Е. Моряк, рассказчик – В. Вдовиченков, Ольга – Т. Сабинова.

Результаты

В настоящий момент известно 5 экранизаций романа «Евгений Онегин»: немой фильм 1911 г. режиссера Василия Гончарова; советский фильм-опера «Евгений Онегин» 1958 г. режиссера Романа Тихомирова; фильм-опера 1988 г., снятый международной командой из Германии (ФРГ), Чехословакии, Франции, Великобритании, Австрии во главе с режиссером Петром Вейглом; британо-американский фильм «Онегин» 1999 г. режиссера Марты Файнс; российский фильм «Онегин» 2024 г. Сарика Андреасяна.

К сожалению, первая киноверсия «Евгения Онегина» (1911) сохранилась не в полном объеме; интересная характеристика этого фильма предложена Е. Е. Проциным [Процин 2013]. В фильмах-операх (1958; 1988) основное внимание уделяется не столько воссозданию пушкинского мира, сколько реализации замысла оперы П. И. Чайковского [Корчевская 2024b: 32–33]. Режиссеры используют музыку П. И. Чайковского как основной художественный код. Театрализованная постановка и акцент на романтических и драматических элементах нивелируют и пушкинскую иронию, и пушкинскую символику, все внимание акцентируется на эмоциональных переживаниях героев. Пушкинская игра и ирония здесь исчезают, уступая место музыкальной мелодраме, свойственной опере, что создает определенную дистанцию между зрителем и героями А. С. Пушкина.

Если не брать во внимание моменты буквального прочтения пушкинских строк, а обратиться к центральным пушкинским образам, то можно увидеть, насколько близки были авторы экранизаций пушкинскому

² «Евгений Онегин», фильм-опера 1958 г. (реж. Р. Тихомиров, сцен. А. Ивановский, Р. Тихомиров). URL: https://vk.com/video-37492055_171934403 (дата обращения: 20.08.2024).

³ «Евгений Онегин», фильм-опера 1988 г. (реж. П. Вейгл). URL: https://yandex.ru/video/movies/entity?onto_id=kin0276667 (дата обращения: 19.08.2024).

⁴ «Онегин», фильм 1999 г. (реж. М. Файнс). URL: https://vk.com/video385440093_456239555?ref_domain=yastatic.net (дата обращения: 10.08.2024).

⁵ «Онегин», фильм 2024 г. (реж. С. Андреасян). URL: <https://okko.tv/movie/onegin> (дата обращения: 28.08.2024).

духу, как угадываются пушкинские характеры в созданных кинообразах. Однако несмотря на выразительную визуальную составляющую – балы, дворянские усадьбы и русские ландшафты начала XIX в., музыкально звучащее пушкинское слово, фильмы-оперы (1958; 1988) во многом выглядят театрализованными и академичными, что, с одной стороны, подчеркивает их верность оригиналу, а с другой – делает их сухими по меркам киноязыка.

Первая состоявшаяся попытка перевода поэтического языка пушкинского романа «Евгений Онегин» на язык киноискусства – фильм «Онегин» Марты Файнс 1999 г., в котором главные роли исполнили Рэйф Файнс (Евгений Онегин) и Лив Тайлер (Татьяна Ларина).

Режиссер вместе со сценаристами решает не просто перевести русский роман на английский язык для европейского зрителя, но перевести на язык прозы. И в этом нам видится своя логика. Ведь ритм кино и ритм поэзии – разные категории. Как верно заметил Андрей Тарковский, поэтический ритм возникает из структуры языка, тогда как киноязык опирается на ритм времени, на движение внутри кадра [Tarkovsky 1986: 113–120]. А потому, чтобы увлечь и удержать внимание зрителя, текст на экране должен звучать иначе. Поэтому такая трансформация – из поэзии в прозу – оказывается в чем-то оправдана. Этим путем пойдет и российский режиссер С. Андреасян, предложив зрителям прозаическую версию «Онегина» в 2024 г.

Марта Файнс, известная своим чувственным и визуально богатым стилем, взялась за экранизацию «Евгения Онегина» с амбициозной целью – сделать это пушкинское произведение доступным и понятным для зрителей за пределами России, а именно адаптировать роман «Евгений Онегин» для англоязычной аудитории. В своем фильме она попыталась соединить традиции русской классической литературы с современными кинотехнологиями. Ее режиссерская работа отличается тщательной проработкой визуальной стороны создаваемых образов, что создает особую атмосферу кинокартины.

В фильме 1999 г., как и в фильме 2024 г., появляется множество эпизодов с природными ландшафтами, блестящими интерьерами театров, усадеб и русских дворянских домов. Но представлены они будут по-разному. М. Файнс будто заставляет смотреть на все это глазами Онегина – все скучно, даже природный простор зимней дороги навеивает тоску. В фильме появляется балерина на сцене (угадывается переосмысленная отсылка к образу балерины Истоминой, восхищенно описанной автором в романе), но представлена она

на экране манерно, показана скорее с язвительной иронией, чем с долей восторга. И мы понимаем – так смотрит на нее, как и на всё, с ней связанное, Онегин.

Подобный эпизод – с Истоминой, но совсем в ином плане, представлен и в фильме 2024 г. Чувствуется грация, красота движений балерины, театр похож на театр, но чье это описание, кто так смотрит на это, с каким героем соотнесено – неясно. Как и неясна подоплека выбора природных ландшафтов, блестящих интерьеров в кинокартине 2024 г. (в фильме мы видим Гатчинский дворец, музей-усадьбу «Петровское» на территории музея-заповедника «Михайловское» и мн. др.). Все эти роскошные виды связаны с эпохой начала XIX в. Но какова их связь с героями именно пушкинского романа, с их историей, положением в обществе, материальным достатком и прочее? Всё это оказалось совсем не учтено командой проекта.

Одной из главных черт пушкинского «Евгения Онегина» является присутствие авторского голоса, который не только комментирует действия героев, но и создает уникальный эмоциональный тон произведения, выражает ироническое отношение к персонажам и ситуациям, передает свое отношение к тому, о чем рассказывает, а также делится с читателем своими размышлениями. В фильме М. Файнс этот ключевой аспект текста практически полностью исчезает. Нет в этой киноверсии эквивалента пушкинскому голосу автора, что приводит к утрате одной из важнейших составляющих оригинала – игры с читателем и той самоиронии, которая пронизывает роман. Фильм 1999 г. фокусирует внимание зрителя на визуальном представлении событий и эмоций, что значительно упрощает и выстраивает линейное повествование.

Режиссер отказывается от использования голоса за кадром, который мог бы выполнять функции пушкинского рассказчика. Это приводит к тому, что события развиваются без той метафорической многослойности, которая присутствует в оригинале. Например, знаменитая первая глава, где автор знакомит читателя с Онегиным и делает множество отступлений в сторону, в фильме сводится к визуальному представлению главных событий: прибытию Онегина в деревню и его встречи с Ленским. В результате теряется не только тонкая авторская ирония, но исчезают те философские размышления, которые, по сути, превращают роман в стихи в произведение высокой литературной культуры. Пушкинский текст оказывается редуцирован до последовательности событий, лишенной особого лирического оттенка.

Если обратиться к фильму 2024 г., то здесь буквально уже в самых первых сценах перед нами предстает фигура рассказчика (его играет В. Вдовиченков), этот герой появляется рядом с другими персонажами в самых разных эпизодах; он видим для зрителя, но не воспринимаем остальными участниками событий. Рассказчик произносит пушкинский текст, но выборка слов для озвучивания такова, что складывается однозначное ощущение, что из всех многочисленных функций Автора в романе А. С. Пушкина создатели фильма оставили лишь одну: их герой (рассказчик) – лишь нарратор; ироничность, лиричность, философичность ему оказываются несвойственны. Поэтому можно сказать, что эта составляющая пушкинского кода в фильме С. Андреасяна почти не реализовалась.

Принципиально важны для мира пушкинского романа его герои – Онегин, Татьяна, Ленский и Ольга. В двух киноэкранизациях эти герои предстают по-разному.

Онегин в изображении Рейфа Файнса, безусловно, обладает рефлексией, отличающей пушкинского героя, он ироничен, порой чрезмерно, он циничен, что проявляется в начале фильма, когда он едет к дяде и ведет свой монолог, но в нем становится очевидна разница – между экранным Онегиным и пушкинским. Желая подчеркнуть демонизм Онегина, авторы вложили в его уста такие фразы: *Когда же черт его возьмет... А когда он придет за мной? Когда же черт возьмет меня?* Герой-повеса, способный и на ироничные, и циничные, и ханжеские замечания у А. С. Пушкина, но при этом отличающийся широкими взглядами, образованный, свободно ориентирующийся в литературных и культурных событиях современной жизни, в фильме предстает несколько площе. Кроме того, через серию первых сцен в диалогах со слугой красной нитью проходит тема стесненных жизненных обстоятельств. Это в фильме неоднократно подчеркивает и слуга Онегина: *Это может поправить Ваше состояние* (так герой говорит о необходимости поездки к дяде). Да, согласимся, А. С. Пушкин внимательному читателю сообщает, что отец Онегина *давал три бала ежегодно и промотался наконец* (V, с. 9). Онегина это не останавливает, будучи наследником *всех своих родных* (V, с. 8), он живет на широкую ногу, легко тратит деньги, он живет в долг, но его это не тяготит. В фильме же 1999 г. Онегин представлен человеком, для которого характерен практицизм и мощное собственническое начало (странно обыграна даже первая встреча с Ленским – это происходит во время охоты Ленского в угодах Онегина, что подчеркнул с неудовольствием Онегин

при их знакомстве; и, пригласив к себе нового приятеля, заметил: *Захватите ваши трофеи, то есть мои*).

Таких трансформаций, расхождений с пушкинским текстом немало, но дух Онегина – его разочарованность, ироничность, усталость от жизни и общества – уловлен верно, этому герою веришь. Именно о таком восприятии Онегина британским режиссером, которым в герое подчеркнута русская хандра, разочарованность и романтическая отстраненность, пишут исследователи [Ибатуллина 2015; Клех 2007; Корчевская 2024а]. Согласимся с Г. М. Ибатуллиной, заметившей, что фильм «строится на основе системы культурологических кодов, пронизан поэтикой рефлексий в разных ее выражениях... что позволяет воплотить на экране "энциклопедию русской души"» [Ибатуллина 2015: 16]. Этого не увидела Е. А. Чугунова, восприняв некоторую лубочность и отдельные анахронизмы (в частности, касающиеся музыки), необходимые режиссеру, чтобы вызвать у далекой от русской культуры публики необходимые ассоциации, как демонстрацию штампов в стиле «ля рюс» [Чугунова 2011]. Стоит, однако, подчеркнуть, что ряд исследователей, анализируя эту экранизацию, обращали внимание прежде всего на грубые ошибки, связанные с неточностью воссоздания пушкинской эпохи – на уровне бытовых визуальных деталей, музыкальных образов, диалогов и т. д. [Прошин 2013; Федосеенко 2013].

Если посмотреть на киноверсию 2024 г., то образ Онегина в нем оказывается максимально далеким от пушкинского. И дело не только в возрасте: как ни пытайся, увидеть в образе, созданном В. Добронравовым, молодого повесу, не получается. Онегин в пушкинском романе – молодой циник, который разочаровался в жизни, не успев по-настоящему ее узнать, что подчеркивает ироническое отношение автора к его судьбе. Однако в фильме, где В. Добронравову около сорока лет, этот персонаж уже не кажется молодым человеком, который «разочаровался преждевременно». Вместо этого Онегин воспринимается скорее как человек, который прошел через реальные жизненные трудности, за спиной которого уже определенная серьезная часть жизни; все это ослабляет пушкинскую иронию и делает экранный образ совсем иным, не пушкинским.

Помимо этого, обнаруживается множество других неточностей и даже несообразностей. Так, желая расшифровать для зрителя, что же скрывается за такой характеристикой Онегина: *Но в чем он истинный был гений, / Что знал он тверже всех наук, <...> / Была наука*

страсти нежной (V, с. 11), – авторы фильма заставили своего героя нарушить все мыслимые и немыслимые правила приличия (которые, заметим, соблюдал даже аморальный герой Л. Н. Толстого из романа «Война и мир» Анатолий Курагин) – Онегин в театре на глазах публики без приглашения, без представления заходит в ложу к одинокой барышне, шепчет, не скрываясь ни от кого, что-то ей на ушко и целует руку. Экранный Онегин практически ничего общего с пушкинским не имеет. Его действия не соотносятся с тем, что он говорит и как выглядит. Несколько нелепо выглядит даже его прогулка в Петербурге по торговым базарным рядам (эта сцена одна из первых в фильме). Подобных странностей не счесть. О них, например, в своей работе размышляет О. В. Корчевская [Корчевская 2024а].

Значим для пушкинского романа и образ Татьяны. В фильме М. Файнс он создан неоднозначно. Авторам удалось передать эмоциональность, увлеченность миром литературы этой героини, скрытый жар ее души. Но в ряде сцен нарушается пушкинская идеализация этой героини, создатели фильма показали ее несобранной, не знающей правил этикета. Особенно выразительно это в сцене, когда Татьяна пишет письмо, мы видим, как она неряшлива. Пушкинская поэзия, особенно в описаниях природы, тесно связана с внутренним миром героев. Например, в романе эпизод, когда Татьяна пишет письмо Онегину, насыщен поэтическими образами, передающими ее душевное состояние через метафоры природы. В фильме же эта сцена лишена тонкой поэтической символики: камера просто фиксирует действия героини, передавая ее страсть через акт письма и эмоциональное выражение актрисы. При этом исчезает богатство образов, связывающих внутреннее и внешнее, что является ключевым для пушкинской поэтики.

В финальной встрече Онегина и Татьяны в фильме также ощущается утрата поэтического кода оригинала. Пушкинский текст наполнен трагической иронией и философскими размышлениями о судьбе и неразделенной любви, которые подаются через сложные синтаксические конструкции и эмоционально насыщенные метафоры. В экранизации М. Файнс финал представляет собой прямолинейную драматическую сцену, где акцент сделан на диалоге и актерской игре, при этом теряется философская глубина пушкинского финала. Татьяна выглядит жертвой обстоятельств, вынужденная смириться с ними, в ней не чувствуются внутренняя сила, осознанный выбор жизненного пути, что было свойственно пушкинской

героине. Поэтическое пространство оригинала здесь заменяется реалистичной эмоциональной сценой, лишенной литературной многослойности.

В фильме сцена дуэли между Онегиным и Ленским представлена с изменениями в деталях и акцентировании. А. С. Пушкин описывает дуэль как результат сложных социальных и личных конфликтов, в то время как в фильме акцент смещен на визуальное и эмоциональное воздействие (дуэль происходит на берегу реки, на фоне тумана, который будто обволакивает всё вокруг, оператор фиксирует внимание зрителя на выстреле Онегина и гибели Ленского, это на экране представлено зрелищно, по-голливудски; при этом в фильме первый выстрел с ожесточением на лице делает именно Ленский). Это упрощение лишает сцену части ее глубины и символизма.

В фильме М. Файнс старается максимально сохранить атмосферу оригинала, при этом внося необходимые изменения для кинематографического восприятия. Визуальные элементы и музыкальное сопровождение создают ощущение времени и места, соответствующее пушкинской эпохе. Однако, как уже отмечалось, есть несколько ключевых моментов, в которых фильм отходит от текста оригинала. М. Файнс уделяет большое внимание эмоциональным переживаниям персонажей, особенно Онегина и Татьяны, часто используя крупные планы и выразительные музыкальные сопровождения, чтобы передать их внутренние конфликты. Это делает их образы психологически более глубокими, но отчасти смещает акцент с социальных и философских аспектов, присущих оригиналу.

Экранизация «Онегина» 2024 г. режиссера С. Андреа-сына вызывает сложные вопросы по поводу передачи пушкинского поэтического кода. В этом фильме мы видим значительные трансформации, которые изменяют восприятие оригинального текста. Ключевые моменты, где теряется пушкинский код, включают адаптацию поэтического языка в прозу и изменение тональности произведения. Важный аспект касается и изменений в характере героев. Например, возрастные изменения актеров, играющих Онегина и Ленского, изменяют их динамику и восприятие. В. Добронравов (Онегин) и Д. Прытков (Ленский) выглядят значительно старше своих литературных персонажей, что вызывает ощущение диссонанса между визуальным образом и внутренней драмой молодых героев. Этот возрастной сдвиг влияет и на взаимодействие персонажей. Татьяна, в оригинале представленная как юная девушка, тоже показана в фильме как более зрелая женщина. Это усложняет восприятие ее наивности

и страстности, т. к. зрителю трудно ассоциировать эти черты с более зрелой героиней. Таким образом, возрастная трансформация героев «Евгения Онегина» в фильме нарушает пушкинский поэтический код, т. к. важные элементы юношеского максимализма, неуверенности и романтических идеалов героев А. С. Пушкина оказываются значительно ослаблены.

Еще одной значимой переменной в фильме С. Андреасяна является акцент на визуальные образы и кинематографические эффекты, что, с одной стороны, усиливает атмосферу, но с другой – упрощает символику оригинала. Например, А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» мастерски использует природу и пейзаж для отражения внутреннего состояния персонажей, что делает эти образы важной частью поэтического кода произведения. Зимние сцены, поля, усадьбы – всё это становится не просто фоном, а метафорой для эмоциональных изменений героев. В фильме воспроизводятся эти визуальные образы, фиксируется внимание к деталям, но все эти пейзажи часто остаются лишь красивым фоном, не имея ни глубины, ни символической нагрузки. Включение дополнительных эпизодов, таких как сны героев в стиле фолк-хоррора, также нарушает оригинальный строй произведения. Эти сцены воспринимаются как вставные, неорганично дополняющие фильм, и теряют связь с пушкинским текстом.

Заключение

Экранизация романа в стихах А. С. Пушкина «Онегин» 1999 г. режиссера Марты Файнс представляет собой значимую попытку интерпретации классического литературного произведения средствами киноискусства. Однако, как и в любой адаптации, переход от одной медиальной системы (литературной) к другой (кинематографической) приводит к серьезной трансформации оригинального кода текста. В случае с произведением А. С. Пушкина это особенно заметно на уровне

трансформации и иногда утраты пушкинского поэтического кода – той особой художественной системы, которая строится на синтезе содержания и формы, стилистических особенностях, ритме и образной системе. Экранизация демонстрирует, как литературная форма теряет свою специфическую поэтичность в пользу визуального языка кино, при этом предлагая новую трактовку образов, характеров и событий. Основные аспекты утраты включают исчезновение авторского голоса, ритмической и музыкальной составляющих текста, а также редукцию метафорической и образной глубины. Кинематографический язык, фокусируясь на визуальном представлении и драматизме, неизбежно упрощает и редуцирует поэтическую многослойность пушкинского текста, что превращает фильм в самостоятельное произведение, лишь отдаленно связанное с оригиналом.

Экранизация романа «Евгений Онегин» в фильме 2024 г. режиссера Сарика Андреасяна демонстрирует существенные изменения по сравнению с оригинальным текстом А. С. Пушкина. В фильме мы наблюдаем, как поэтический код А. С. Пушкина трансформируется в направлении упрощения и адаптации под современную кинематографическую реальность, в угоду кинематографической выразительности и восприятию современного зрителя, при этом трансформируется настолько, что по итогу утрачивается. Экранизация С. Андреасяна представляет собой скорее иллюстрацию пушкинского сюжета, чем адаптацию поэтической структуры, языка романа А. С. Пушкина.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с. [Barthes R. *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress, 1989, 616. (In Russ.)]
- Бахмутский В. Я. «Евгений Онегин» и постмодернизм. *Тайны пушкинского слова*, сост. А. Р. Романенко. М.: Моск. дет. фонд; Континент-Пресс, 1999. С. 57–76. [Bakhmutsky V. Ya. Eugene Onegin and postmodernism. *The secrets of Pushkin's word*, comp. Romanenko A. R. Moscow: Mosk. det. fond; Kontinent-Press, 1999, 57–76. (In Russ.)]
- Белов И. И., Дарчук М. Б., Каргаполова Е. В. Экранизация литературной классики как форма сохранения культурного наследия. *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития*: XIV Белорусско-Росс. науч. семинар-конф. (Москва, 24–25 ноября 2021 г.) М.: Наука, 2021. С. 49–54. [Belov I. I., Darchuk M. B., Kargapolova E. V. A screen adaptation of literary classics as a form of cultural heritage

- preservation. *Modern problems of book culture: Main tendencies and prospects*: Proc. XIV Belarusian-Russian Sci. Seminar-Conf., Moscow, 24–25 Nov 2021. Moscow: Nauka, 2021, 49–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/isgwyu>
- Ибатуллина Г. М. «Onegin» как «Энциклопедия русской души», или Пушкин из «Зазеркалья». *Филологический класс*. 2015. № 4. С. 12–17. [Ibatullina G. M. "Onegin" as "Encyclopedia of the Russian soul" or Pushkin "Through the looking glass". *Philological Class*, 2015, (4): 12–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtkjq1>
- Клех И. Ю. «Евгений Онегин» и просто «Онегин». *Новый мир*. 2007. № 4. [Klekh I. Yu. Eugene Onegin vs. just Onegin. *Novyi mir*, 2007, (4). (In Russ.)] URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2007/4/evgenij-onegin-i-prosto-onegin.html (accessed 30 Aug 2024).
- Козаровецкий В. А. Новый комментарий к «Евгению Онегину». М.: Новый хронограф, 2021. 408 с. [Kozarovetsky V. A. *New commentary on Eugene Onegin*. Moscow: Novyi Khronograf, 2021, 408. (In Russ.)]
- Корчевская О. В. «Блеск и нищета» «Онегина»: о фильме С. Андреасяна и А. Гравицкого, 2024. *Гуманитарная парадигма*. 2024а. № 2. С. 6–29. [Korchevskaya O. V. "Onegin's" "shine and poverty": About the film by S. Andreasyan and A. Gravitsky, 2024. *Gumanitarnaia paradigma*, 2024a, (2): 6–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ambcsw>
- Корчевская О. В. Проблема «русскости» и образ России в современных сценических и кинематографических интерпретациях романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». *Гуманитарная парадигма*. 2024б. № 2. С. 30–53. [Korchevskaya O. V. The problem of "Russianity" and the image of Russia in contemporary stage and cinematographic interpretations of A. S. Pushkin's novel in verse "Eugene Onegin". *Gumanitarnaia paradigma*, 2024b, (2): 30–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fdyqal>
- Красавина А. В. Литература и кино: проблема перевода. *Медиасреда*. 2007. № 2. С. 105–110. [Krasavina A. V. Literature and cinema: the problem of translation. *Mediasreda*, 2007, (2): 105–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whjgfv>
- Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя. In: Лотман Ю. М. *Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; Евгений Онегин: Комментарий*. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 472–762. [Lotman Yu. M. Pushkin's novel Eugene Onegin: Commentary for a Teacher's Manual. In: Lotman Yu. M. *Pushkin: Biography of the writer; Articles and notes, 1960–1990; Eugene Onegin: Commentary*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 1995, 472–762. (In Russ.)]
- Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПб, 1998. 927 с. [Nabokov V. V. *Commentary on the novel A. S. C. Pushkin's novel Eugene Onegin*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 1998, 927. (In Russ.)]
- Назарычева А. И., Скворцова М. Л. Межкультурные аспекты экранизации литературной классики. *Libri Magistri*. 2019. № 4. С. 83–90. [Nazarycheva A. I., Skvortsova M. L. Intercultural aspects of film adaptation of literary classics. *Libri Magistri*, 2019, (4): 83–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fcmoer>
- Некрасова И. В. «Коды» русской классики и их восприятие современной культурой и литературой. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. 2021. Т. 23. № 79-1. С. 102–109. [Nekrasova I. V. "Codes" of the Russian classic and their perception of modern culture and literature. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences*, 2021, 23(79-1): 102–109. (In Russ.)] [https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-79\(1\)-102-109](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-102-109)
- Онегинская энциклопедия, общ. ред. Н. И. Михайлова. М.: Русский путь, 1999. Т. 1: А–К. 576 с. [Onegin Encyclopedia, ed. Mikhaylova N. I. Moscow: Russkii put, 1999, vol. 1: A–K, 576. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vupcyh>
- Онегинская энциклопедия, общ. ред. Н. И. Михайлова. М.: Русский путь, 2004. Т. 1: Л–Я. 804 с. [Onegin Encyclopedia, ed. Mikhaylova N. I. Moscow: Russkii put, 2004, vol. 2: L–Ya, 804. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vupeuj>
- Плеханова Л. П. Прецедентное имя «Онегин» в культурном сознании современных носителей русского языка. *Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: V Междунар. науч. конф. (Воронеж, 17–19 апреля 2024 г.)* Воронеж: ВГТУ, 2024. С. 265–269. [Plehanova L. P. The precedent name Onegin in the cultural consciousness of modern speakers of the Russian language. *Linguocultural universals in the world space*: Proc. V Intern. Sci. Conf., Voronezh, 17–19 Apr 2024. Voronezh: VSTU, 2024, 265–269. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ctfypq>
- Пономарева А. А. Онегинский код в беллетристике 1850-х годов: к постановке вопроса. *Сибирский филологический журнал*. 2015. № 3. С. 99–105. [Ponomareva A. A. Onegin code in the fiction of the 1850s: Statement of the problem. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2015, (3): 99–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uhxjaz>
- Попович Т. Об инсценировках «Евгения Онегина»: модальная реальность и возможные миры. *Болдинские чтения: Междунар. науч. конф. (Болдино, 17–21 сентября 2018 г.)* Болдино: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019.

- С. 236–248. [Popović T. On adaptation of "Eugen Onegin": Modal realism and possible worlds. *Boldin Readings: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Boldino, 17–21 Sep 2018. Boldino: Lobachevsky SUNN, 2019, 236–248. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlqhnr>
- Прошин Е. Е. «Роман в стихах» «Евгений Онегин» в кинематографе. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2013. № 4-2. С. 127–129. [Proshchin E. E. The novel in verse "Eugene Onegin" in film. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2013, (4-2): 127–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rubwffj>
- Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с. [Rudnev V. P. *Away from reality: Studies in the philosophy of text*. Moscow: Agraf, 2000, 432. (In Russ.)]
- Симбирцева Н. А. Экранизация как визуализированный текст: к постановке проблемы. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2013. Т. 116. № 3. С. 148–154. [Simbirtseva N. A. Screening as visualized text: Towards the problem statement. *Izvestia Ural Federal University journal. Series 1. Issues in education, science and culture*, 2013, 116(3): 148–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/roxfkp>
- Скворцова М. Л. Интермедиаальные аспекты художественной рецепции в экранизациях литературной классики. *Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации: Междунар. науч. культ.-образ. форум*. (Челябинск, 6–8 апреля 2022 г.) Челябинск: ЮУрГУ, 2022. С. 213–215. [Skvortsova M. L. Intermedial aspects of artistic reception in screen versions of literary classics. *Eurasia 2022: Socio-humanitarian space in the era of globalization and digitalization: Proc. Intern. Sci. Cultural and Educational Forum*, Chelyabinsk, 6–8 Apr 2022. Chelyabinsk: SUSU, 2022, 213–215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wddepq>
- Спиваковский П. Е. Постмодернистский миф о Пушкине. Версия Синявского. *Новый Мир*. 2010. № 5. [Spivakovsky P. E. Postmodernist myth of Pushkin. Sinyavsky's version. *Novyi mir*, 2010, 5. (In Russ.)] URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/5/postmodernistskij-mif-o-pushkine.html (accessed 30 Aug 2024).
- Турбин В. Н. Поэтика романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: МГУ, 1996. 232 с. [Turbin V. N. *Poetics of the novel A. S. C. Pushkin's novel Eugene Onegin*. Moscow: MSU, 1996, 232. (In Russ.)]
- Федосеев Н. Г. От экранизации к пародии: «Евгений Онегин» на экране. *Прошлое – настоящее – будущее Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения: Всерос. науч.-практ. конф.* (Санкт-Петербург, 29–30 октября 2013 г.) СПб.: СПбГУКИТ, 2013. С. 253–258. [Fedoseenko N. G. From screen adaptation to parody: Eugene Onegin on the screen. *Past – Present – Future of St. Petersburg State University of Cinema and Television: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, St. Petersburg, 29–30 Oct 2013. St. Petersburg: SPbSUFT, 2013, 253–258. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqhawf>
- Чугунова Е. А. Мотивы романа «Евгений Онегин» и штампы «ля рюс» в фильме «Онегин» (Великобритания, режиссер Магнус Файнс). *Литература и кино – в поисках общего языка: межвуз. науч.-практ. конф.* (Владимир, 18–19 мая 2009 г., 20–21 мая 2010 г.) Владимир: ВлГУ, 2011. С. 86–89. [Chugunova E. A. Motifs of the novel Eugene Onegin and la ruse cliches in the movie Onegin (Great Britain, directed by Magnus Fines). *Literature and cinema in search of a common language: Proc. Interuniv. Sci.-Prac. Conf.*, Vladimir, 18–19 May 2009, 20–21 May 2010. Vladimir: VISU, 2011, 86–89. (In Russ.)]
- Эйхенбаум Б. Проблемы киностилистики. *Поэтика кино. Перечитывая «Поэтику кино»*, общ. ред. Р. Д. Копылова. 2-е изд. СПб.: РИИИ, 2001. С. 13–38. [Eichenbaum B. Problems of film stylistics. *Poetics of Cinema. Rereading The Poetics of Cinema*, ed. Kopylova R. D. 2nd ed. St. Petersburg: RIAN, 2001, 13–38. (In Russ.)]
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с. [Eco U. *The absent structure. Introduction to semiotics*. St. Petersburg: Petropolis, 1998, 432. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvqacz>
- Эпштейн М. Н. Истоки и смысл русского постмодернизма. *Звезда*. 1996. № 8. С. 166–188. [Epstein M. N. The origins and meaning of Russian postmodernism. *Zvezda*, 1996, (8): 166–188. (In Russ.)]
- Юхнова И. С. «Онегинский» сюжет, «Онегинский» миф, «Онегинский» код. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2013. № 4-2. С. 181–185. [Yukhnova I. S. "Onegin" plot, "Onegin" myth, "Onegin" code. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2013, (4-2): 181–185. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rubwkj>
- Tarkovsky A. *Sculpting in time: Reflections on the cinema. The Great Russian filmmaker discusses his art*. L.: Bodley Head, 1986, 246.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xkynne>

Функция ретардации в чиновнической драматургии XIX века

Лебедева Анастасия Игоревна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 2382-79911

<http://orcid.org/0009-0003-6489-7646>lebedeva@yandex.ru

Аннотация: Распространенная в русской драматургии середины XIX в. тема чиновничества является перспективным направлением для современных исследователей как актуальный объект в рамках историко-литературного подхода и нарратологии. Цель – выявить функции ретардации в чиновнической драматургии XIX в. Задачи: оценить способы введения художественного приема ретардации в пьесу; установить взаимосвязи места приема в композиции пьесы с влиянием на читательскую рецепцию; определить значение ретардации в речи второстепенных персонажей в эпической пьесе. Основным материалом исследования стала комедия А. Н. Островского «Доходное место» (1856) в контексте пьес В. А. Соллогуба («Чиновник», 1856), Н. М. Львова («Свет не без добрых людей», 1857), А. А. Потехина («Мишура», 1858). Указанные пьесы рассмотрены с использованием структурно-семантического метода, позволившего выявить и описать композиционный и персонажный уровни текста, их художественную специфику и идейно-концептуальную роль в произведении. Ключевым исследовательским методом стал типологический анализ драматургии 1850-х гг. (на материале традиционных пьес В. А. Соллогуба, Н. М. Львова, А. А. Потехина в сравнении с эпической драматургией А. Н. Островского). Обосновано, что ретардация используется как в драматической, так и в эпической драме с поправкой на выполняемую в сюжете функцию: в первом случае она способствует усилению напряжения перед развязкой, а во втором – снимает его. В комедии А. Н. Островского сквозная ретардация в нарративах второстепенных персонажей препятствует развитию интриги, акцентируя семантическое множество событий. Доказано, что в эпической пьесе ретардация размывает границы драматической ситуации, подчеркивает ее неопределенность, в связи с чем развязка пьесы может быть только формальной концовкой.

Ключевые слова: драма, эпичность, сюжет, ретардация, нарратив, второстепенные персонажи, развязка, А. Н. Островский

Цитирование: Лебедева А. И. Функция ретардации в чиновнической драматургии XIX века. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 138–148. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-138-148>

Поступила в редакцию 11.08.2024. Принята после рецензирования 04.10.2024. Принята в печать 07.10.2024.

full article

Retardation in Nineteenth-Century Plays about Bureaucracy

Anastasiia I. Lebedeva

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 2382-7991

<http://orcid.org/0009-0003-6489-7646>lebedeva@yandex.ru

Abstract: Bureaucracy was an extremely popular theme in Russian drama in the 1850s. It seems to be a promising direction for modern historical and literary studies, as well as narratology. The article describes the functions of retardation in nineteenth-century plays that featured bureaucracy. It focuses on the artistic device of retardation, its place in the composition, its effect on the reader, its role in the speech of minor characters, etc. The research compared Vladimir Sollogub's *The Official* (1856), Aleksei Potekhin's *Tinsel* (1858), and Nikolai Lvov's *The World Is Not Without Good People* (1857) against Alexander Ostrovsky's iconic *A Profitable Position* (1856). The plays were

subjected to the structural-semantic method, which made it possible to identify and describe their composition and characters with their ideological-conceptual impact on the story. The typological analysis of the plays was compared with that of Ostrovsky's epic drama. In the minor plays, retardation helped to increase the tension before the denouement; in Ostrovsky's comedy, it relieved the tension. Ostrovsky used the continuous retardation in the narratives of secondary characters to slow down the plot development and emphasize the semantic multifacetedness. In the epic drama, retardation blurred the boundaries of the dramatic situation to showcase its uncertainty, making the denouement nothing but a formal ending.

Keywords: drama, epic, plot, retardation, narrative, minor characters, denouement, Alexander Ostrovsky

Citation: Lebedeva A. I. Retardation in Nineteenth-Century Plays about Bureaucracy. *SibScript*, 2025, 27(1): 138–148. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-138-148>

Received 11 Aug 2024. Accepted after peer review 4 Oct 2024. Accepted for publication 7 Oct 2024.

Введение

Генезис русской драматургии, объединенной общей темой, привлекал внимание критики и является перспективным направлением и для современных исследователей. Творческое наследие Александра Николаевича Островского, как и других классиков отечественной литературы, является актуальным объектом исследования в рамках историко-литературного подхода и нарратологии. Тема чиновничества, которой посвящено немало пьес А. Н. Островского, была распространена в русской драматургии середины XIX в. накануне реформ 1860-х гг.

Цель данной статьи – выявить функции ретардации в чиновнической драматургии XIX в. Задачи: оценить способы введения художественного приема ретардации в пьесу; установить взаимосвязи места приема в композиции пьесы с влиянием на читательскую рецепцию; определить значение ретардации в речи второстепенных персонажей в эпической пьесе.

Термин *эпическая драма* впервые ввел в обиход Б. Брехт применительно к своим пьесам, однако эпические черты давно существовали в средневековых мистериях, классических театрах Азии, елизаветинском и классицистическом театрах Европы. В XIX в. в России в литературных кругах называли эпической драматургию А. Н. Островского (Ф. М. Достоевский, П. Д. Боборыкин и др.), использовавшего романский тип восприятия действия. Нарушение единства действия у А. Н. Островского хорошо прослеживается за счет введения второстепенных персонажей, диалоги которых задерживают развитие основного сюжета.

Гармонично разработанная система персонажей организует художественную форму произведения в единое целое. Так считали не во все времена.

Аристотель, рассуждая о форме трагедии, считал в ней первичным действие, или, как он его называл, фабулу. При этом важно помнить, что «содержание спектакля осуществляется, только если становится зрелищем» [Барбой 2013: 247]. С развитием словесного искусства усложнялось и изображение человека, становясь более многогранным, хотя «шекспировские герои часто уже не сводились к своему характеру, не оставаясь функциональными акторами» [Тюпа 2021: 130]. Ярким доказательством появления психологизма служат театральные *амплуа*, поддающиеся функциональной классификации (кокетка, комический старец и др.). В одном ряду с амплуа стоит *тип*. П. Пави указывает на принципиальное отличие типа, которому «не свойственны ни пошлость, ни поверхностность, ни однообразие характера»¹. Искусственность в литературе постепенно отошла на второй план, выдвинув вперед непредсказуемую естественность поведения, бытовую простоту. Интересно наблюдение Е. Г. Холодова по поводу творчества А. Н. Островского: «"Тыними маску-то!" – как бы говорит каждый раз драматург персонажам своих пьес, всегда давая... читателям и зрителям возможность разглядеть за маской лицо» [Холодов 1963: 517].

Понятия *персонаж* и *характер* в русской научной традиции не являются синонимами. При этом система персонажей должна включать как минимум два субъекта (как вариант – двойничество), чтобы конфликт был возможен. Природа конфликтных отношений заключается в необходимости противоречия и представляет собой «бинарную оппозицию» [Барт 1989: 182]. Сосредоточенность действия на нескольких фигурах способствовала концентрации конфликта, что отвечало

¹ Тип (или типический персонаж). Пави П. *Словарь театра*. М.: Прогресс, 1991. С. 380.

задачам старинной пьесы. Реалистическая драматургия свободна в построении системы персонажей по сравнению с классицистическими требованиями. Например, Н. Буало критиковал П. Корнеля за введение в «Сид» персонажей, не имеющих прямого отношения к сюжету [Шаплен 1980: 287]. В античной и классицистической драматургии персонажи нередко берут на себя функцию рассказчика, повествуя о событиях за пределами сцены, исходя из запрета на их показ согласно принципам благопристойности. По данным П. Пави, «латинское слово *persona* (маска) в переводе с греческого означает действующее лицо или роль. Так, персонаж изначально задуман как нарративный (повествовательный) голос: это двойник "реального" человека»². И далее: «нарратор может фигурировать лишь в виде персонажа, на которого возлагается задача информирования других действующих лиц или публики, непосредственно повествуя о событиях или комментируя их»³. В исследовании мы интерпретируем нарративизацию драмы как повествовательность, откуда следует приближение драмы к эпическому роду.

Согласно М. М. Бахтину, вследствие *романизации* произошел серьезный сдвиг литературных форм с последующим нарушением в них традиционных правил. Важна мысль ученого, что даже там, где влияние романа «точно установлено и показано, оно неразрывно сплетается с непосредственным действием тех изменений в самой действительности, которые определяют и роман и которые обусловили господство романа в данную эпоху» [Бахтин 1975: 451]. Таким образом, непосредственное воздействие романа на другие жанры можно рассматривать шире, подразумевая под явлением процесс разрушения привычных для конкретной формы канонов. Тенденция к нарративизации драмы в России усиливается с середины XIX в., несмотря на популярность французского водевиля. Действующих лиц эпической драмы характеризует особая отобранность, моделирующая ситуацию столкновения разных картин мира при изображении конфликта. Множественность точек зрения в пьесе способствует расширению конфликта до субстанционального масштаба, который мы понимаем вслед за В. Е. Хализевым как «устойчивые и длительные противоречивые положения» [Хализев 1978: 104].

Речь как главный способ действия лиц в драме является и средством раскрытия характеров. По Р. Барту, в повествовательном тексте присутствуют каркасные

функции и индексы, которые порой реализуются двояко. Представляется возможным использовать классификацию структуралиста для анализа речевой организации драматических произведений. Мы предлагаем отнести типичный для традиционной драмы *диалог-поединок*, играющий сюжетообразующую роль, к дистрибутивным ядерным единицам: это моменты риска в повествовании, усиливающие драматизм. Что касается *досужего разговора* (термин Л. В. Чернец), то он принадлежит к катализаторам, призванным «поддерживать контакт между повествователем и его адресатом»: они образуют «зоны безопасности, спокойствия, передышки» [Барт 2000: 208]. Иногда функция одновременно с формообразующей задачей может нести семантику индекса, служащего для характеристики персонажа. Это заключение Р. Барта очередной раз подтверждает неразрывность формы и содержания для литературоведческого анализа произведений, доказанную теоретиками (В. М. Жирмунский, Ю. Н. Тынянов и др.).

В работе «Границы повествовательности» Ж. Женетт различает два вида описаний – декоративные и значащие [Женетт 1998]. Значащие описания относятся к сюжетному уровню произведения, а декоративные экфрасисы – к уровню дискурса. Наше понимание экфрасиса основывается на предложении С. Стахорского рассматривать его как тип повествовательного текста, который «описывает и построен так, чтобы вызвать зрительные иллюзии», вследствие чего производит в драме «эффект ретардации, притормаживая или останавливая ход действия» [Стахорский 2019: 416–417]. Устранение из текста ретардирующих элементов незначимо для сюжета, но существенно для внутреннего смыслообразования в повествовании. Появление семантически насыщенной длительности между опорными точками действия рождает эффект *очуждения* реципиента. В. Б. Шкловский, до появления концепции Б. Брехта, в связи с творчеством Л. Н. Толстого писал о необходимости остранения истории через построение ступенчатой фабулы в художественном тексте [Шкловский 1929].

По отношению к основному действию художественный прием *ретардации* (лат. *retardation* – запаздывание) носит избыточный характер, что неоднократно отмечалось нарратологами. Благодаря трудам лидера ОПОЯЗа ретардация («торможение истории») стала пониматься как базовая «нанизывающая» форма сюжета [Там же: 32]. Намеренное замедление

² *Dramatis personae*. Там же. С. 86.

³ Повествователь (нарратор). Там же. С. 235–236.

действия, уводящее от известной развязки, позволяет драматургу-реалисту выстраивать сюжет пьесы, соблюдая так называемый эпический закон (сформулированный в переписке между И. Гете и Ф. Шиллером): им обусловлено «требование ретардации», благодаря которой сюжет «то движется вперед, то отступает назад»⁴. Б. Брехт в работе «Покупка меди» (1937–1951) впервые теоретически осмыслил два типа театра по способу зрительского восприятия, представив их в виде образных систем карусели и планетария. Им соответствуют собственно драматическая и эпическая драматургия. Эпические пьесы, к которым Б. Брехт относил не только собственные произведения, но и творчество некоторых классиков, позволяют поделиться с читателем более глубокими знаниями о мире и быте определенной эпохи. Введение событийной ретардации в кульминации пьесы положило начало эпической драме, но по своей сути драматургия оставалась карусельной для реципиента.

В. И. Тюпа вслед за П. Рикёром полагает, что «прерывания излагаемой истории, сколь бы малыми они порой ни казались, индуцируют напряжение ожидания, поскольку всякая семантическая пауза способствует появлению «альтернативных перспектив продолжения» [Тюпа 2021: 146]. Приближение драматургического текста к повествовательным жанрам возможно, в частности, «благодаря внедрению в него интертекстуальных элементов» [Картавцева 2018: 197]. При последовательном включении в драматический сюжет «вставных нарративов персонажей», по замечанию Г. А. Жиличевой и П. Е. Жиличева, происходит «замедление истории» [Жиличева, Жиличев 2023: 184]. В словаре поэтики под ред. Н. Д. Тмарченко понятие *нарратив* определено как «сюжетно-повествовательное высказывание, придающее своему предметно-смысловому содержанию статус события, что делает его двоякособытийным» [Тюпа 2008: 134]. М. Флудерник называет нарративизацией способность любого текста стать нарративом, если реципиент видит в нем черты повествования [Лозинская 2017; Fludernik 1996]. Вслед за нарратологами (С. Четмэн, В. Шмид) мы признаем нарративную природу драмы и используем данный термин для обозначения рассказа персонажа о ком-то или о чем-то, не связанным прямо с основным сюжетом.

Методы и материалы

Основным материалом исследования стала комедия А. Н. Островского «Доходное место» (1856)⁵ в контексте пьес В. А. Соллогуба («Чиновник», 1856), Н. М. Львова («Свет не без добрых людей», 1857), А. А. Потехина («Мишура», 1858). Материал для исследования определен при помощи типологического подхода. Указанные пьесы рассмотрены с использованием структурно-семантического метода, позволившего выявить и описать композиционный и персонажный уровни текста, их художественную специфику и идейно-концептуальную роль в произведении.

Результаты

Драматическая ретардация у В. А. Соллогуба, Н. М. Львова, А. А. Потехина

Обличительная драматургия успешно ставилась на сценах театров Москвы и Санкт-Петербурга, пользуясь спросом у публики. Повышенный общественный интерес в первую очередь был обусловлен остросоциальной темой чиновника нового типа, не желающего брать взятки и подчиняться устаревшим порядкам. Комедия В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856) впервые была представлена на домашней сцене княгини Марии Николаевны в присутствии императора Александра II. Император одобрил пьесу и 22 февраля состоялась ее премьера на сцене Александринского театра⁶.

Сюжет пьесы развивается стремительно. Молодой чиновник Надимов, явившийся по делу о затоплении лугов, уверен: чтобы избавиться от взяточничества, дворяне должны идти на службу, не гнушаясь низких должностей в чиновничьей иерархии. Комедия В. А. Соллогуба отличается острой водевильной интригой и преобладанием диалогов-поединков. Здесь ярко реализуется прием *qui pro quo* – цепь недоразумений, создающая основное драматическое напряжение. Событийная ретардация в тринадцатом явлении может увести комедию от благополучного финала – Надимов неожиданно для самого себя понимает, что влюблен в графиню, и как заинтересованное лицо не может производить беспристрастное следствие над Мисхориным, а потому намерен уехать в город (уступив счастливому сопернику).

⁴ Гете И. В., Шиллер Ф. Переписка. М.: Искусство, 1988. Т. 1. С. 337–341.

⁵ Островский А. Н. Доходное место. In: Островский А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. Пьесы. (1856–1866). М.: Искусство, 1974. Далее по тексту цитаты приведены по данному изданию в круглых скобках.

⁶ Никитенко А. В. Дневник. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 430–431.

Злободневность затронутой В. А. Соллогубом темы вызвала бурную журнальную полемику, толчком к которой стала статья Н. Ф. Павлова, впервые напечатанная в «Русском вестнике» (1856) и вскоре вышедшая отдельным изданием⁷. Социальная проблематика пьесы не вмещалась в тесные рамки водевиля, о чем свидетельствует легкомысленная любовная развязка. Впоследствии, «как ни странно, это сочетание злободневной, острой проблемы с шаблонными ходами хорошо скроенной пьесы стало характерным структурным признаком тенденциозной драмы» [Журавлева 1988: 144]. Хотя уже Н. Г. Чернышевский на этот счет восклицал: «Если бы воскресли Буало и Лагарп, они обняли бы этих мастеров»⁸.

Большое влияние имела драматургия Э. Скриба, ставшая синонимом понятия *хорошо сделанная пьеса*. Невозможно не отметить пользу скрибизма для русской сцены, в защиту которого высказался Н. Полевой: «Кто двадцать лет владел общим вниманием публики германской, французской, английской, русской, тот <...> не может не иметь каких-нибудь достоинств, и по крайней мере он угадал тайну увлекать свой век»⁹. И все же повсеместное увлечение западной модой ставилось авторам в упрек уже в «Разъезде после представления новой комедии» (1836) Н. В. Гоголя, написанном под впечатлением от первой постановки «Ревизора». В разговоре двух бекеш сквозит тонкая ирония над современным французским репертуаром: «У французов другое дело! Там *société, mon cher*»¹⁰. Отрицательная оценка пьесы появилась и в «Современнике» (1856), где рецензент под псевдонимом Чиновник упрекал В. А. Соллогуба в легковесности, а главного героя комедии Надимова – во фразерстве. Неравнодушным автором рецензии был Н. М. Львов, продолживший полемику с В. А. Соллогубом пьесой «Свет не без добрых людей» (1857).

В комедии Н. М. Львов раздваивает образ чиновника: перспективный, но бедный Волков против легкомысленного наследника Лисицкого (кариатура на соллогубовского Надимова). Положительные персонажи пьесы легко считаются, представляя собой

устойчивые амплуа: резонер Волков и его добродетельная жена Ольга, их предприимчивая хозяйка Елизавета Ивановна и верный помощник Простота. Остальные многочисленные лица комедии являются отрицательными. Н. А. Добролюбов критиковал В. А. Соллогуба и Н. М. Львова за схематизм комедии положений, считая, что «смастерить механическую куколку и назвать ее *честным чиновником* вовсе не трудно; но трудно вдохнуть в нее жизнь и заставить ее говорить и действовать по-человечески»¹¹.

Если рассматривать пьесу в русле карусельной интриги, то использование ретардации для создания эффекта саспенса перед кульминацией логично: неопределенность зависает после беседы Ольги с хозяйкой, когда последняя откровенно намекает на измену мужу с щедрым любовником как легкий способ достать деньги для оплаты квартиры. Хотя формально перед читателем – комедия положений, по своей речевой организации она близка эпическому мышлению за счет ретардации в нарративах персонажей. Напряжения в пьесе, в сущности, нет, ведь уже в завязке Волков верно предугадывает ход действия: непорядочный сокурсник, не желающий возвращать долг, попытается избавиться от своего кредитора. Предвосхищено и появление Простоты в благополучной развязке пьесы, сопоставимое с античным «богом из машины». Зрителю остается только наблюдать, как будут действовать персонажи. Повсеместное замедление действия в комедии Н. М. Львова художественно не оправдано – введение приема ретардации обычно преследует конкретную задачу (очуждение, раскрытие характеров и др.), чего не скажешь о комедии. Предметная композиция пьесы однозначно указывает на ее классицистическую основу, поэтому в данном случае следует говорить, скорее, об утяжелении речевого оформления водевиля.

А. А. Потехин, причислявший себя к школе А. Н. Островского (после успеха в 1853 г. пьесы «Суд людской – не Божий», написанной по его подсказке)¹², обращается к теме дворянина-карьериста. В его комедии «Мишура» (1858) персонажи делятся на две группы: консерваторов

⁷ Павлов Н. Ф. Разбор комедии графа Соллогуба «Чиновник». М.: Тип. Каткова и Ко, 1857. 104 с.

⁸ Чернышевский Н. Г. Заметки о журналах. In: Чернышевский Н. Г. *Полное собрание сочинений. Т. 3. Очерки гоголевского периода русской литературы*. М.: Гослитгиздат, 1947. С. 663.

⁹ Полевой Н. Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии. *Репертуар русского театра*. 1840. Т. 1. Кн. 2. С. 5.

¹⁰ Гоголь Н. В. Собрание сочинений. Т. 4. Драматические произведения. М.: Гослитиздат, 1959. С. 252.

¹¹ Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. Т. 2. Литературная критика. М.: ГИХЛ, 1935. С. 51.

¹² См.: Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского и др.: Из архива А. Н. Островского: По материалам Гос. театрального музея им. Бахрушина. М.-Л.: Academia, 1932. 741 с. (Памятники литературного и общественного быта. Неизданные письма к А. Н. Островскому. Т. 2.)

и новых, «университетских». Молодое поколение представлено в образах неудачливого Зайчикова-младшего и аристократа Пустозерова, старательно скомпрометированного автором: он произносит речи против взяточничества (напоминающие тирады Надимова), но проявляет избирательную лояльность для достижения карьерного успеха. Рецензент «Отечественных записок» В. А. Слепцов резко высказался о центральном герое морализаторских пьес, который «существенного влияния на развитие драмы не имеет» [по: Серегин 1963: 138]. В творчестве А. А. Потехина присутствует натуралистическая «установка на силу самого жизненного факта как основной способ создания максимального драматического эффекта» [Журавлева 1988: 64], из-за чего снижается художественный потенциал его пьес. Драматург дает очень однозначную характеристику своим героям: комедия «лишена полутонов, она строится на контрасте добра и зла» [Ермолаева 2018: 44]. Пьеса оформлена в водевильном ключе благодаря числу диалогов-поединков, что постоянно держит читателя в напряжении. Сюжетная ретардация появляется в третьем действии за разговором горничной с Дашенькой, вслух убеждающей себя в равнодушии к молодому начальнику отца. Может показаться, что она прислушалась к советам дальновидного Анисима Федорыча быть мудрее, ведь тщеславному Пустозерову нельзя доверять. Развязка пьесы решает все сюжетные противоречия – Пустозерова переводят на вакантную должность в Петербург, куда он рад наконец отправиться один.

Эпическая ретардация у А. Н. Островского

Тема карьеры нашла выражение в разных драматических интерпретациях. Среди рассмотренных пьес Н. Г. Чернышевский выгодно выделял комедию А. Н. Островского «Доходное место» (1856) уровнем организации сюжета. Первенство А. Н. Островского среди современных ему драматургов непосредственно связано с особенностями изображения характеров. Его герои говорят своими словами, в только им свойственной манере: «в процессе общения коммуникант выбирает ту фокусную идею, которая наиболее адекватно отражает его намерение» [Орлова 2022: 25]. Недостаточную сценичность поздних пьес некоторые критики А. Н. Островского (в частности, П. Д. Боборыкин) связывали с упадком его таланта, с чем невозможно согласиться. Новаторство всей эпической драматургии А. Н. Островского воплощается через наблюдение за речевым поведением его персонажей. По замечанию Д. А. Романова,

в поздней комедии «Красавец-мужчина» А. Н. Островский демонстрирует «выделение наиболее характерных языковых сторон» и «преодоление недостатков такой коммуникации» за счет «воплощения принятых речевых стереотипов, постоянного их повторения в пьесе» [Романов 2023: 302].

Как и критик А. А. Григорьев, который усматривал в русском народе два типичных характера – «хищный» и «смирный», А. Н. Островский раздваивает образ чиновника. В комедии соблюден классицистический принцип симметричного расположения действующих лиц на положительных и отрицательных. Однако характеры в пьесе имеют развитие, поэтому перед нами уже не комедия положений, а именно комедия характеров. У А. Н. Островского на сюжет работают все: и «свое постоянное население» [Лакшин 1976: 457], и второстепенные персонажи. При этом у некоторых молодых героев есть опытные двойники, позволяющие читателю путем сопоставления домыслить их возможное будущее. Так, прямая параллель с образом Вышневецкой проходит у практичной Юлиньки. В горьких словах барыни о ласках, которые «покупали за деньги», сквозит предостережение, что брак по расчету не может быть счастливым. Белогубов тоже может стать заложником своей щедрости, как старик Вышневецкий. Кроткий чиновник не так прост, как кажется на первый взгляд. Его характер будет развит А. Н. Островским в типичной для эпохи фигуре – беспринципном карьеристе Глумове («На всякого мудреца довольно простоты») – и продолжен М. Е. Салтыковым-Щедринным (в циклах «В среде умеренности и аккуратности», «Современная идиллия»).

Интересно, что интрига в комедии отсутствует. С увеличением можно назвать трикстером Кукушкину, наставляющую дочерей на семейную жизнь: *мужьям потачки не давайте, так их поминутно и точите, чтоб деньги добывали* (с. 60). Возможно, что без советов маменьки Жадову не пришлось бы повторно просить у дядюшки доходного места. Однако Кукушкина не ведет интригу, она прямо следует из ее характера: мать искренне раздосадована, что невыгодно отдала дочь замуж, и они с супругом теперь *терзают родительское сердце* (с. 87). Вставные нарративы персонажей нередко препятствуют развитию действия, но не заслоняют его. Ретардация размывает границы драматической ситуации. Оценивающие реплики персонажей А. Н. Островского организованы «с позиции стороннего наблюдателя, как в эпосе» [Тютелова 2023: 39]. При этом действие движется по аристотелевской формуле благодаря переменам от счастья к несчастью.

А. Н. Островский внимательно изучал западно-европейскую драму, в том числе французскую, хотя его собственные пьесы нередко называли эпическими. Эпичность в первую очередь выражается в диалогах персонажей: они имеют ретардирующий эффект, придавая драматургии повествовательные интонации. В то же время красочный язык диалогов увлекает читателя: через беседы на отвлеченные темы раскрываются характеры действующих лиц, их стремления. В этом плане у А. Н. Островского интересны второстепенные персонажи, вставные нарративы которых обычно прямо не связаны с основным сюжетом. За счет ретардации в сюжете, которую В. Б. Шкловский считал основой *остранения* [Шкловский 1929: 33] (или *очуждения*, в терминологии Б. Брехта), происходит переход читателя / зрителя драмы на позицию наблюдателя. На наш взгляд, использование ретардации создает новые перспективы для рецепции читателя без введения автором в текст субъекта речи (в качестве посредника между читателем и вымышленным миром). Наше предположение непосредственно связано с понятием *точки зрения*: если в традиционной драме читатель мог встать лишь на точку зрения одного из персонажей, то в случае с эпической драмой ему доступен переход на точку зрения, принципиально внешнюю по отношению к изображаемому событию. Ю. Хабермас обратил внимание, что нарративная установка «наблюдателя упраздняет коммуникативные роли первого и второго лица», тогда как «повседневная практика» общения «доступна нам только в перформативной установке» [Хабермас 2006: 73]. Множественность точек зрения, характерная для драмы, усиливается разнообразием взглядов на одно событие, подчеркивая его неопределенность: зачастую А. Н. Островский «демонстрирует жизненные противоречия не только общественных отношений, но и человеческих характеров» [Тихомиров 2019: 88].

Проследим за досужими разговорами в комедии «Доходное место». Во втором действии бойкая Стеша обсуждает с барышнями строгую хозяйку:

Стеша. Ну вот, мои барышни и готовы. Хоть сейчас женихи наезжайте, как на выставку выставлены, первый сорт. Такой форс покажем – в нос бросится. Генералу какому не стыдно показать!

Полина. Ну, Юлинька, по местам; сядем, как умные барышни сидят. Сейчас маменька будет нам смотреть делать. Товар лицом продает.

Стеша (стирая пыль). Да уж как ни смотри, все в порядке, все на своем месте, все подпилено да подколоно.

Юлинька. Она у нас такой ревизор; что-нибудь отыщет (с. 55).

Из отрывка очевидно, что комедия стремится не к традиционному для драмы показу, а к эпическому рассказу о событиях. Для карусельной пьесы не имеет значения подробное обсуждение внешнего вида персонажей – публика сможет увидеть внешний вид исполнителя роли в зале театра. Оценивающая характеристика нарядов дана А. Н. Островским с целью подсветить личностные взаимоотношения в доме Кукушкиных.

Далее Юлинька хвастается маменьке, как она кокетничала со скромным Белогубовым:

Юлинька. Когда он пришел к нам во второй раз, помните, еще вы его насильно привели, я сделала ему глазки.

Кукушкина. Ну, а он что?

Юлинька. А он как-то странно сжимал губы, облизывался. Мне кажется, он так глуп, что ничего не понял. Нынче всякий гимназист ловчее его (с. 60).

Ретроспектива в завязке пьесы дает зрителю представление не только о характерах, но и о сути конфликта. Он зародился раньше воплощаемого на сцене: определенные устойчивые отношения между героями уже установлены, а в комедии продолжается их логичное развитие. Перед нами драматург представляет лишь точку высшего напряжения в расстановке сил.

Развитие третьего действия в трактуре представляет типичную для эпохи обстановку. Важно, что хронотоп трактира является местом ненадежной фокализации вследствие концентрации персонажей с измененным состоянием сознания: такой «нарратор не лжет, а в силу различных причин демонстрирует ограниченное знание о мире» [Смоленская 2024: 79]. Н. А. Николина, в частности, обратила внимание на средства театрального кода, которые также «служат сигналом театрализации обыденной жизни, выражением неискренности, лживости» [Николина 2018: 51] и вместе с тем развертывают сквозные мотивы пьесы. Жадов встречает в трактуре людей, имеющих альтернативные мнения против двух центральных противоборствующих в пьесе систем. Поверхностная проблематизация, присущая традиционной драме, в творчестве А. Н. Островского нивелируется за счет ретардирующих нарративов. Так, Мыкин категорически высказывается против брака из-за невозможности государственному служащему финансово обеспечить достойную жизнь молодой семьи:

Мыкин. *Мало ли что, полюбил! Разве другие-то не любят? Эх, брат, и я любил, да не женился вот. И тебе не следовало жениться.*

Жадов. *Да отчего же?*

Мыкин. *Очень просто. Холостой человек думает о службе, а женатый о жене. Женатый человек ненадежен (с. 72).*

Происходящие между основным действием события не являются сюжетобразующими, представляя собой параллельный основному сюжету нарратив. В ситуации «идентификации нарративной стратегии» важно отметить значение фокализации, ориентированной «в пространственную, временную, идеологическую, речевую, перцептивную плоскости» [Виждан 2022: 1721]. Персонажи А. Н. Островского попеременно представляют мнения, сопряженные с основным конфликтом, что усложняет возможность однозначной развязки пьесы. При этом сведение ретардирующих точек зрения к минимуму невозможно без потери художественной целостности конфликта, тяготеющего к альтернативным способам разрешения. Второстепенные персонажи, наделенные оценочно-значимыми репликами, являются маркерами устойчивого миропорядка, его нелинейности.

В трактире происходит встреча Жадова с лагерем Белогубова. 1-й чиновник рассказывает историю про подлого писарька, действия которого категорически не одобряет Юсов. Согласно его логике, должны быть и волки сыты, и овцы целы, но мотив недоверия заложен уже в самой возможности существования парадигмы честного взяточника. Здесь же происходит прямолинейный разговор нетрезвых Жадова и Досужева. Последний понимает, что настоящего уважения у купцов можно добиться, только соблюдая старые порядки, но по совести не может брать взятки. Реплика-цитата Досужева из стихотворения А. С. Пушкина «Братья-разбойники» относительно встречи со взяточниками диалогически указывает читателю на глубину его внутренней позиции: *Не стая воронов слеталась!* (с. 80). Гордый чиновник разрывается между долгом и оскорбленным чувством справедливости, чем оправдывает свое пьянство в разговоре с Жадовым о прошлом:

Досужев. *Много надо силы душевной, чтобы с них взятки не брать. Над честным чиновником они сами же смеяться будут; унижать готовы – это им не с руки. Кремнем надо быть! И храбриться-то, право, не из чего! Тащи с него шубу, да и все тут.*

Жаль, не могу. Я только беру с них деньги за их невежество да пропиваю. Эх! охота вам было жениться! Выпьемте. Как вас зовут? (с. 81).

В воспоминаниях Досужева сквозит мотив безысходности положения честного чиновника, из-за чего у читателя возникает сомнение, не запьет ли сам Жадов в будущем. Неприглядную вероятность подобного исхода подтверждает и Досужев, с чьей легкой руки это может произойти. В результате представления всех точек зрения на конфликт протагонист поставлен в ситуацию выбора, определяющего развязку. В кульминации пьесы читатель находит Жадова, преступившего свои принципы, в гостинной у дядюшки: он просит доходного места. Однако Жадов уже не в трактире в состоянии измененного сознания, и резкие насмешки антагонистов окончательно отрезвляют его. А. Н. Островский жалеет своего гордого героя, позволяя ему сохранить достоинство в счастливой концовке пьесы. Но вряд ли ее можно назвать полноценной развязкой в понимании, идущем от классицизма. Благодаря развернутой в пьесе реалистической перспективе мнений и штрихами намеченных судеб конфликт между долгом и чувством не может быть решен положительно.

Таким образом, сквозная ретардация в нарративах второстепенных персонажей в комедии А. Н. Островского препятствует развитию интриги. Акцентирование семантического множества параллельно происходящих событий нивелирует драматическое напряжение в пьесе. «За театральностью неприметных, скрытых преувеличений, запечатлевающей сложность и многоплановость внутреннего мира человека» [Хализев 1978: 49], характерной для творчества А. Н. Островского, В. Е. Хализев усматривал непреходящую художественную ценность.

Заключение

Исследование роли ретардации в эпической драматургии является перспективным направлением в литературоведении. Сам термин стал востребованным относительно недавно, советское и российское литературоведение XX–XXI вв. использовало для обозначения композиционного приема задержки развития сюжетного действия другие наименования: оттяжка, замедление, торможение, задержка, антиклимакс. Использование термина *ретардация* вместо других соотносимых с ним понятий означает не только описание формальной структуры пьесы путем выделения в ней стадий развития действия,

но и соотношение двух уровней драматургического текста (статического и динамического), а также цель их взаимодействия – воздействие на реципиента. Отличительная черта эпической драмы, в сравнении с прежними эпохами – стремление дать развитие конфликта во всей полноте с отказом от театрально-эффектной интриги, в связи с чем пьеса обретает аналитические черты, а напряжение восприятия у адресата текста ослабляется.

Ретардация в драме реализуется в зависимости от своего места в композиции. Ее введение в четвертом акте перед кульминацией способствует усилению драматического напряжения, а равномерное присутствие на протяжении всего действия в отвлеченных диалогах персонажей – его снятию. Диалектика эпического и драматического начал в пьесе способствует ее художественному обогащению. Ретардация усиливает эпическое начало в драматургии А. Н. Островского и способствует аналитическому восприятию пьесы. Это связано с особенностями пространственной точки зрения в драматургии Нового времени, которая в отношении идеального читателя апеллирует к индивидуальному «жизненному опыту, позволяющему ему, оставаясь самим собой, войти

в драматическое пространство» [Тютелова 2019: 51]. Значение ретардирующих диалогов второстепенных персонажей в эпической пьесе А. Н. Островского сводится к тому, чтобы показать противоречивые мнения на одно и то же событие – возможность благополучной жизни честного чиновника на службе и в браке. Кроме того, замедление действия пьесы создает у зрителя ощущение плавного и оттого естественного течения жизни. В противовес А. Н. Островскому комедии о чиновниках В. А. Соллогуба, Н. М. Львова, А. А. Потехина, несмотря на их сюжетное своеобразие, лишь отдают дань наследию европейского классицизма. Об этом, в частности, свидетельствует ретардация в четвертом действии перед кульминацией, искусственно усиливающая напряжение перед быстрой развязкой.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Барбой Ю. М. Театральная форма и феномен драматического действия. *Ярославский педагогический вестник*. 2013. Т. 1. № 4. С. 247–250. [Barboi Yu. M. Theatrical form and a phenomenon of the drama action. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2013, 1(4): 247–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzacdh>
- Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов. *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму*, сост., вступ. ст., пер. с фр. Г. К. Косиков. М.: Прогресс, 2000. С. 196–234. [Barthes R. An introduction to the structural analysis of narrative. *French semiotics: From structuralism to poststructuralism*, comp., introduction, and tr. Kosikov G. K. Moscow: Progress, 2000, 196–234. (In Russ.)]
- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с. [Barthes R. *Selected Works. Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress, 1989, 616. (In Russ.)]
- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с. [Bakhtin M. M. *Questions of literature and aesthetics. Studies of various years*. Moscow: Khud. lit., 1975, 504. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wtjaln>
- Виждан А. М. Роль нарратора как ключевой инстанции в развитии драматических событий в художественном тексте. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1718–1724. [Wijdan A. M. Role of narrator as key instance in dramatic events development in fiction text. *Philology. Theory & Practice*, 2022, 15(6): 1718–1724. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20220346>
- Ермолаева Н. Л. А. Н. Островский, А. Ф. Писемский и А. А. Потехин. Творческие переключки. *Социокультурное пространство Ивановского края: прошлое, настоящее, будущее*: Междунар. науч. конф. (Иваново, 6–9 февраля 2018 г.) Иваново: ИвГУ, 2018. С. 42–53. [Ermolaeva N. L. A. N. Ostrovsky, A. F. Pisemsky and A. A. Potekhin. Creative roll calls. *Socio-cultural space of the Ivanovo region: Past, present, and future*: Proc. Intern. Sci. Conf., Ivanovo, 6–9 Feb 2018. Ivanovo: IvSU, 2018, 42–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ycfmwd>

- Женетт Ж. Границы повествования. In: Женетт Ж. *Фигуры. Работы по поэтике*. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 283–299. [Genette G. Boundaries of the narrative. In: Genette G. *Figures. Works on poetics*. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikova, 1998, vol. 1, 283–299. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqvbea>
- Жиличева Г. А., Жиличев П. Е. Событийная ретардация как основа абсурдистского дискурса (на материале произведений Д. Данилова). *Сибирский филологический журнал*. 2023. № 3. С. 182–196. [Zhilicheva G. A., Zhilichev P. E. Event retardation as the basis of the absurd discourse (a case study of the works of D. Danilov). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2023, (3): 182–196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hkjtcd>
- Журавлева А. И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М.: МГУ, 1988. 198 с. [Zhuravleva A. I. *Russian Drama and the Literary Process of the XIX Century*. Moscow: MSU, 1988, 198. (In Russ.)]
- Картавецва И. В. Эпические включения в языке драматургического текста Б. Брехта. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2018. № 3. С. 193–197. [Kartavtseva I. V. Epic inclusions in the language of B. Brecht's dramatic text. *Humanities and law research*, 2018, (3): 193–197. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2018-3-193-197>
- Лакшин В. Я. Александр Николаевич Островский. М.: Искусство, 1976. 527 с. [Lakshin V. Ya. *Alexander Nikolaevich Ostrovsky*. Moscow: Iskusstvo, 1976, 527. (In Russ.)]
- Лозинская Е. В. Неестественная нарратология. (Реферативный обзор). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение*. 2017. № 1. С. 31–47. [Lozinskaya E. V. Unnatural narratology: Abstract review. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Serii 7: Literaturovedenie*, 2017, (1): 31–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yleptl>
- Николина Н. А. Средства театрального кода и их функции в пьесах А. Н. Островского. *Русский язык в школе*. 2018. Т. 79. № 4. С. 48–52. [Nikolina N. A. Means of the theatre code and their functions in plays by A. N. Ostrovskii. *Russian Language at School*, 2018, 79(4): 48–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-4-48-52>
- Орлова О. С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах. Принцип непрямой номинации: когнитивно-культурологическое исследование. М.: ЛЕНАНД, 2022. 240 с. [Orlova O. S. *Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures. The principle of indirect nomination: Cognitive and cultural research*. Moscow: LENAND, 2022, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ocnwwv>
- Романов Д. А. Комедия коммуникативных шаблонов: А. Н. Островский «Красавец-мужчина». *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2023. № 2. С. 300–313. [Romanov D. A. Comedy of communicative patterns: A. N. Ostrovsky "Handy Man". *Teoriia iazyka i mezhkulturnaia kommunikatsiia*, 2023, (2): 300–313. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iakzuu>
- Серегин И. Н. Забытая статья о пьесах Лескова, Потехина и других. *Литературное наследство*. 1963. Т. 71. С. 133–144. [Seregin I. N. A Forgotten Article about the Plays by Leskov, Potekhin, and Others. *Literaturnoe nasledstvo*, 1963, 71: 133–144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xxhvol>
- Смоленская М. А. Не надежная наррация и не надежная фокализация в произведениях неклассической парадигмы художественности. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2024. Т. 24. № 1. С. 78–86. [Smolenskaya M. A. Unreliable narration and unreliable focalization in works of non-classical Russian literature. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, 24(1): 78–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ssh240110>
- Стахорский С. Нарративы театральной драматургии и их экранные отражения (диегезис и экфрасис). *Вопросы театра*. 2019. № 3-4. С. 412–435. [Stakhorsky S. Narratives of drama and its on-screen reflection (diegesis and ecphrasis). *Voprosy teatra*, 2019, (3-4): 412–435. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/glqols>
- Тихомиров В. В. Комедия А. Н. Островского «Лес»: в поисках героя. Опыт комментария. *Вестник Костромского государственного университета*. 2019. Т. 25. № 3. С. 84–88. [Tikhomirov V. V. Comedy "The Forest" by Alexander Ostrovsky: Holding out for a hero. Experience of a comment. *Vestnik of Kostroma State University*, 2019, 25(3): 84–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ntpped>
- Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021. 270 с. [Tyupa V. I. *Horizons of historical narratology*. St. Petersburg: Aleteiia, 2021, 270. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fjyuce>
- Тюпа В. И. Нарратив. *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*, ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 134–135. [Tyupa V. I. Narrative. *Poetics: A dictionary of current terms and concepts*, ed. Tamarchenko N. D. Moscow: Izd-vo Kulaginoi; Intrada, 2008, 134–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwxdln>

- Тютелова Л. Г. Проблема пространственной точки зрения в драме. *Культура и текст*. 2019. № 4. С. 41–53. [Tjutelova L. G. The problem of spatial point of view in drama. *Kul'tura i tekst*, 2019, (4): 41–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxigkx>
- Тютелова Л. Г. Эпическое в русской драматургии XIX века (на примере пьес А. Н. Островского). *Сфера культуры*. 2023. № 3. С. 35–42. [Tjutelova L. G. Epic in Russian drama of the XIXth century (exemplified by A. N. Ostrovsky's plays). *Sphere of culture*, 2023, (3): 35–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rneytq>
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. 2-е изд. СПб.: Наука, 2006. 377 с. [Habermas J. *Moral consciousness and communicative action*. 2nd ed. St. Petersburg: Nauka, 2006, 377. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwnvpr>
- Хализев В. Е. Драма как явление искусства. М.: Искусство, 1978. 240 с. [Khalizev V. E. *Drama as an art phenomenon*. Moscow: Iskusstvo, 1978, 240. (In Russ.)]
- Холодов Е. Г. Мастерство Островского. М.: Искусство, 1963. 542 с. [Kholodov E. G. *Ostrovsky's mastery*. Moscow: Iskusstvo, 1963, 542. (In Russ.)]
- Шаплен Ж. Мнение Французской Академии по поводу трагикомедии «Сид». *Литературные манифесты западно-европейских классицистов*, сост., общ. ред. Н. П. Козлова. М.: МГУ, 1980. С. 273–298. [Chapelain J. The French Academy on the tragicomedy The Cid. *Literary manifestos of Western European classicists*, comp. and ed. Kozlova N. P. Moscow: MSU, 1980, 273–298. (In Russ.)]
- Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 266 с. [Shklovsky V. B. *The theory of prose*. Moscow: Federation, 1929, 266. (In Russ.)]
- Fludernik M. *Towards a "natural" narratology*. L.-NY: Routledge, 1996, XVI+454.

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 10.02.2025.

Дата выхода в свет 28.02.2025.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 17,9. Уч.-изд. л. – 15.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

